

УДК 628.1372
А72

Ю.М. Антонян, И.Б. Бойко,
В.А. Верещагин

НАСИЛИЕ
СРЕДИ
ОСУЖДЕННЫХ

Москва 1994

Ю. М. Антонян, И. Б. Бойко, В. А. Верещагин

НАСИЛИЕ СРЕДИ ОСУЖДЕННЫХ

Под редакцией Ю. М. АНТОНЯНА

Учебное пособие

код экземпляра

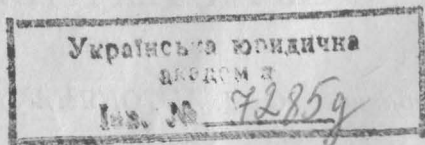
10945

*Рекомендовано к опубликованию
редакционно-издательским советом
ВНИИ МВД России*

Рецензенты:

*Ю. Г. Кованов (ГУИН МВД России)
А. А. Рябинин, кандидат юридических наук (МГЮА)*

Антонян Ю. М., Бойко И. Б., Верещагин В. А.

Насилие среди осужденных: Учебное пособие/Под ред. Ю. М. Антоняна. — М.: ВНИИ МВД России, 1994. — 116 с.

Насилие среди осужденных в исправительных учреждениях — неизбежное следствие и продолжение преступности — еще недостаточно изучено отечественной криминологией. Мы мало знаем о том, что представляет собой такое насилие, в чем его специфика в местах лишения свободы, какими причинами оно порождается и как с ним бороться. Настоящая книга представляет собой попытку ответить на эти сложные вопросы, показать важность предупреждения агрессивных проявлений со стороны преступников для их исправления.

Для юристов, криминологов, психологов, психиатров, всех, кто обеспокоен высоким уровнем насилия в обществе, в первую же очередь — для сотрудников исправительных учреждений.

УДК 343.9+343.95

ПРЕДИСЛОВИЕ

О том, что в местах лишения свободы насилие среди осужденных имеет широкое распространение, известно давно, как, собственно и то, что данное явление предупреждать очень сложно.

Во-первых, это противоправное покушение на жизнь, здоровье, честь и достоинство человека. Значительная часть подобных покушений носит латентный характер, а это означает, что виновные в таких поступках остаются безнаказанными, в связи с чем происходит новый виток насилия. Латентность агрессии характерная черта тюремных учреждений. Во-вторых, насилие над ними осужденных в отношении других затрудняет (во многих индивидуальных случаях — исключает) достижение цели уголовного наказания — исправления преступников, возвращение их к нормальной человеческой жизни. Разгул тюремного насилия подрывает, а часто и уничтожает веру осужденных в справедливость, закон, порядок, психологически дает им право тоже не уважать никого и ничего. В-третьих, насилие среди осужденных разлагает администрацию мест лишения свободы, всю исправительную систему. Представители администрации, если они не препятствуют такому тюремному беспределу, подчас сами бывают вовлечены в его порочный круг, как бы становятся его соучастниками, в отдельных случаях используют его для достижения своих корыстных целей, что иногда пытаются скрыть под демагогическими рассуждениями о пользе дела.

Насилие среди осужденных и в меньшей степени его угроза создают гнетущую атмосферу в колониях и являются одной из основных причин того, что осужденные испытывают острое одиночество, подавленность, психологическую отчужденность, недоверие к окружающим, ощущают себя под каким-то гигантским психологическим прессом. Проведенное нами недавно специальное изучение этого вопроса показало, что, по сравнению со свободными людьми, среди преступников значительно больше доля тех, кто ощущает себя изолированным, вытолкнутым за пределы человеческого общения и бессознательно воспринимает окружающую среду как чуждую, враждебную, агрессивную.

Мы намерены здесь рассмотреть самый широкий спектр проявлений насилия — от оскорблений и угроз до убийств, от побоев до захватов заложников, а также насилие против самого себя. Понятно, что очень многие случаи агрессии носят латентный характер, особенно если она выражается в вербальной форме. Разумеется, нельзя назвать точную цифру актов насилия, но вполне реально показать, каков удельный вес скрытых фактов.

Насилию среди осужденных отечественные исследователи уделяли много внимания. Об этом писали еще С. В. Познышев и М. Н. Гернет, многие современные криминологи и пенитенциаристы. Но, во-первых, соответствующих трудов в целом немного и сведения в них носят несколько отрывочный характер. Во всяком случае нет работ, полностью посвященных именно насилию в среде осужденных. Во-вторых, практически отсутствуют развернутые научные схемы, которые бы объясняли причины и механизмы названного явления. Между тем знание причин чрезвычайно важно в первую очередь для практики, поскольку бессмысленно бороться с насилием, если не знать его причины.

Ни в коем случае нельзя пройти мимо того факта, что насилию среди осужденных посвящены произведения художественной и публицистической литературы. Из ранних работ этого жанра особо выделим «Сахалин» выдающе-

гося русского публициста В. Дорошевича. Коммунистическая действительность, в первую очередь гулаговского периода, дала обильную пищу для описания жестокости в местах лишения свободы. Об этом много писали А. Солженицын и В. Шаламов. Они отмечали, что администрация советских концлагерей активно использовала уголовников («блатных») для глумления и расправ над всеми теми безвинными жертвами, которых именовали «политическими». Тоталитарная гулаговская система предоставляла «блатным» и другим воровским «авторитетам» необозримые возможности не только безнаказанно издеваться над другими заключенными, но и самым наглым образом грабить их. Насилие уголовников было дополнительным наказанием, и лагерное начальство прямо толкало их на это.

В последние годы появилось немало художественных произведений, посвященных жизни в местах лишения свободы. Их художественная ценность, на наш взгляд, невелика (см., например, роман Габышева «Одлян, или воздух свободы»), и на этом фоне особенно заметны усилия авторов нагнетать ужасы, многие из которых не соответствуют действительности. Одним словом, читателей пугают, а им не страшно. Некоторые художественно-публицистические работы (например, «Чешежопица» Некраса Рыжего) представляют собой просто порнографические изделия, в которых грубый и примитивный натурализм, исключительный цинизм и грязное сквернословие тщетно пытаются выдать за критический реализм и компенсировать свое творческое бессилие.

Наша работа построена на материалах специальных исследований, которыми было охвачено свыше полутора тысяч осужденных в колониях всех видов режима. Эти исследования проводились в разные годы, особенно интенсивно в 1992—1993 гг. Использовались также результаты изучения вопросов насилия среди осужденных, которые были получены другими авторами.

Данная книга адресована прежде всего сотрудникам исправительных учреждений, которые, как надеются авторы, могли бы почерпнуть в ней ценные сведения о природе и причинах насилия среди лишенных свободы, рекомендации и предложения по его профилактике. Эти сведения могут вызвать интерес у криминологов, психологов, психиатров.

Глава I.

ПРОБЛЕМА НАСИЛИЯ СРЕДИ ОСУЖДЕННЫХ

1. Общая характеристика¹

Насилию в исправительных учреждениях посвящено достаточно большое количество публикаций, включающих в себя пособия, статьи и специальные сборники научных трудов по указанной проблеме. Основные направления исследований были сосредоточены на изучении криминологических, уголовно-правовых, процессуальных, исправительно-трудовых и социально-психологических аспектах этой проблемы, предпринимались попытки анализа причин и разработки комплекса мер по профилактике насильственных действий.

Публикации 1970—1980 гг. по данной проблематике свидетельствуют о тенденции роста эксцессов в виде группового хулиганства, а также совершения различного рода правонарушений и преступлений против других осужденных. Большинство авторов при изучении практической деятельности колоний делают достаточно прямолинейный вывод о том, что чем мягче вид режима, тем больше совершается правонарушений. Максимальное количество правонарушений отмечалось ими в колониях общего и усиленного видов режима. При этом, как правило, не раскрывая действительных причин такой связи, исследователи приходят к выводу о необходимости усиления режима, поиска новых, более совершенных форм и методов организации надзора за осужденными в этих колониях, наивно веря, что суровые условия наиболее целесообразны. Как бы в подтверждение целесообразности действий, направленных на ужесточение режима, некоторые авторы акцентируют внимание на том факте, что групповые эксцессы почти отсутствуют в колониях особого вида режима².

В освещении социально-правовых и психолого-педагогических проблем предупреждения правонарушений в ИТУ основное внимание уделяется организации профилактической деятельности, со-

¹ В написании данного § принимал участие А. О. Буянов.

² См.: Каретников И. В. Некоторые криминологические характеристики групповых эксцессов осужденных//Актуальные проблемы укрепления режима в ИТУ. Рязань, 1979. С. 85; Сазонов Г. Ф. Роль режима отбывания наказания в формировании правосознания осужденных//Указ. сб. С. 179.

ставлению комплексных планов профилактики преступлений. При этом отмечается недостаток теоретических разработок, позволяющих проводить качественный анализ правонарушений, судить о причинах и условиях, способствующих совершению преступлений, мотивах антиобщественного поведения, глубинных процессах, происходящих в среде осужденных. Многие авторы в те годы высказывали пожелания о необходимости разработки научно обоснованных критериев определения круга лиц, склонных к совершению насильственных действий как против осужденных, так и администрации³.

Изменение в настоящее время характера общественных отношений активизировало деятельность лиц, наиболее склонных к деструктивным формам поведения в колонии, и позволило выявить новые тенденции в развитии этого явления. Они обусловлены целым комплексом причин, связанных прежде всего с изменениями в сфере экономики, переходом от распределительных отношений к рыночным. В колониях эти изменения повлекли за собой резкий спад объемов производства и как следствие — отсутствие у большинства осужденных возможности иметь дополнительные средства к существованию. В свою очередь, рост цен и снижение жизненного уровня населения послужило причиной сокращения свиданий с родственниками и оказания с их стороны материальной помощи.

Ослабление влияния формальных норм, регулирующих сферу потребления материальных и духовных благ, и усиление неформальных организационных структур осужденных повлекло за собой изменение механизмов стабилизации ситуаций в колониях с опорой на авторитетных осужденных и установления с ними в определенных случаях компромиссных отношений. Произошла своеобразная переориентация сил и неформальных ценностей, направленная на усиление положения лиц, имеющих возможность покупать высокий статус в преступной среде. Согласно высказываниям старых воровских «авторитеров», если раньше нужны были «поступки» против администрации, чтобы попасть в лидеры, то сейчас — деньги. До введения рыночных отношений «общак» собирался преимущественно за счет сборов в колонии. В настоящее время рекетиры и другие организованные преступные группировки на свободе переводят в «общак» значительные материальные средства, поднимающие авторитет их представителя в местах лишения свободы. В свою очередь такие изменения в расстановке сил и сфер влияния порождают скрытую неприязнь и напряженные отношения в элитной среде осужденных.

На этом фоне стимулируются процессы образования неформальных групп, внутри которых растет чувство протеста против социальной несправедливости. Хотим мы этого или нет, но социальная несправедливость представляет собой взрывное устройст-

³ См.: Гуськов В. И. Проблемы профилактики преступлений в ИТУ//Социально-психологические и правовые проблемы профилактики правонарушений в исправительно-трудовых учреждениях. Рязань, 1982. С. 3.

во с часовым механизмом, рано или поздно выливается в прямой протест или явный конфликт между персоналом учреждения и членами неформальных групп. При этом оперативная обстановка в колонии существенно усугубляется наличием организованных преступных групп на свободе, которые привлекаются неформальными авторитетами для угроз и шантажа отдельных представителей администрации. По нашему мнению, намечается опасная тенденция самоорганизации преступной среды, координации ее сил и средств для использования их при сведении счетов с неугодными сотрудниками учреждения. Наблюдающийся в настоящее время случаи нападений на сотрудников колоний настоятельно требуют организации специальных мер по их защите.

Многие сотрудники исправительных учреждений растерялись, когда начались захваты заложников, массовые насильственные действия со стороны рецидивной части осужденных. Администрация оказалась неспособной к правильному применению закона, принятию рациональных решений и контрмер. В связи с вышеизложенным нужно указать на необходимость создания специализированных служб в колониях и в первую очередь психологической.

Нет сомнений, что такие службы нужны, и во многих исправительных учреждениях они уже есть. Однако с помощью одной такой службы проблемы насилия не решить. В этом убеждает многолетний опыт, поскольку с агрессивными проявлениями среди преступников пытались бороться всегда или почти всегда. Чтобы профилактические усилия были бы успешны, прежде всего необходимо внести ясность в картину насильственных действий, т. е. знать их характер, распространенность, основные тенденции, особенности личности и поведения виновных в их совершении. Знание причин насилия еще более важно, но это уже другой, следующий этап — объяснение, сейчас же необходимо описание.

Основную массу правонарушений в местах лишения свободы составляют насильственные проступки, они же представляют собой наибольшую общественную опасность. Конечно, там немало и корыстных правонарушений, но их особенностью является то, что многие из них порождаются насилием или, напротив, являются его причиной.

В местах лишения свободы России ежегодно совершается около 70 убийств и 160 тяжких телесных повреждений, из них подавляющая часть — в исправительных колониях, меньше всего — в тюрьмах и лечебно-трудовых профилакториях. Это наиболее опасные преступления, поэтому и регистрируемость их достаточно высокая. В целом же агрессивные проявления можно разделить на две большие группы: насильственные преступления и насильственные проступки, не зарегистрированные в качестве преступных. Разумеется, вторая группа не только более многочисленна, но и обладает большими генетическими способностями. Иначе говоря, она питает ту часть, которая является преступной, но вместе с тем многие насильственные акты, не зарегистрированные в

качестве преступных, на самом деле являются таковыми. К их числу прежде всего относятся факты оскорблений, клеветы, побоев, истязаний, хулиганства, насильственного мужеложства. Поэтому мы первостепенное внимание уделим не только непреступному насилию, но и непреступным «преступным» действиям, хотя отделить одно от другого довольно сложно.

Из числа обследованных нами лиц лишь 10% (т. е. каждый десятый) был совсем неконфликтен, у 15% отмечалась низкая склонность к конфликтам, они редко вступали во враждебные отношения с окружающими. Зато остальные отличались именно такой склонностью и не случайно поэтому, что большинство нарушений режима насильственного характера допускались два и более раза. По своему характеру эти нарушения распределялись следующим образом: насильственные действия физического характера наблюдались в 27% случаев, такие же действия вербального (словесного) характера против конкретных людей (оскорбления, клевета, угрозы и т. д.) — 44%, хулиганские действия, не направленные против конкретных людей, — в 29%. К числу последних можно отнести внешне бессмысленное уничтожение материальных ценностей, истерические выкрики с нецензурными выражениями и безадресными угрозами и т. д.

Ниже мы специально и очень обстоятельно проанализируем причины насилия в исправительных учреждениях, придавая этому вопросу исключительно важное значение и отмечая такую же сложность его решения. Наивно думать, что понимание причин насилия может непосредственно прийти из соответствующих ответов осужденных или представителей администрации, хотя многие начинающие криминологи именно так и думают. Впрочем, к сожалению, не только начинающие, но и все те, которые придерживаются концепции вульгарно социологической детерминации человеческого поведения. Здесь мы данную проблему рассматривать не будем.

К большинству лиц, которые допускали насильственные действия, применялись предупреждение или выговор (60%), либо помещение в штрафной изолятор (ШИЗО), дисциплинарный изолятор (ДИЗО) и помещение камерного типа (ПКТ) — 66%. Намного реже применялись такие взыскания, как внеочередное дежурство (33%), лишение права посещения кино, концерта и т. д. (19%), отмена улучшенных условий содержания (6%). Однако применение в основном суровых санкций в большинстве случаев не приводило к желаемым результатам: 56% отнеслись безразлично к наказанию, 14% бравировали им как неким высоким знаком отличия, но, правда, столько же раскаивались и испытывали чувство вины. Однако основная часть, повторяем, была безразлична к взысканию или даже гордилась им. Отсюда и последующее поведение: 67% наказанных вновь совершили насильственные действия и вновь были подвергнуты санкциям.

Наблюдение за отдельными лицами, которые вечно находятся в оппозиции к режиму отбывания наказания показывает, что мно-

гим их образ жизни нравится, и, более того, они вовсе не хотели бы с ним расставаться. Здесь у них полное сходство с политическими крикунами — фанатиками, для которых тоже не важен конечный результат, о котором, кстати, они могут иметь самое смутное представление или вообще не задумываться о нем, точнее — выкрикаться, показать себя, обратиться на себя внимание. Нет сомнений, что те и другие по большей части истероидные, демонстративные личности. Подконвойным оппозиционерам это не только дарует ореол мученика за справедливость, но и предоставляет возможность все время эмоционально разряжаться, никак не сдерживая свои желания и инстинкты. Подобная раскованность характерна для первобытной орды, в которой каждый мог делать то, что хотел, не будучи связан нравственными путами. Поэтому такое поведение нельзя назвать цивилизованным, но в условиях лишения свободы оно находит одобрение у очень многих преступников.

Можно посмотреть на проблему тюремного насилия с иных позиций и поставить вопрос в несколько парадоксальном, на первый взгляд даже нелепом, ракурсе: является ли насильственное поведение в местах лишения свободы необходимым и целесообразным? Мы склонны ответить на этот вопрос, точнее на два вопроса, положительно, на второй — условно. Необходимость вытекает из того, что в местах лишения свободы люди с помощью насилия пытаются компенсировать все то, что они потеряли в связи со взятием под стражу. Как бы сам осужденный не был согласен с тем, что за его поступок обязательно должна наступать уголовная кара, его живая природа тем не менее неизбежно будет требовать выхода за рамки неволи и обретения того, что лежит за ними, хотя бы психологически. Человек, полностью и безоговорочно смирившийся с тюрьмой и принявший ее — со всеми ее ограничениями, символикой, нравами, обычаями, отношениями, едой, запахами и т. д., — уже не совсем человек, во всяком случае — не обычный, не нормальный человек. Поэтому протест лишенного свободы, даже если, он бесплоден, для него психологически целесообразен и иногда свидетельствует о том, что протестующий еще не полностью потерял человеческий облик и не забыл того, что стоит за словами «личное достоинство».

Это не праздные рассуждения. Всем, кто знаком с жизнью за тюремной решеткой, известны опустившиеся, лишенные всякой инициативы, жалкие и безвольные существа. В силу старости, соматических и психических заболеваний, несоблюдения элементарных гигиенических правил они всеми презираемы и находятся на социальном дне. По сравнению с вечными бунтарями и каторжной элитой, эти тюремные сидельцы представляют собой совсем иной общественный, психологический и нравственный полюс. Есть, разумеется, и такие, которые вполне достойно ведут себя, а если и протестуют, то не с помощью грубой силы, но их голос обычно звучит слабо и редко доходит до слуха адресата. Многие из них, сжав зубы, просто терпят.

Теперь представим, что было бы, если во всех странах все (все!) осужденные (заключенные) соглашались со всеми порядками в тюремных учреждениях. Надо полагать, они стали бы бессловесными рабами, а те, которые надзирают над ними, превратились бы в рабовладельцев. В этом случае нравственный ущерб для общества, учитывая и конечный итог воздействия на личность, был бы огромен. При всем том, что требования осужденных подчас бывают нелепы и необоснованны, более того, невыполнимы, они тем не менее каждый раз заставляют нас вспомнить, что они люди. Многие прогрессивные коррективы в условиях содержания преступников есть прямое следствие их многочисленных единичных и коллективных протестов.

Не следует думать, что насильственные действия в местах лишения свободы всегда представляют собой протест. В огромном числе случаев подобные действия являются привычным грубым способом разрешения данной жизненной ситуации, когда субъект даже не желает задумываться над тем, что можно прибегнуть к другим, неагрессивным формам поведения. Но особенностью насилия в исправительных учреждениях является то, что, даже если оно в сущности носит характер протеста, обычно направлено на другого осужденного. Иными словами, если один преступник отбирает что-то (не обязательно материальные ценности) у другого преступника, тем самым он пытается компенсировать нечто, что у него отнято неволей. Лишенные свободы в отличие от администрации несравненно хуже защищены, поэтому объектом нападения других преступников они становятся намного чаще.

Поэтому отнюдь не случайны следующие результаты: только 42% осужденных чувствуют, что они пользуются уважением других и, следовательно, защищены, однако 9% считают свое положение безнадежным, опасаются за свою честь и достоинство, вообще за свое будущее. Интересны и такие данные: 22% полагают, что в случае конфликта их защитят товарищи, а 11% — в этом плане надеются на администрацию. Эти данные можно интерпретировать следующим образом: 33% осужденных все-таки опасаются агрессии, хотя и надеются на администрацию или других осужденных. По-видимому, и они чувствуют себя достаточно тревожно.

Мы спрашивали осужденных, были ли они свидетелями притеснений и насилия. Ответы распределились следующим образом: 47,4% ответили положительно, 22,7% — отрицательно и 29,9% сказали, что они о таких фактах не помнят. Следовательно, около половины опрошенных находились в ситуациях, где имела место агрессия. Несколько неясно с ответами «не помню», поскольку трудно представить себе, чтобы человек мог бы забыть акты насилия, которые происходили в его присутствии. Скорее всего, опрошенные таким образом просто уходили от ответа и это было способом психологической защиты, т. е. они на всякий случай стремились не говорить ничего такого, что могло бы создать для них какие-то неприятности. Ведь можно же было многим из них

предположить, что вслед за вопросом: «Приходилось ли Вам быть свидетелем притеснения?» следующий: «Когда, где, кто, кого притеснял?». Если ответить на него, то могут последовать не просто неприятности, а нечто гораздо более страшное. Конечно, само притеснение каждый понимает по-своему и для некоторых людей действительное притеснение, особенно если оно не направлено против них самих, отнюдь не воспринимается как насилие.

Тем не менее при опросе осужденных выяснилось, что каждый третий убежден в том, что в местах лишения свободы можно стать жертвой насилия со стороны других преступников. Еще одна треть опрошенных не смогла дать ответ на соответствующий вопрос. В целом у подавляющего большинства осужденных (83,7%), как следует из нашего опроса, часто возникали конфликты с другими осужденными. Конфликты с представителями администрации возникали несколько реже: удельный вес опрошенных, которые вступали в такие отношения, равен 79,2%. Более того, лишь 24% испытывали страх перед администрацией, а 52% считают, что представители администрации в основном доброжелательны, гораздо больше людей боятся тюремных нравов, насаждаемых самими осужденными, что создает особую атмосферу в исправительных учреждениях.

Чтобы еще лучше почувствовать отношение к окружающим человека, лишенного свободы, мы произвели опрос осужденных. Им задавались вопросы, на которые они должны были ответить «да» или «нет». Итог этих ответов достаточно красноречив, и они сведены в таблицу.

Т а б л и ц а 1

В О П Р О С Ы	О т в е т ы , %	
	да	нет
Временами я не могу справиться с желанием причинить вред другим	60,6	39,4
Тот, кто оскорбляет меня, напрашивается на драку и должен быть наказан	76,0	24,0
Меня охватывает ярость, когда надо мной издеваются	77,3	22,7
Почти каждый день я вижу кого-нибудь, кто мне не нравится.	76,3	23,7
Если я злюсь, я прибегаю к «сильным» выражениям	73,2	26,8
Если я разозлюсь, я могу ударить	79,4	20,6
Я часто чувствую себя как пороховая бочка, готовая взорваться	55,7	44,3
Я могу вспомнить случаи, когда я был настолько зол, что хватал первую попавшуюся вещь и ломал ее	54,6	45,4
Иногда я чувствую, что готов первым начать драку	61,9	38,1
Если для защиты своих прав мне надо применить физическую силу, я применю ее	77,3	21,7

В О П Р О С Ы	Ответы, %	
	да	нет
Я бываю груб по отношению к людям, которые мне не нравятся	80,2	19,8
Я знаю людей, которые способны довести меня до драки	68,0	32,0
Люди способны на жестокость, если их вынуждают к этому	87,6	12,4
Если человек способен оскорбить другого, то он должен быть готов к тому, что к нему будет применено насилие	72,9	26,1
Справедливость должна восторжествовать любой ценой, в том числе путем применения жестокости	62,5	37,5
Я часто испытываю беспокойство и неуверенность	55,7	44,3
Нужно всегда быть готовым к отпору и защите	91,8	8,2
Условия жизни в колонии таковы, что люди поневоле становятся жестокими и грубыми	78,1	21,9

Нет необходимости подробно комментировать перечисленные вопросы и ответы на них. Отметим лишь несколько наиболее важных моментов: положительные ответы во всех случаях преобладают над отрицательными и по большей части значительно: осужденные все время тревожны, обеспокоены, ощущают угрозу и готовы к отпору, в основном надеясь на грубую силу. Господство этой силы поневоле возвращает нас к ранее высказанной мысли, что сообщество осужденных во многом напоминает первобытную орду, и это отнюдь не красочное сравнение. И у первых людей, объединившихся в общину, и в тюрьме поведение регулируется правилами, которые лишь в зачаточной степени насыщены нравственностью, если под ней понимать умение сопереживать и сострадать, способность прощать, проявлять доброту и бескорыстность, независтливость и щедрость, защиту слабого, следовать идеалам без расчета на выгоду.

Но, конечно, осужденные в неволе вовсе не стадо обезумевших зверей, и, анализируя такую неприглядную форму их жизни, как насилие, отнюдь не следует пользоваться только черной краской. В личности и поведении многих из них немало самоотверженности, смелости, верности принципам, пусть и не всегда самым лучшим, выручка товарищей и т. д. Тот же опрос осужденных показал, что большинство из них (71,1%) считают, что даже в неволе человек обязан заботиться о других, что не все люди враги (56,3%).

Что же представляют собой те лишенные свободы, которые прибегают к насилию?

Подавляющее большинство из них в возрасте до 30 лет со средним и неполным средним образованием, 80% из них ранее судимы, причем 1 раз привлекались к уголовной ответственности

28,9%, 2 раза — 17,5%, 3 раза и более — 32,0%. Таким образом, есть все основания думать, что это люди, достаточно сильно пропитавшиеся тюремной субкультурой, тем более, что 46% из них ранее уже находились в местах лишения свободы, причем 18,8% находились там от пяти до десяти лет, а 13,5% — свыше 10 лет. Основная масса тех, кто применяет насилие, осуждены за кражи, грабежи и разбои (74,2%), очень мало оказалось тех, кто наказан за убийства и нанесение тяжких телесных повреждений, но много виновных в изнасиловании (23,7%). Невысокий удельный вес убийц и нанесших телесные повреждения можно объяснить тем, что они составляют не очень значительную долю среди осужденных.

Что касается виновных в изнасиловании, то специальное изучение этой категории осужденных показало, что среди них много нарушителей режима, в том числе тех, кто прибегал к насилию. У таких осужденных периоды правильного поведения чередуются с грубыми нарушениями режима (отказ выйти на работу, отказ от выполнения определенных работ, нарушение правил передвижения по территориям жилой и производственной зон) и учинение конфликтов с другими людьми (драки, оскорбление нецензурной бранью, дерзкое неподчинение требованиям бригадира, мастера, начальника цеха).

Осужденному М. 23 года. В местах лишения свободы находится 9 лет, первое преступление совершил в возрасте 14 лет. Физически развит слабо, небольшого роста, хрупкого телосложения. В медчасти колонии стоит на учете у психиатра с диагнозом психопатия. В его семье было 7 детей. Родители — неквалифицированные рабочие, их заработок был невелик.

М. в течение 1,5 лет стоял на учете в милиции за совершение мелких краж и бродяжничество. Направлен на учебу в специальное ПТУ, из которого дважды убежал. После второго побега жил у друзей, которые, будучи на 5—6 лет старше М., пытались вовлечь его в пьянство, брали с собой в компании, где совместно с девушками распивали спиртное и в присутствии М. совершали с ними половые акты, предлагая и ему принять участие в них, но он отказывался.

В этот же период М. в течение двух недель совершил три изнасилования малолетних девочек и два покушения на изнасилования. Потерпевших (в возрасте от 6 до 10 лет) — М. встречал на дороге или возле пионерских лагерей и под разными предлогами уводил в лес. В двух случаях преступный замысел не был доведен до конца, так как помешали проходившие недалеко люди. Преступления совершались с применением насилия и угрозы убийством, при этом М. демонстрировал потерпевшим нож.

В местах лишения свободы поведение М. неровное: относительно длительные (до 6 месяцев) периоды правильного поведения чередуются с грубыми нарушениями режима. В период отбывания наказания совершил мужеложство, кражу, нанес телесные повреждения другому осужденному, ударив его молотком по го-

лове; на почве личных неприязненных отношений с освобождающимся условно с обязательным привлечением к труду совершил в отношении него акт провокации, желая скомпрометировать и помешать освобождению. Характеризуется отрицательно: лжив, скрытен, агрессивен, внешне неопрятен.

Во время опроса М. по поводу совершения им преступлений пояснил, что сцены половых отношений, которые он наблюдал, находясь в компании с друзьями, действовали на него возбуждающе, но принимать участия в оргиях он не хотел, так как боялся, что не сможет совершить половой акт со взрослой женщиной и друзья будут над ним смеяться. Из-за своего маленького роста, детских черт лица и робости М. неоднократно подвергался насмешкам со стороны друзей и соучеников в ПТУ. М. поясняет, что решил изнасиловать малолетних девочек, чтобы снять сексуальное напряжение, самоутвердиться и поднять свой авторитет в глазах друзей.

М. замкнут, о себе рассказывает неохотно, уровень его развития не соответствует возрасту.

Теперь рассмотрим такой существенный вопрос, как отношение к «своему» преступлению и понесенному наказанию. При опросе оказалось, что полностью в содеянном раскаивается лишь 16,2% осужденных, прибегающих к насилию, не раскаивается совсем 20,6%. Все остальные, а их, естественно, большинство, никак не смогли определить свое отношение к собственному преступному поведению — они либо безразличны к нему, либо, по их словам, раскаиваются частично. Между тем частично раскаиваться невозможно; скорее всего, под неполным раскаянием опрошенные понимали то, что не они одни виноваты в происшедшем, а еще кто-то: свидетели, очевидцы, обстоятельства, потерпевшие и т. д. Это типичная позиция преступника — винить кого угодно, но не себя, не соглашаться с тем, даже вопреки очевидности, что ты являешься источником того, что осуждается.

Отношение к совершенному преступлению и отношение к понесенному наказанию обычно тесно коррелируют друг с другом. Так оказалось и в данном случае: если, как мы отметили выше, полностью раскаявшихся было 16,2%, то тех, кто считает наказание справедливым, немного больше — 19,6%. Все остальные ответили, что наказание слишком сурово и несправедливо, а многие (21,7%) к нему вообще безразличны или до сих пор не определили, как к этому им следует относиться. Разумеется, если человек не чувствует за собой вины и убежден, что наказан «неправильно», несправедливо, излишне сурово и т. д., то у него не формируются надлежащие механизмы законопослушного поведения в исправительном учреждении. В том, что происходит с ним, виноваты все, но больше всего те, до которых могут «дойти» руки, — в первую очередь это товарищи по несчастью. Остальные — следовательно, прокурор, судья, потерпевший, свидетели и т. д. — далеко и по их адресу можно только посылать проклятия и не очень ясные угрозы.

Давно известно, что лица с расстройствами психики относятся к числу наименее адаптированных людей, поскольку сами расстройства препятствуют их успешному приспособлению к жизни. Этот же фактор активен и в местах лишения свободы, а поэтому его можно рассматривать в качестве дестабилизирующего поведения. В нашей выборке лишь 27,8% не обнаруживали признаков психической аномалии, следовательно, 72,2% были аномальны (в пределах вменяемости). Однако мы в данном случае брали лишь тех, кто, отбывая наказание, был замечен в учинении насильственных действий. При обследовании же всех осужденных (в 1980 г. и в 1992 г.) психически аномальные лица составили лишь 25—30%. Из этого можно сделать безошибочный вывод, что такие лица наиболее «густо» представлены среди нарушителей режима содержания в местах лишения свободы. Психические аномалии среди последних распределились так: алкоголизм — 14,4%, токсикомания — 6,2%, психопатии — 43,3%, олигофрения — 12,4%, остаточные явления черепно-мозговых травм — 16,5%. Остальные психические патологии не имели, по данным нашего обследования, сколько-нибудь серьезного распространения.

Поведение осужденных с психическими аномалиями представляет собой самостоятельную пенитенциарную проблему. Ее важность заключается в том, что без учета особенностей поведения таких лиц невозможно правильно организовать индивидуально-воспитательное воздействие на них. Вместе с тем она является и криминологической проблемой, поскольку без знания о наличии и специфике внешних проявлений тех или иных психических расстройств у конкретных лиц нельзя успешно предупреждать новые правонарушения с их стороны, в том числе насильственные. По-видимому, наличие психических аномалий при всем том, что они еще плохо выявляются и лечатся, а карательно-воспитательное воздействие обычно осуществляется без учета этого весьма важного факта, во многом объясняет такое стойкое неподчинение требованиям администрации, непринятие условий пребывания в ИУ. Вполне можно предположить, что в этом же одна из существенных причин того, что среди лиц, длительное время находившихся в местах лишения свободы, высока доля имеющих патологии в психике.

Из числа всех осужденных (и психически здоровых) отрицательно характеризуется 24,1%, положительно — 47,1%, нейтрально — 28,8%. Сопоставление же этих данных с наличием (отсутствием) и видом аномалии в психике показывает следующее (см. табл. 2).

Показатели этой таблицы говорят о том, что отрицательные характеристики в большинстве имеют лица с ущербной психикой, а доля психически здоровых выше среди тех, кто характеризовался положительно. Примечательно, что по сравнению с последними удельный вес психически здоровых среди характеризующихся нейтрально несколько уменьшается.

Распределение обследованных осужденных
в зависимости от общей характеристики поведения в колонии
и вида психической аномалии, %

Вид психической аномалии	Характеристика в колонии		
	отрица- тельная	положи- тельная	нейтраль- ная
Психически здоров	34,0	49,6	47,9
Психопатии	26,1	7,7	10,6
Олигофрении	7,6	2,1	4,9
Хронический алкоголизм	13,4	29,5	21,4
Остаточные явления травм черепа	8,4	6,0	3,5
Органические заболевания централь- ной нервной системы	5,0	2,6	6,3
Прочие аномалии	0,0	2,5	5,4

Нельзя также не отметить, что среди отрицательно характеризующихся осужденных больше всего психопатов, а алкоголики «занимают» лишь второе место. Немало здесь и лиц, страдающих остаточными явлениями травм черепа и органическими поражениями центральной нервной системы, доля которых, равно как и психопатов, намного меньше среди характеризующихся положительно. Так, среди тех, чье поведение получило положительную оценку, психопатов в три с половиной раза меньше, чем среди тех, кто не нарушал правил отбывания наказания. Следовательно, психопаты и осужденные, имеющие остаточные явления травм черепа и органические заболевания центральной нервной системы, должны привлекать внимание сотрудников исправительных учреждений в первую очередь.

Если обратиться к отдельным видам нарушений режима, то будет видно, что во всех без исключения отдельных видах большинство нарушителей составляют лица с психическими аномалиями. Так, среди тех, кто не подчинялся требованиям администрации колонии, их доля достигает 60,3%, участвовал в азартных играх — 67,4%, драки и другие конфликты с осужденными — 66%, хранил при себе деньги, ценности и другие предметы, запрещенные в ИТУ, — 63,6%, пьянствовал — 64%. Важно указать, что доля психопатов во многих видах нарушений режима, даже в пьянстве, в колонии выше, чем алкоголиков, хотя абсолютное количество последних и больше. Это еще раз подтверждает криминогенность именно данной формы психопатологии и необходимость повышенного внимания к ней (см. табл. 3).

В целом поведение в местах лишения свободы психопатов и лиц, страдающих остаточными явлениями травм черепа и органическими заболеваниями центральной нервной системы, значи-

Доля психопатов и алкоголиков в отдельных видах нарушений режима, %

Контингент нарушителей	Вид нарушений режима					
	неподчи- нене адми- нистрации	азарт- ные игры	драки и конфликты с другими осужден- ными	хранение запрещен- ных пред- метов	установле- ние запре- щенных связей	пьян- ство
Психопаты	18,9	19,8	26,0	22,3	22,9	29,4
Алкоголики	20,4	24,4	19,6	16,8	18,1	16,2

тельно хуже, чем других осужденных, в том числе имеющих иные патологии в психике. Давно известно, что одним из источников антиобщественного поведения является постоянное общение с теми, кто совершает противоправные действия и аморальные поступки. Для психопатов такое общение нежелательно вдвойне, поскольку они не только сами совершают правонарушения но и толкают на это других лиц, нередко становятся лидерами преступных групп.

Добавим к этому, что для психопатов, олигофренов и лиц, имеющих остаточные явления травм черепа, наиболее характерно общение с осужденными за насильственные преступления и хулиганство, т. е. с лицами, преступные действия которых имеют много общего между собой, более того, многие убийства, как известно, совершаются из хулиганских побуждений. В то же время среди хронических алкоголиков, по сравнению с психопатами и олигофренами, ниже удельный вес лиц, общавшихся с названными категориями преступников. Можно предположить, что те психологические и социальные механизмы, которые приводят представителей данной категории лиц с психическими аномалиями к насильственному и дезорганизирующему, а порой и вандалическому преступному поведению, стимулируют и их общение с преступниками, осужденными за аналогичные преступления.

2. Специфическое тюремное преступление — насильственное мужеложство

Специальные наблюдения показывают, что значительная часть взятых под стражу или направляемых в колонию, особенно в первый раз, боится не представителей администрации, даже не самих изоляторов или колоний с их камерами, решетками и т. д. В этот момент они мало думают и о предстоящей каре. Больше всего они страшатся тех, с кем придется вместе отбывать наказание, тюремных обычаев и традиций, которые еще успешно конкурируют с официальными правилами и предписаниями. Их страхи отнюдь не беспочвенны, поскольку некоторые лица «выталкиваются», изгоняются из среды осужденных, «опускаются» ими на са-

мое «дню», причем почти всегда в наиболее оскорбительной форме. Это — побои, нанесение телесных повреждений, издевательства и насмешки, но чаще всего и тяжелее всего — гомосексуальное насилие.

Жертвами столь жестокого и унижительного отношения могут быть лица: совершившие сексуальные преступления против детей и подростков, их убийства, нанесение им тяжких телесных повреждений; содействовавшие правоохранительным органам или имеющие родственников в этих органах; занимающиеся мужеложством в пассивной форме; нарушающие правила личной гигиены в силу интеллектуальной отсталости, соматических заболеваний или старости; замеченные в двурушничестве или краже вещей или продуктов питания у других осужденных. Изгоняться из среды преступников могут даже люди с женоподобными чертами лица или тела, просто слабые по характеру и физически, которые не способны противостоять угрозам и насилию. Все они образуют строго изолированную группу «отвергнутых».

Из изложенного видно, что действия и поступки, за которые возможно отвергание, весьма различны. Одни из них порицаются с наибольшей силой, подчас вызывая гнев и возмущение сообщества преступников, другие же менее порицаемы. К первым можно отнести сексуальные преступления в отношении детей и подростков и преступления, связанные с издевательствами над ними или жестокостью, а также оказание содействия правоохранительным органам. Наказание, как правило, наступает сразу после помещения этих лиц в места лишения свободы. Поэтому большинство тех, кто арестован за данные преступления (около 80%), были отвергнуты еще в СИЗО, и только незначительная часть (около 15%) — в колонии, причем в первые месяцы отбывания наказания.

В местах лишения свободы отвергание осуществляет группа наиболее опасных лиц, которые являются лидерами в своей среде. Они в соответствии с неписаными нормами обязаны предпринять необходимые унижительные насильственные действия. Отказ от таких действий может серьезно сказаться на их собственном статусно-ролевом положении в дальнейшем, вплоть до того, что они сами могут оказаться среди «отвергнутых».

Во многих случаях преступниками предпринимаются попытки максимально приблизить сам способ обособления к характеру преступления, совершенного осужденным, которого они намерены изгнать из своей среды. Например, лица, наказанные за сексуальные преступления, отвергаются подчеркивающим именно эти деяния способом, причем с издевательствами над ними, их избиением. Лиц, совершивших другие тяжкие преступления против личности, например тех, которые совершили убийства детей путем сожжения их, отвергают с применением огня (известен факт, когда в процессе избиения подносили горящие предметы к различным частям тела жертвы). При отсутствии возможности добить огонь таких лиц иногда привязывают к радиатору или тру-

бам отопительной системы. Смыслом этих действий, как представляется, является не только унижение «отвергаемого», но и желание дать ему почувствовать то, что он причинил потерпевшему.

Менее порицаемые действия могут вызвать отвержение неугодного лица обычно в тех случаях, когда такое лицо не имеет поддержки в среде осужденных. Это связано с тем, что в условиях лишения свободы в безразличной, часто враждебной человеку среде с жестокими нравами особое значение приобретает дружба и определяемая ею моральная и материальная поддержка.

Некоторыми особенностями обладает отвержение осужденных за занятие мужеложством в пассивной форме. Вероятность обособления за такие действия очень велика. Поскольку с помощью пассивных педерастов отрицательные осужденные удовлетворяют свои сексуальные потребности, выступая в роли активных партнеров, они зачастую заинтересованы в том, чтобы скрыть свои отношения с ними. Это не исключает вероятности отвергнуть пассивного партнера в любой момент в дальнейшем. Лица, игравшие в актах мужеложства пассивную роль, самые презируемые в местах лишения свободы. Не случайно отрицательные осужденные, отвергая других, используют сексуальные способы расправы и за другие поступки с целью усилить карательную сторону неформальной санкции, в наибольшей степени унижить жертву.

Чтобы столь безмерно унижить человека, не всегда обязателен полный насильственный гомосексуальный акт. Вполне достаточно, например, провести половым органом по лицу жертвы, которую в это время крепко держат сообщники. Гомосексуальное насилие часто имеет место в следственных изоляторах (СИЗО) и в ВТК; в колониях, по нашим данным, удельный вес «отвергнутых» составляет 3—5%.

Сами «отвергнутые» осужденные как в силу своих личностных особенностей, так и в силу унижающего отношения к ним не в состоянии, как правило, самостоятельно, без помощи администрации улучшить свое положение, поднять свой статус, особенно осужденные пожилого возраста, лица с психическими аномалиями, а также страдающие различными соматическими недугами и др. В ряде мест администрация к тому же не всегда своевременно предупреждает отвержение, часто не в состоянии повысить неформальный статус того или иного «отвергнутого». Это, вероятно, можно объяснить и тем, что восстановление статуса сопряжено со многими трудностями, в частности, требуется, чтобы изменили свое отношение многие преступники, особенно с отрицательной направленностью, что очень часто попросту невозможно.

Пресс унижительного положения «отвергнутых» не ослабевает никогда, и если в данный момент открыто не попирают их человеческое достоинство, то делают это в иной форме: с ними попросту не общаются, не позволяют сидеть и стоять рядом, обедать за одним столом, дотрагиваться до дверных ручек и т. д. Запрет на общение распространяется на всех, контактировать они могут лишь друг с другом. Такой оскорбительный статус практи-

чески всегда закрепляется за определенным лицом на весь срок пребывания в местах лишения свободы, и изменить такое положение исключительно трудно, а чаще всего — невозможно. Ярлык «отвергнутого» следует за ним в случае перевода в другую колонию, помещения в больницу, направления на стройки народного хозяйства, а очень часто и после выхода на свободу. Не случайно некоторые «отвергнутые», сознавая безысходность и трагизм своего положения, иногда даже убивают своих обидчиков или совершают побег из мест лишения свободы.

Но если в колонии сильна власть неформальных антиобщественных и особенно преступных группировок, если вольготно «правят» так называемые «воры в законе», объектом гомосексуального насилия может стать любой осужденный. Отсюда острые конфликты, кровавые стычки, могущие привести к массовым беспорядкам.

Понятно, почему осужденные отличаются повышенной тревожностью, переживают страх, постоянное беспокойство, ожидание угрозы со стороны окружающего мира, который часто бывает к ним жесток и так унижает их.

Лица, подвергнутые гомосексуальному насилию, образуют особую группу «отвергнутых» («обиженных»), причем объединяются принудительно. Их с применением угроз или силой вынуждает находиться обособленно в колонии само сообщество осужденных. Так, осужденный, прибывший для дальнейшего отбывания наказания в колонию, если он ранее не был отвергнут в СИЗО или ВТК, в определенной степени свободен в выборе той или иной неформальной группы (с положительной, нейтральной или отрицательной направленностью), а в некоторых случаях может даже перейти из одной группы в другую. Иное дело, если осужденный уже ранее был отвергнут преступниками. По прибытии в колонию для дальнейшего отбывания наказания он согласно существующим в среде осужденных неписанным правилам обязан примкнуть только к группе «отвергнутых». В данном случае действует жесткий закон взаимоотношений между осужденными, который базируется на еще прочно сохраняющихся среди преступников традициях и привычках. Нарушение его со стороны осужденного, признанного «отвергнутым», чревато для него большими неприятностями: от угроз до физической расправы.

По сравнению со всеми другими неформальными группами в местах лишения свободы «отвергнутые» занимают самое униженное положение, они представляют собой «дно», на котором оседают все изгнанные из сообщества осужденные. Необходимо подчеркнуть, что при наличии публичного факта отвергания путем гомосексуальных действий такие осужденные «выталкиваются» именно всем сообществом, т. е. не только отрицательно ориентированными осужденными, хотя, как правило, по инициативе последних, но и лицами с нейтральной и очень часто с положительной направленностью. Однако именно первые определяют общее отношение к ним, поскольку они преследуют не только их,

но и других лиц, которые поддерживают взаимоотношения с «отвергнутыми» осужденными или хотя бы стараются их защищать. Более того, последние по этой причине сами рискуют быть «опущенными на дно».

Взаимоотношения членов отрицательной группы с жертвой в начальной стадии ее отвергания очень часто носят скрытый характер, что затрудняет администрацию принять необходимые меры по предупреждению этого акта. Вначале жертву подачками, подарками и посулами склоняют к добровольному гомосексуальному сожителству, обещая сохранить все в тайне. Но затем разглашают такие контакты, которые, впоследствии начинают приобретать и принудительный характер, особенно со стороны новых любовников.

Сообщество «отвергнутых» отличается от других категорий тем, что они постоянно находятся в изоляции, очень часто сопровождающейся оскорблениями, унижениями и всевозможными ограничениями со стороны других осужденных. Эти ограничения выражаются в закреплении за «отвергнутыми» мест в туалете, в умывальнике, душевых комнатах. Для них устанавливается отдельный бак с питьевой водой, при просмотре кинофильмов или телепередач они занимают самые неудобные места, как правило, сбоку; в некоторых ИТК в столовых для них отводятся отдельные столы. При следовании в места общего пользования или при построении на проверках они также обычно находятся изолированно от других осужденных.

Как показало исследование, лица рассматриваемой категории очень редко вовлекаются в самодеятельные организации осужденных, в ряде колоний они недостаточно охвачены системой профессионально-технического образования. Очень редко практикуется их трудоустройство в столовых, санпропускниках, библиотеках, комнатах свиданий и т. п. Весьма ограничены возможности их трудоустройства и в производственной сфере. Так, в одной из колоний общего режима «отвергнутые» осужденные работают в спальном помещении. Администрация часто не решается вывести их на работу в заводские цеха в связи с невозможностью оградить от преследований со стороны отрицательных осужденных.

Таким образом, отвергание в местах лишения свободы представляет собой сложное, в первую очередь социально-психологическое явление, имеющее ярко выраженную антиобщественную направленность. Являясь отрицательным результатом взаимоотношений в среде осужденных, «отвергнутые» лица вынуждены занимать наиболее низкое положение в ее статусно-ролевой структуре.

Разумеется, администрация далеко не безучастна к этому негативному явлению. Она предпринимает различные, часто весьма эффективные меры по его устранению, ограничению сферы отрицательного влияния. Поэтому следует отметить, что отвергание в резкой форме имеет место не во всех колониях и это, подчеркнем

еще раз, в первую очередь зависит от должностных лиц этих учреждений. Там, где строго соблюдается режим и эффективно осуществляются предупредительные меры, отвергание отмечается в скрытых или менее жестких формах и в отношении небольшого количества осужденных. Даже в одном учреждении оно то проявляется в явной форме, то перестает носить видимый характер, что также в решающей степени зависит от администрации. В целом накоплен значительный опыт предупреждения этих нежелательных процессов, о чем будет сказано ниже.

В основе отвергания, безусловно, лежит взаимоотношение личности с окружающей средой, т. е. с другими осужденными. Помещение человека в необычную для него обстановку требует быстрой переориентации, изменения форм поведения, приспособления к ней.

Итак, «отвергнутые» лица, составляющие в местах лишения свободы обособленную категорию, имеют самый низкий социально-психологический статус. В самом факте неравномерности (неравноправности) статусной дифференциации осужденных, как и в любых других неформальных образованиях, нет ничего sensationного или неожиданного. Известно, что и в обычной жизни люди далеко не всегда занимают одинаковое с другими положение в неформальной структуре. В данном случае для нас важно установить не только характер и содержание этой дифференциации, но и ответить на вопрос, почему именно в такой степени и в такой крайней форме со стороны осужденных, и прежде всего со стороны групп с отрицательной направленностью, проявляется резко пренебрежительное, унижающее отношение к определенной категории преступников?

В первую очередь напомним, что отвергание осуществляется, как правило, с помощью гомосексуального насилия, что объясняется, по-видимому, двумя обстоятельствами: 1) в однополном мужском коллективе сексуальность и все, что с ней связано, приобретает первостепенное значение; 2) самым сильным унижением для мужчины является принудительное придание ему женских сексуальных функций, что полностью обезоруживает и подчиняет его. Абсолютное зло — это, конечно, смерть, а в тюремных условиях вслед за ней идет насильственное мужеложство, которое представляет собой социальную смерть.

Большинство осужденных дорожат «хорошей» репутацией, поскольку в кругу преступников для них особенно важно ощущать безопасность и иметь превосходство над другими. Отсюда в среде осужденных с большей значимостью, чем в других социальных группах, определенные роли пользуются уважением. Одна из таких ролей — это роль некоего «настоящего парня». По мнению большинства преступников, это тот, кто придерживается их правил поведения, не боится администрации, никогда не бросит в беде товарища, не исполняет пассивных сексуальных функций, выполняет свои обещания, решителен, быстро ориентируется в сложной ситуации, всегда сможет постоять за себя несмотря на

последствия и, главное, справедлив. Поэтому не случайно лица, обладающих такими качествами, высоко ценятся и уважаются обществом. Они, как правило, являются лидерами или активными членами групп отрицательной направленности, к тому же в своем поведении ориентируются на ценности, разделяемые указанными группами. Именно такие лица зачастую формируют и поддерживают образцы поведения, нормы сообщества, управляют другими, особенно молодыми преступниками, усматривающими в них кумиров и «звезд» уголовного мира.

Указанные личностные особенности — это своеобразная модель. На нее ориентируются в первую очередь отрицательные осужденные, которые пытаются выполнять функции защитников «справедливости». Остальные осужденные как бы молчаливо признают за ними это право, в результате чего «отрицательные» часто являются выразителями их чувств и настроений. По мнению «отрицательных» осужденных, некоторые качества «настоящего парня» проявляются уже в самом преступлении, за которое они отбывают наказание. Здесь, как они полагают, можно усмотреть мужество, силу, ловкость, самоутверждение себя как личности.

Следовательно, фактами, которые влияют на репутацию осужденного, являются не только возраст, жизненный опыт, преступные навыки и т. п., но и характер совершенного преступления. Определенные виды правонарушений обладают потенциалом автоматически повышать статус осужденного, тогда как другие ухудшают его или, еще хуже, вызывают гнев, делают объектом всеобщего презрения и издевательства. Лица, совершившие их, как правило, отвергаются сообществом. Аналогичная оценка со стороны сообщества преступников к подобным лицам наблюдается не только в нашей стране, но и в пенитенциарных учреждениях многих других стран.

Такое негативное отношение к названным преступникам и преступлениям в своей основе не отличается от отношения к ним общества (людей) вообще, но выражается в весьма резкой, антиобщественной, поэтому неприемлемой форме. В этой форме заключается проявление специфики субкультуры осужденных; кроме того, по мнению последних, в таких преступлениях не проявляется смелость, героизм, ловкость и т. п., а лица, их совершившие, не вписываются в облик «настоящего парня». Таковыми, по их мнению, не являются и пассивные педерасты, дебилы личности и т. д. В большинстве случаев они также отвергаются преступниками или находятся в очень унижительном положении. Как известно, личность пользуется большим или меньшим уважением и авторитетом, принимается или отвергается различными группами в зависимости от того, какое место занимают присущие качества на «шкале ценностей», принятых в данной среде.

Отвергание — социальное явление, имеющее место в условиях изолированного содержания преступников от общества, и представляет собой следствие отрицательных отношений между ними. Отвергание, т. е. обособление определенной категории лиц в столь

унизительной форме, больше всего возможно в условиях мест лишения свободы. Наличие там лиц, которые могли бы быть отвергнуты, еще не означает, что отвергание неизбежно произойдет. Этого, во-первых, может не быть в силу соответствующих мероприятий администрации колонии. Во-вторых, необходимо, чтобы были лица, склонные и способные предпринять самые крайние меры физического и иного воздействия для достижения цели отвергания.

Инициатива отвергания, как правило, исходит от лидеров и активных участников групп отрицательной направленности; лиц, насаждающих неформальные нормы и традиции уголовной среды; активных гомосексуалистов; лиц, стремящихся поставить других в долговую зависимость (в результате одолжений, выигрыша в азартных играх и т. д.); лиц, которые могут иметь неприязненные отношения, сложившиеся до осуждения к прибывшим в исправительное учреждение осужденным.

Как показывает изучение практики, инициаторами отчуждения от среды часто выступают осужденные за грабежи и разбои, хулиганство, массовые беспорядки, действия, дезорганизирующие работу ИТУ, злостное неповиновение законным требованиям администрации и т. д., а также те, которые были инициаторами (организаторами) преступлений, за которые осуждены.

Именно к этой категории сотрудники администрации должны проявлять повышенное внимание, держать таких лиц под усиленным контролем для предотвращения отвергания других осужденных.

Как уже отмечалось, иные осужденные, даже положительно характеризующиеся, весьма редко оказывают поддержку «отвергнутым», предпочитая не вмешиваться в конфликты, а подчас разделяя негативное отношение к этим лицам. Вместе с тем их помощь, если предпринять необходимые меры, можно использовать и в профилактике отвергания, и в воспитательной работе с «обвиненными» осужденными.

Все связи в условиях изоляции, как и в любых других социальных группах, выступают в форме отношений между индивидами, преследующими определенные цели. Поэтому будь то отклоняющееся от неформальных норм поведение жертвы отвергания или ее выбор, подготовка и осуществление такого акта отрицательными осужденными — все это суть взаимоотношений между ними. Отсюда, в подходе к определению причин отвергания важен учет различных видов взаимодействия лишенных свободы.

Можно предположить, что, изгоняя из своей среды названных лиц, другие тем самым как бы выражают своеобразный протест против уравнительного отношения к ним со стороны общества, наделившего их всех одинаковым ярлыком преступника. В связи с этим Г. Ф. Хохряков указывает, что «у осужденных нет возможности сохранить ценность собственного «Я» за счет общества, от которого они изолированы. Более того, эта изоляция привела к противопоставлению их обществу. В то же время они длитель-

ное время находятся в обществе себе подобных. Протест, который проявляется у каждого осужденного против ярлыка преступника, способствует консолидации лиц, находящихся в местах лишения свободы. Причины сплоченности понятны. Достаточно заметить, что рассуждения типа — «пусть я плохой, каким вы все меня считаете, но я здесь не один и мы думаем друг о друге совсем иначе» — является эффективным объединяющим средством⁴. Действительно, осужденные думают друг о друге совсем иначе и, конечно, по-разному. Поэтому к данному рассуждению напрашивается добавление: «Мы не все одинаковые, среди нас есть намного хуже, чем мы». Именно этими «намного худшими» и являются «отвергнутые» осужденные. Унижая, отвергая их, другие преступники, в первую очередь отрицательно ориентированные, тем самым как бы повышают свой статус, в целом всегда выигрывая в глазах сообщества по сравнению с ними. Отвергание в ряде случаев используется отрицательными осужденными и для закрепления своего статуса в малой группе, особенно если идет борьба за власть и лидерство.

Чтобы власть была действенной, оказывала необходимое влияние на осужденных, вселяла в них страх и покорность, необходима ее реальная демонстрация. Объектом такой демонстрации и являются в основном «отвергнутые» лица, поскольку именно они не имеют поддержки в среде, а значит в большей степени уязвимы.

«Отвергнутых» притесняют, принуждают совершать унижающие их достоинство действия и т. д., на первый взгляд беспричинно. Но изоляция данных лиц оправдывается большинством преступников, утверждающих, что они, т. е. «отвергнутые», получают то, что заслуживают. Поэтому такое «наказание», по мнению этого большинства, есть форма возмездия за некоторые (названные выше) виды преступлений либо за не одобряемое средой поведение в период отбывания наказания.

Таким образом, «отвергнутые» не только «порождаются» отрицательными осужденными, но и активно используются последними как наглядное средство воздействия на другие неформальные группы, для управления окружением. За счет унижения этих категорий лиц укрепляются статусы и роли членов отрицательных группировок.

Итак, «отвергнутые» осужденные в неформальной среде мест лишения свободы занимают особое положение. Оно связано с неформальным разделением преступников и является результатом действий главным образом отрицательных осужденных. Поэтому чем ниже активность последних, их негативное влияние на других, тем менее заметны различия в положении «отвергнутых» в сравнении с иными неформальными группами, слабее выражена их изоляция.

Исправление таких лиц в условиях изоляции представляет определенную сложность. Это связано с тем, что «отвергнутые»

⁴ Хохряков Г. Ф. Социальная среда и личность. М., 1982. С. 27.

осужденные как бы выключены из нормальных межличностных взаимоотношений, в связи с чем значительно ослаблено положительное воздействие на них воспитательных мероприятий со стороны администрации и коллектива. Более того, систематические унижения и пренебрежительное отношение к ним со стороны отрицательных осужденных, принуждение к таким действиям других вынуждает «отвергнутых» находиться в изоляции от сообщества, что, несомненно, значительно ухудшает их фактическое положение в период отбывания наказания. Подобное отношение со стороны сообщества не может не отражаться на их психологии, на результатах воздействия наказания. Естественно, что общество не может быть безразличным к тому, каково фактическое положение тех, кто отбывает уголовное наказание.

Естественно, что статус «отвергнутых», отношение к ним окружающих вызывает у них специфические психические состояния, о которых дает представление таблица 4.

Таблица 4

Данные о психических состояниях «отвергнутых» осужденных, %

Психическое состояние	«Отвергнутые»	Контрольная группа (по материалам переписи осужденных)
Подавлен, обречен	31	20
Замкнут, озлоблен	55	21
Весел, беззаботен	2	12
Спокоен, уравновешен	5	29
Иные состояния	7	18
Итого	100	100

Как видно из таблицы, для «отвергнутых» характерны такие состояния, как подавленность, замкнутость, озлобленность, обреченность, реже — веселость, беззаботность, спокойствие, уравновешенность.

Отвергание не только отчуждает такое лицо от группы, в которую он входил, но и как бы автоматически настраивает ее членов против него. Они сразу разрывают с ним все прежние отношения; одни при встречах стараются не замечать, другие при удобном случае — оскорбить, унижить. Поэтому некоторые «отвергнутые», сознавая, что от них отворачиваются даже близко знавшие их осужденные, становятся подавленными, обреченными, у них усиливается состояние тревожности, сужается сфера интересов, мельчают потребности. Появляется равнодушие к тому, что их до этого волновало, они перестают посещать библиотеку, школу, смотреть кинофильмы, избегают общения.

Более того, отсутствие у некоторых «отвергнутых» твердых жизненных установок, перспективных целей делает их пассивными в прогнозировании своей жизни. Они нарушают не только режимные требования, некоторые неформальные, но и обычные нормы общежития. У них вырабатываются нездоровые потребности в пище, в сексуальных отношениях, безразличие к своему внешнему виду, гигиене и т. д.

В результате у неадаптированных лиц формируются свои понятия, суждения, оценки происходящих в колонии явлений, переоцениваются многие ценности и особенно представление о справедливости. Так, 70% «отвергнутых» полагают, что они стали жертвами существующего в колонии «беспредела» со стороны «авторитетных» осужденных, попустительства в работе администрации. Лишь незначительное число (около 15%) признают в той или иной степени свою «вину» в том, что они заняли такое положение. Остальная часть — склонны полагать, что они стали жертвой стечения обстоятельств, при которых, не обостряя отношений, «добровольно» перешли в обособленную категорию.

Большинство «отвергнутых» настроено в отношении отрицательных осужденных враждебно. Небезынтересно и то, что они не относятся положительно и к членам самостоятельных организаций, которые ассоциируются у «отвергнутых», как правило, с регламентацией досуга, быта, работы. Осужденные, наделенные некоторыми административными полномочиями, нередко поддаваясь общему настроению, бытующему в колонии, направляют отчужденных лиц на самые грязные работы, занижают им процент выполнения нормы выработки, излишне требовательны, а также, идя на поводу у «отрицательных» осужденных, отдельно организуют их быт и досуг.

Наряду с этим во взаимоотношениях с «отвергнутыми» некоторые активисты хотя и ориентируются на «авторитеты», но соблюдают неписанные правила не столь строго. Так, они поддерживают с отдельными из них (как правило, с «высоким» статусом) определенные, хотя и недружественные, отношения: заимствуют друг у друга табачные изделия, продукты питания, обмениваются той или иной информацией.

Однако «отвергнутых», как правило, не принимают в самостоятельные организации, что, по-видимому, связывается с «престижностью» этих организаций. Это вызвано опасением, что присутствие в них «отвергнутых» может оттолкнуть других осужденных от участия в их работе. На практике, правда, имеются попытки привлечения некоторых «отвергнутых» к работе в самостоятельных организациях, но с учетом их прежнего статусно-ролевого положения, причин отвергания и, конечно, их личных качеств.

Весьма своеобразно отношение «обиженных» к администрации. В своем большинстве они убеждены, что администрация относится к ним с некоторой неприязнью, что проявляется, по их мнению, в неправильном трудоустройстве, неприятии мер к виновникам притеснений и т. п. Однако эти убеждения вовне про-

являются редко. Абсолютное большинство из них во взаимоотношениях с администрацией дисциплинированы, вежливы, понимают, что от нее зависит многое.

Рассмотренные отношения «отвергнутых» к другим осужденным и администрации отчетливо сказываются на их отношении к режиму, воспитательной работе и другим средствам воздействия, в целом к уголовному наказанию, исполнение которого большинство из них считает несправедливым. Режим, однако, они нарушают редко и, как правило, в связи с их притеснениями осужденными. Другие средства воздействия воспринимают обычно скептически.

Основную часть «отвергнутых» гомосексуалистов составляют пассивные, незначительную — смешанные. Пассивные педерасты наиболее запущены в нравственном отношении, часто безразличны к своей судьбе, к оценке поведения со стороны окружающих. Не случайно многие осужденные знают их только по женским именам, которые им присваивают в колонии. Большинство из них занимается гомосексуализмом без чувства стыда, совести, мужского достоинства. Некоторые сами ищут активного партнера, что часто отталкивает от них даже тех, кто относится к числу «отвергнутых». Их гомосексуализм нередко носит форму проституции. Некоторые вступают в половые контакты сразу с несколькими лицами. Среди них нередко встречаются венерические больные и лица, страдающие дебильностью. Эти лица в основном ведут замкнутый, обособленный образ жизни, практически ни с кем не поддерживая тесных взаимоотношений. В обособленной категории они являются как бы «отвергнутыми среди отвергнутых».

Именно на них наиболее жестко распространяются все ограничения. Их часто беспричинно избивают и оскорбляют, выгоняют из помещений при появлении различных запахов, даже не связанных с присутствием данных лиц. Их одежда, предметы туалета и продукты питания в большинстве случаев также «отвергаемы». К сожалению, не во всех исправительных учреждениях администрация дает отпор подобным действиям.

Пассивные гомосексуалисты, как правило, используются на самых грязных и неквалифицированных работах (уборка туалетов, мусорных ящиков и т. п.), что еще больше отчуждает их. Это отражается и на их внешнем виде, который у большинства неопрятный, даже отталкивающий, чему способствуют ограниченные для них возможности доступа к душевым, умывальникам, бытовым комнатам.

Многие педерасты, особенно психически неполноценные, чрезмерно несдержанны в пище. Такие лица, стремясь любой ценой «набить желудок», охотно вступают в акты мужеложства за продукты питания.

Интервьюирование других осужденных и представителей администрации свидетельствует о том, что характерной чертой описываемых лиц является их безразличие к окружающему. Они могут часами пролежать на койке или где-нибудь в другом месте.

По характеру упрямы, слабо поддаются внушению администрации и членов самодеятельных организаций, на замечания администрации хотя и реагируют, казалось бы положительно, но на самом деле безразлично.

Глава II.

ПРИЧИНЫ НАСИЛИЯ СРЕДИ ОСУЖДЕННЫХ

1. Основные факторы, порождающие насилие

Причины насилия в исправительных учреждениях связаны прежде всего с природой такого уголовного наказания, как лишение свободы, принудительным помещением в однополые коллективы самых аморальных членов общества.

Сама изоляция от общества как мера наказания предполагает ряд ограничений, которые у некоторых лиц могут вызывать дезадаптацию, еще большую дистанцию от общества, усугублять неприятие среды. К числу существенных ограничений следует отнести не только значительное сужение и ослабление контактов с родственниками или членами семьи, но и возможность приобретать к духовным ценностям общества с помощью, например, литературы и искусства, получить высшее и среднее специальное образование, контактировать с трудовыми коллективами, общественными организациями и т. д. Важное дезадаптирующее, отчуждающее значение может иметь восприятие самим осужденным наказания в виде лишения свободы как несправедливого, причиняющего незаслуженные страдания, что достаточно типично для подавляющего большинства преступников. Между тем страдания, переживания в связи с наказанием имеют важное психологическое значение для самовоспитания личности, осознания справедливости наказания, а следовательно, для формирования у нее адекватного отношения к нормам права и морали.

Думается, что негативные субъективные состояния и переживания осужденных во многом вызываются ощущаемой ими враждебностью среды, опасением быть избитым, обиженным или оскорбленным, причем очень часто без надежды на то, что обидчик будет наказан самим потерпевшим или кем-нибудь еще. Важно отметить, что ожидание наказания само формирует у человека агрессивную установку к окружающим, постоянную готовность к отпору, даже в тех случаях, когда в действительности никакой угрозы нет. Вот почему грубость, хамство, угрозы, побои, оскорбления становятся повседневностью мест лишения свободы, это тот стиль поведения, который принят там. При этом мы, конечно, имеем в виду не только уголовно наказуемое насилие, но любое другое. Данное обстоятельство обязывает нас рассмотреть в этой книге все виды насилия, даже против самого себя.

Высокий уровень психологической напряженности в исправительных колониях, постоянная почва для конфликтов, огрубление нравов в числе других причин сочетается с плохими жилищными условиями осужденных, стадным образом жизни, недопустимой полной открытостью практически каждого. [Постоянно, круглые сутки находясь среди других лиц, осужденный становится как бы голым, он в значительной мере лишается возможности уединиться, уйти в себя, сосредоточиться, задуматься о себе, о содеянном и своей вине, своей жизни и ее перспективах, об ответственности перед близкими и т. д. Не случайно среди преступников очень редко встречаются те, которые искренне раскаиваются в содеянном, сурово осуждают себя, а не просто сожалеют о том, что попались и несут наказание. Причем это относится ко всем, убийцам в том числе.]

На негативные последствия такого стадного образа жизни обратили внимание давно. С. В. Познышев писал: «...отдельный арестант никогда не остается один, что так ужаснуло Достоевского; он вечно в атмосфере циничных выходок и разговоров, и нужна особенная нравственная стойкость, чтобы безвозвратно и быстро не развратиться в этой компании. Если не всегда, то в большинстве случаев отдельная личность, так сказать, скрывается в этой толпе от воспитательного воздействия со стороны тюремной администрации, если бы последняя и пожелала оказать такое воздействие. Отдельная личность обыкновенно порабощается группой, подчиняется тем грубым обычаям и традициям, которые складываются в арестантской среде, и утрачивает добрые черты своей индивидуальности; духовными же вождями сплоченных арестантских групп обыкновенно бывают худшие, а не лучшие. Да и многим арестантам несомненно очень тяжело постоянно быть: «на народе», не иметь «своего угла», где бы заключенный мог сосредоточиться, подумать, почитать, побыть наедине с собой, посмотреть скрытно от чужих глаз на фотографию дорогого ему человека, чувствовать себя защищенным от выходок и насилий толпы. Притом, слишком трудно в грубой арестантской толпе сохранить чувство собственного достоинства»¹.

Что касается других бытовых условий, то в колониях они скудны, примитивны, убоги, неизмеримо хуже, чем у населения вообще. Это относится к питанию, лечению, санитарно-гигиеническому обслуживанию, развлечениям и т. д. Понятно, что жизнь в местах лишения свободы неотделима от жизни общества и если в стране острая нехватка продовольствия, лекарств, услуг и т. п., то это наихудшим образом отражается на осужденных, социально-бытовые условия, уровень и качество жизни которых будут соответственно еще хуже.

В современный период особую роль стала играть слабость материально-технической базы исправительных учреждений. Значительное число осужденных не заняты трудом (каждый шестой-

¹ Познышев С. В. Основы пенитенциарной науки. М., 1923. С. 158.

седьмой), многие используются на низкоквалифицированных и малосплачиваемых работах. Вследствие несоответствия темпов роста заработной платы осужденных их расходам, существенно обострилась проблема обеспечения их питанием и другим товарам первой необходимости.

Таким образом, если в совокупности оценивать условия жизни в местах лишения свободы, в том числе бытовые, то необходимо прийти к выводу, что эти условия сами по себе являются причиной высокой эмоциональной, межличностной и межгрупповой напряженности, тревожности, раздражительности осужденных. Эти индивидуально-психологические и социально-психологические явления и процессы в свою очередь порождают насилие, в том числе и такое, которое является способом защиты. Иными словами, мы считаем, что материальные факторы жизни осужденных создают их особую психологическую предрасположенность к насилию. Если условия жизни скудны и убоги, а свобода отсутствует, нужно силой добиваться хоть каких-то благ и расширять свое психологическое пространство как компенсацию потери свободы.

Насилие заложено в самой сути мест лишения свободы. Во-первых, потому, что в небольшой коллектив на ограниченном физическом пространстве сводятся самые худшие в нравственном плане однополюсные существа. Это преступники, собранные вместе для проживания и работы в наихудших условиях, т. е. это люди в жизни которых преступление не предположение, не возможность, а уже свершившийся факт, способ, с помощью которого они уже решали свои жизненные проблемы и многие делали это неоднократно.

Во-вторых, на насилие толкает структура сообщества осужденных, социально-психологический и культурный его строй, которые в совокупности есть возврат к первобытной общине с ее строго определенными социальными группами. Эти группы в местах лишения свободы жестко очерчены, им как бы заранее предусмотрено определенное место, а внутри объединения — место каждого его члена. В общении с другими и в рамках группы его представители ведут себя строго в соответствии со своей групповой принадлежностью и личным статусом. Между группами постоянно идет война и за материальные, и за психологические ценности. Как и в древности, возникающие в преступной среде противоречия решаются с помощью обычая, и именно обычай, этот неформальный закон, регулирует повседневное поведение. «Закон зоны» жесток и неумолим, насилие заложено в его природе, имманентно присуще ему, собственно на насилие он и опирается, без насилия он попросту бы не существовал. Мы имеем в виду и те случаи, когда применение этого «закона» действительно может помочь в восстановлении справедливости.

Осужденные часто прибегают к насилию потому, что многие из них ощущают себя одинокими и беззащитными, а поэтому агрессия, как уже отмечалось выше, выступает способом обезопасить себя, обеспечить свои права. Чтобы проверить эту гипотезу,

нами было опрошено свыше 300 осужденных и около 150 человек из контрольной группы, о каждом из которых было достоверно известно, что он никогда не привлекался ни к уголовной, ни к административной ответственности.

Среди всех ответов опрошенных в ходе обработки были выделены наиболее «благополучные», т. е. такие, которые свидетельствуют о хорошей адаптации личности, о ее большой потенции в этой области, ее достаточно удовлетворительном самоощущении. Однако количество подобных ответов среди изученной группы (осужденных) было более чем в 2 раза меньше, чем в контрольной.

Среди осужденных оказалось больше, чем среди законопослушных тех, кто может утверждать следующее: «я смог бы назвать всех друзей детства и юности»; «в отношениях между людьми преобладают доброжелательность и дружелюбность»; «друзья никогда меня не подводили». Однако в действительности большинство преступников друзей не имеет. Об этом, например, свидетельствует распределение ответов на вопрос: «Как Вы думаете, стали бы Ваши друзья переживать Ваши неудачи и неприятности». Они распределились следующим образом: «стали бы очень сильно» — осужденные — 26,5%, законопослушные — 30,8%; «переживали бы, но не очень» — соответственно 33,1% и 49,2%; «переживали бы очень мало» — 8,5% и 4,6%; «вообще не переживали бы» — 5,8% и 0,8%; «друзей у меня нет» — 6,9% и 3,1% (остальные на этот вопрос затруднились ответить). Сходным оказалось распределение ответов на более прямой вопрос: «Есть ли у Вас друзья».

Высказанные выше соображения могут быть отнесены и к ряду других результатов опроса. Так, среди осужденных оказалось больше, чем среди законопослушных, тех, кто считает, что «люди очень любят маленьких детей» и что «люди очень счастливы в семейной жизни». Однако на вопрос: «О ком из членов семьи Вы, не задумываясь, могли бы сказать, что любите его», относительно детей утвердительно ответили 34,6% осужденных и 52,3% законопослушных, а относительно жен — соответственно 19,6% и 43,1%. Поэтому есть основания думать, что идеальные стремления лишенных свободы очень часто не подтверждаются их жизненной практикой. Но даже несмотря на такой резерв, можно полагать, что их адаптивные возможности исчерпаны не до конца.

Несомненный интерес представляют и иные, кроме приведенных, наиболее «благоприятные» ответы осужденных: «в целом люди ко мне относятся очень хорошо»; «люди понимают меня хорошо»; «люди, с которыми я беседую, действительно интересуются тем, что я говорю»; «я редко испытываю состояние, когда не хочется ни с кем встречаться»; «мне безразлично, чтобы меня понимали другие люди» (т. е. потребность в понимании удовлетворительна); «мне не кажется, что люди избегают меня»; «я не очень легко меняю место работы, когда возникает такая необходимость»; «считаю, что близкие мне люди всегда правильно понимали мои

желания, действия, мысли, чувства, намерения»; «я очень часто испытывал доброе к себе отношение»; «в жизни мне люди не мешали»; «думая, что люди редко обманывают друг друга».

Эти ответы можно рассматривать и как достаточно оптимистические жизненные взгляды. Однако напомним, что наиболее «благоприятные» ответы среди осужденных встречаются более чем в 2 раза реже, чем среди законопослушных. Если же взять наиболее «неблагополучные» ответы (подавляющая часть вопросов помимо тех и других содержала «переходные» ответы), то осужденные давали их в 9 раз чаще, чем лица из контрольной группы.

Особенно ошутим перевес над вторыми по таким наиболее «неблагополучным» ответам: «в отношениях между людьми преобладают враждебность и завистливость» — 8,8% осужденных и 3,8% законопослушных; «очень часто или почти всегда я испытываю состояние, когда не хочется ни с кем встречаться» — 10,4% и 3,1%; «очень хочу жить тихо, незаметно» — 32,5% и 8,5%; «люди не были бы счастливее, если бы больше времени проводили с друзьями» — 6,2% и 3,8%; «я никогда не нуждаюсь в помощи других людей» — 11,2% и 6,2%; «я очень испытываю нужду в том, чтобы побыть одному» — 20,0% и 6,9%; «мне совсем не нравятся общительные, «компанейские» люди» — 12,7% и 6,2%; «я никогда не чувствую потребность высказываться» — 11,5% и 3,8%; среди моих знакомых нет такого человека, к которому я, не задумываясь, мог бы обратиться за помощью» — 18,8% и 10,8%; «я очень редко испытывал доброе к себе отношение» — 12,7% и 6,2%; «совершенно справедливо мнение, что люди заводят знакомства потому, что друзья могут оказаться полезными» — 29,2% и 15,4%; «мне очень трудно поддерживать разговор с человеком, с которым я только что познакомился» — 20,0% и 12,3%; «я считаю, что безопаснее всего никогда не доверять людям» — 36,5% и 21,5%; «люди всегда обманывают друг друга» — 7,7% и 2,3%

Анализ этих высказываний (ответов) позволяет предположить, что большая часть осужденных психологически отчуждена от окружающего мира, не «вписана» в него, испытывает трудности в общении, не доверяет людям и чаще всего не понимает их. Самым важным из возникающих здесь вопросов является, на наш взгляд, следующий: выражают ли эти особенности временные состояния личности, порожденные изоляцией от общества, или они представляют собой фундаментальные образования. Теоретическая, а значит, и практическая важность этого вопроса в том, что во втором случае названные черты приобретают серьезное криминологическое значение, поскольку способствуют преступному поведению. Их установление — бесспорный довод в пользу существования личности преступника как «наборе» определенных и отличных от других качеств, научные дискуссии о которой постоянно привлекают внимание исследователей. В том и другом случае указанные особенности должны приниматься во внимание в работе по исправлению осужденных и предупреждению насилия с их стороны.

Мы склонны думать, что большинству преступников психологическая отчужденность присуща в качестве фундаментального образования. По результатам данного исследования, нас в этом убеждают характер ответов, значительное превышение числа наиболее «неблагоприятных» ответов среди осужденных по сравнению с законопослушными по проблемам, которые в основном выражают какие-то более глубинные, непреходящие образования, в меньшей степени зависящих от временных, даже таких экстремальных условий, как места лишения свободы.

Конечно, внешние факторы оказывают немалое воздействие на адаптацию человека, характер и устойчивость его связей с окружающим миром, восприятие последнего. Нет сомнений, что эти факторы, влияя на мироощущение осужденного, его актуальные состояния, отражаются и на его ответах по нашему опроснику. Бесспорно, и то, что лишённые свободы преступники отнюдь не порывают все свои психологические и социальные связи со средой. Если бы это было так, мы имели бы дело с душевной болезнью — аутизмом и, следовательно, с неменяемым. И тем более важно отметить, что многие преступники удовлетворительно адаптированы в среде осужденных.

В подтверждение приведем следующие данные. Если сопоставить наиболее «благоприятные» ответы с наиболее «неблагоприятными» только осужденных, то оказывается, что среди всех ответов первые занимают 80%. Анализ наиболее «неблагоприятных» ответов свидетельствует о том, что многие из них связаны с заботами обеспечить свою безопасность, создать себе психологически комфортные условия существования («я всегда стараюсь скрыть от других свои чувства, желания, побуждения»; «очень хочу жить тихо и незаметно», «я очень часто испытываю состояние, когда ни с кем не хочется встречаться»; «я никогда не чувствую потребность высказываться»; «я считаю, что безопаснее всего никогда не доверять людям»). Понятно, что в условиях лишения свободы такая жизненная позиция далеко не безосновательна.

Отгороженность, отчужденность от общества, уход в себя отличает и многих свободных граждан, в том числе тех, которые никогда не преступали уголовно-правовые запреты. Эти «изъяны» компенсируются у них другими психологическими качествами, нравственными чертами, привитыми путем воспитания. Поэтому отнюдь не обязательно, чтобы они совершали преступления. Но отчуждение человека от общества и его ценностей в целом, на массовом уровне может рассматриваться в качестве одного из ведущих криминогенных факторов.

В любом случае, даже если не придерживаться нашего мнения о том, что отчуждение есть фундаментальная черта личности преступника, нельзя не согласиться с тем, что многие из лишённых свободы, психологически отгорожены от окружающего мира, не нуждаются в контакте с ним или эти контакты существенно затруднены.

Как уже известно, многие преступники, дезадаптированные вообще, очень хорошо приспосабливаются к среде осужденных, находят среди них признание и поддержку, что очень часто достигается ими с помощью насилия. Поэтому нужно проводить различие между социальной и психологической адаптацией. При этом нужно помнить, что удовлетворительная психологическая адаптация некоторых осужденных к неформальным малым группам в местах лишения свободы отнюдь не означает, что после освобождения они смогут наладить нужные контакты в свободной жизни. Как правило, подобные лица в условиях обычного существования успешно общаются лишь с группировками антиобщественной направленности. В целом о таких лицах можно сказать, что они адаптированы психологически хорошо, а в социальном плане — плохо.

Дезадаптация может возникнуть в целом у вполне адаптированных осужденных в связи с резким изменением условий их жизни в местах лишения свободы. Для лиц, которые впервые попали туда, этот период является весьма критическим, и вызываемые им психологические состояния повышенной тревожности, подавленности, стресса, разочарования, угнетенности очень часто оказывают отрицательное действие на их поведение и возможности успешного приспособления к новым обстоятельствам. Переживания в это время бывают особенно острыми, если осужденному предстоит отбывать длительный срок наказания. Осознание этого начинает давить над ним, вызывая фрустрацию, потерю перспектив в жизни, интереса к ней, сковывая инициативу, а в других случаях — агрессивный взрыв.

На личность отдельного осужденного давит сама среда преступников, ее нравы и обычаи, повседневная грубость и необходимость все время защищаться при том, что доверие среди окружающих они находят редко. Негативную роль играют и некоторые непродуманные ограничения и тюремная атрибутика.

Все это в целом существенно повышает тревожность лишенных свободы, их все время преследуют страхи и опасения, а следовательно, они вынуждены постоянно защищаться. Лучшим средством защиты является нападение, и именно поэтому в среде осужденных так распространена агрессивность, которая в конечном итоге является следствием высокого уровня тревожности.

В местах лишения свободы мало факторов, которые снижали бы тревожность и могли бы компенсировать физические и психологические неудобства, характерные для этих мест. К числу таких факторов далеко не всегда можно отнести труд и учебу. Анализ жалоб и заявлений осужденных свидетельствует о том, что многие из них не без оснований полагают, что отношение к труду нельзя считать ни критерием их исправления, ни способом решения личных проблем, тем более, что многие не обеспечены работой (каждый пятый-шестой). В то же время, как показало наше исследование, основными причинами конфликтов и насильствен-

ных действий на производстве являются стиль руководства бригадой и распределение заработной платы.

В быту насильственные действия между осужденными возникают на почве краж друг у друга продуктов питания, долговых отношений, а также привычной грубости в обращении и т. д. Кражи продуктов питания наиболее распространены в ВТК и колониях общего вида режима, что свидетельствует о значительной дифференциации там осужденных по уровню материальной обеспеченности и является в свою очередь как причиной, так и следствием образующихся между ними систем долговых отношений (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение причин конфликтов между осужденными в быту
(к общему числу зафиксированных конфликтов), %

Причины конфликтов	Вид режима колонии		
	ВТК	Общий	Строгий
В связи с распределением спальных мест	6,6	10,0	5,6
В связи с взаимоотношениями с членами самостоятельной организации	5,3	6,5	3,0
В связи с посещением культурно-массовых мероприятий	2,0	3,7	4,1
Из-за словесных оскорблений	14,9	13,0	6,3
Из-за пороков в стиле руководства отрядом	5,7	6,4	5,0
В связи с порядком приема пищи в столовой	3,4	4,1	5,6
Из-за несоблюдения правил гигиены	7,1	4,7	14,9
Из-за невыполнения долговых обязательств	10,5	15,4	25,2
Из-за завладения предметами личного пользования насильственным путем	12,5	13,0	6,9
Из-за краж продуктов питания	14,7	10,1	4,1
Из-за отношений между земляческими группами	11,6	10,4	15,6
В связи с приобретением продуктов питания	5,7	2,7	3,7
Итого	100,0	100,0	100,0

Как видно из приведенной таблицы, чаще всего конфликты в быту возникают из-за напряженных межличностных отношений, что сопровождается оскорблениями и унижениями, из-за невыполнения долговых обязательств, особенно в колониях строго режима, а также из-за противоречий между различными земляческими группировками. В последнем случае члены таких объединений подчиняются групповым настроениям и нормам, хотя могут и не иметь неприязни к конкретному члену другой группировки. Много конфликтов наблюдается из-за нарушений неформальных статусных правил при посещении столовой, культурно-массовых

мероприятий, распределения спальных мест и т. д. Этот вывод в еще большей степени подтверждается при анализе распределении причин насильственных действий в колониях (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение причин насильственных действий
(удельный вес степени выраженности каждой причины), %

Причины	Вид режима колонии		
	ВТК	Общий	Строгий
Постоянная враждебная позиция к окружающим	6,3	6,6	11,7
Стремление к поддержанию авторитета и его защита	15,3	14,8	10,2
Недовольство материально-бытовыми условиями, его вымещение на других	4,0	6,0	9,5
Материальные притязания, поборы, вымогательства со стороны других осужденных	5,3	10,6	8,9
Желание отомстить за обиду или оскорбление	11,7	10,9	5,7
Борьба за сферу влияния	20,9	15,3	6,0
Стремление обеспечить режим в колонии	7,8	9,1	13,6
Защита от притеснений	14,8	13,0	7,8
В связи с принуждением выполнять за других норму выработки	5,9	7,5	8,3
Иные	8,0	6,2	18,3
Итого	100,0	100,0	100,0

Из данной таблицы вытекает также, что значительная часть насильственных действий связана с постоянной напряженностью среди преступников в местах лишения свободы, грубыми, нецивилизованными нравами, желанием одних — наиболее наглых и агрессивных — жить за счет других, отбирая у них не только материальные блага, но и физическое и психологическое пространство. В силу этого в исправительных учреждениях насилие как бы витает в воздухе и ждет своей искры, которую очень часто высекают лица с психическими аномалиями, удельный вес которых колеблется от 20% до 40%, самый высокий — в колониях особого режима.

Социально-психологический анализ названных материалов показывает, что конфликты порождаются в большинстве своем так называемыми надиндивидуальными факторами. В условиях изоляции — это не случайная, а скорее закономерная тенденция. Она связана с тем, что реальные условия функционирования различных по целям деятельности малых групп автоматически порождают конкурентные формы взаимодействия, способствуют развитию межгрупповой враждебности, которая затем чаще реализуется в конфликтах и насильственных действиях между отдель-

ными личностями. Указанная враждебность находит свое проявление в повседневном общении, разговорах и других контактах, в стремлении завладеть чужими вещами личного пользования насильственным путем.

В ходе исследования было установлено, что по мере ограничения сферы общения, углубления противоречий между формальной и неформальной нормативно-ценностными системами конфликты становятся острее. Увеличивается их латентный период и реже восстанавливается позитивное отношение между участниками конфликтного взаимодействия. В таких условиях затрудняется контроль за протеканием конфликтов со стороны администрации. Если в ВТК и колониях общего вида режима при помощи администрации разрешается каждая вторая конфликтная ситуация, то в учреждениях строгого вида режима эта доля падает до 20—25%. Кстати, многие осужденные считают, что порядка было бы больше, если бы начальник отряда был более независим и от руководства колонии, и от коллектива осужденных.

Конечно, так рассуждает не худшая часть осужденных и с этим их мнением можно согласиться. Более того, необходимо отметить существование определенной зависимости между стилем руководства отрядом со стороны его начальника и характером отношений актива с лидерами неформальных групп. В данном случае стиль руководства мы связываем с тем, какие нормы — формальные или неформальные — в основном поддерживаются начальником, насколько он контролирует положение в подчиненном ему сообществе людей. Если руководитель придерживается главным образом официальных предписаний, твердо проводит свой независимый курс, знает все наиболее значимые события и ситуации в отряде, агрессивные действия там редки. При этом он, конечно, должен ориентироваться и на неформальные общечеловеческие ценности, которые имеют место и среди преступников. Такая ориентация способна еще больше укрепить его авторитет, сделать его носителем справедливости.

С общесоциологических позиций администрации колонии представляет собой одну из групп, сосуществующих в колонии наряду с другими. Взаимоотношения с осужденными во многом определяются тем, какую систему ценностей реализует администрация в своем поведении. В целях повышения степени управляемости колонии и опоры на неформальную систему норм, иногда происходит сращивание администрации с осужденными. При таких условиях ставить проблему профилактики и предотвращения насильственных действий бессмысленно.

Организуя предупреждение насилия между осужденными, нужно помнить, что между поведением преступника до лишения свободы и после осуждения существует тесная связь в том смысле, что второе продолжает первое и оба они есть порождение одной и той же личности. Представление от этой связи могут дать сведения, полученные Л. С. Саблиной в ходе исследования в ВТК (см. табл. 3).

Соотношение антиобщественного поведения до заключения под стражу и противоправного антиобщественного поведения в период отбывания наказания в ВТК

Насильственное поведение в условиях свободы	Насильственное поведение в местах лишения свободы
Агрессивное поведение с физической жестокостью по отношению к сверстникам — 36,4%	Агрессивное поведение с физической жестокостью по отношению к несовершеннолетним осужденным — 34,3%
Агрессивное поведение по отношению к лицам, отвечающим за воспитание, обучение (родители, учителя, воспитатели), — 7,2%	Агрессивное поведение с неповиновением требованиям администрации ВТК: по данным медицинского обследования — 15,6%; по данным оперативного учета — 12,1%
Делинквентное поведение с сексуальными девиациями — 4,9%	Делинквентное поведение с гомосексуальными притязаниями, сексуальным насилием: по данным медицинского обследования — 9,2%; по данным оперативного учета — 7,5%
Аутоагрессивное поведение, включая самопорезы, суицидальные действия, — 4,9%	Аутоагрессивное поведение, включая самопорезы, членовредительство: по данным медицинского обследования — 9,2%; по данным оперативного учета — 6,7%

Как можно заметить, корреляция между насильственным поведением, до и после лишения свободы просматривается очень четко. Интересно, что в ВТК примерно такая же доля лиц, которая подвергалась насилию еще до ареста (см. табл. 4).

Таблица 4

Соотношение количества подростков, подвергавшихся насилию

Жертвы насилия до ареста	Жертвы насилия в местах лишения свободы
Физически жестокое отношение к себе со стороны сверстников (избиения) — 15,7%	Физически жестокое отношение к себе со стороны других осужденных — 28,9%
Сексуальные принуждения и насилие со стороны сверстников — 3,6%	Сексуальные принуждения и насилие со стороны других осужденных — 3,3%

Приведенные данные свидетельствуют о том, что поведение человека редко претерпевает существенные изменения даже при резком изменении условий жизни. Объясняется это тем, что источником поведения остается одна и та же личность, занимающая и в условиях лишения свободы то место, которое ей было как бы заранее предуготовлено. Ее реакции на внешние воздействия остаются теми же, что и до ареста. Если иметь в виду тех подростков, которые и до осуждения были объектом гомосексуальных посягательств, то они уже никогда не избавятся от своего статуса пассивного гомосексуалиста.

Среди причин насилия в местах лишения свободы особое место занимают те, которые связаны с недостатками и упущениями в деятельности администрации колоний. Мы говорим об «особом месте» потому, что указанные недостатки имеют не только прямое криминологическое значение, но и существенно затрудняет процесс исправления осужденных. Помехи в этом процессе в свою очередь могут стать причиной дальнейших насильственных действий. Ниже мы будем сосредотачивать внимание на так сказать «чисто» криминогенных обстоятельствах, отнеся к ним не только ошибки и недостатки, но и нарушения законности.

В целом все эти опасные явления можно сгруппировать следующим образом: 1) применение представителями администрации насилия к осужденным — от словесных оскорблений до рукоприкладства, что может вызвать ответную агрессию не только в отношении должностных лиц, но и, в качестве психологической компенсации, других преступников; 2) попытка добиться некоего подобия дисциплины путем подстрекательства к физическим расправам одних осужденных, как правило неформальных лидеров и их окружения, над непокорными (такое иногда случается в ВТК); 3) несправедливое разрешение возникающих в среде преступников конфликтов, причем наиболее опасны и аморальны случаи, когда предпочтение отдается явно более сильному или заведомо неправому, например «вору в законе» или другому подобному лидеру; 4) нежелание администрации вообще вмешиваться в конфликты среди преступников; 5) неумение, а иногда нежелание администрации защитить обвиняемого, отвергаемого, что, помимо всего прочего, создает в учреждении общую атмосферу беспредела и уверенность лишенных свободы в том, что они полностью во власти произвола; 6) сокрытие фактов насильственных преступлений от учета, нежелание реагировать на них, что формирует цепную реакцию агрессии и жестокости; 7) непонимание, что унижение личного достоинства, в какой бы форме оно ни проявлялось и от кого бы оно ни исходило, воспринимается крайне болезненно. Столь же остра реакция осужденных на помехи в получении материальных благ, в первую очередь продуктов питания, а также препятствия в деле общения с родными и близкими, другими лишенными свободы, проведения досуга и т. д.; 8) неудовлетворительная организация охраны и надзора за осуж-

денными, слабый контроль, в том числе оперативный, за их поведением.

Названные факторы (а их перечень может быть расширен, уточнен и дополнен) должны стать объектом профилактических усилий.

2. Типология причин насильственных действий

Содержание насильственных действий и специфика их возникновения и развития во многом определяется способом адаптации осужденных и особенно спецификой неформальной структуры их микросреды. Существующая в колониях социально-психологическая дифференциация, включающая в себя группы («касты», «масти» и т. п.), образует неформальную структуру сообщества, в которой каждому из преступников отводится своя позиция или особое место. Занятие той или иной позиции является, с одной стороны, способом, а с другой — результатом адаптации осужденных к условиям отбывания наказания. В свою очередь, их адаптация иногда сопровождается актами насилия, которые во многом зависят от характера формальных и неформальных отношений, от индивидуальных особенностей преступников в совокупности с правами и обязанностями, присущими той или иной занимаемой ими неформальной роли, а также стиля управления в колонии. Изменения в межролевых отношениях сказываются на изменении в системе межличностных, и, как правило, ведут к поступкам насильственного характера.

Приведем типологию причин насильственных действий осужденных в зависимости от особенностей их адаптации, а также уровня рецидивоопасности в колонии и после освобождения. Эту типологию можно рассматривать как одно из оснований для разработки исходной концепции профилактики правонарушений в исправительных учреждениях. Конечно, эта концепция для таких целей не единственная.

Первый тип — связан с совершением насильственных действий в результате длительной конфликтной ситуации и характерен для элитных групп, занимающих господствующие позиции в неформальной иерархии осужденных (10—15% от всего сообщества). Эти группы образованы по принципу абсолютной согласованности действий в сфере своего влияния, и их деятельность жестко регламентирована неформальными нормами. Они связаны общей системой ценностей, позволяющей создавать стержень внутренней солидарности, что является необходимым условием доминирования над остальными. Представители элитных групп являются наиболее последовательными проводниками «другой жизни» и носителями тюремной субкультуры.

В социально-психологическом плане их объединяет склонность к сохранению для себя ситуации свободного выбора, выраженное стремление к целенаправленной деятельности, расчет на собственные силы, оптимистическая установка на будущее, стремление

быть полезным другим, что, впрочем, используется корыстно — для достижения собственных целей. Нередко реализация указанных тенденций сопряжена даже с риском для собственной жизни, в этом случае интересы группы и стремление к достижению намеченной цели начинают превалировать над страхом жестокой расправы или иного наказания. Такие чувства, как жадность, алчность, страсть к наслаждениям, зависть, тщеславие и т. п. могут породить их корыстные проступки.

Сплоченность элитных групп и стремление каждой из них к расширению сферы своего влияния способствует зарождению и развитию конфликтных ситуаций между ними, которые, как правило, устраняются путем переговоров, но иногда они заходят в тупик. Наиболее часто возникающие конфликты в ВТК связаны с кражами, когда виновные не найдены, но одна из групп начинает подозревать другую в их совершении. В колониях общего и в первую очередь строгого видов режима затяжные конфликты возникают при использовании отдельными членами элиты в личных целях материальных и денежных средств общей кассы («общака»). Потерпевшие от краж начинают инсценировать хищения, распускать компрометирующие слухи, привлекать на свою сторону других осужденных и администрацию и совершать иные действия в целях мести, недопущения повторных краж и сохранения своего положения. В результате потерпевшими нередко становятся те, кого подозревали в кражах и далее процесс развивается в обратном направлении. В конечном счете ситуация приобретает неуправляемый характер, а напряжение между противоборствующими сторонами достигает того предела, когда неосторожное слово или действие приводит к обоюдной драке и, как правило, к совершению преступления.

Распределение спальных мест также способно породить целую гамму напряженных ситуаций, поскольку это связано с изменением статуса конкретных лиц. Конфликтов практически не возникает, если распределение спальных мест согласуется с господствующими неформальными нормами. Если администрация волевым путем меняет спальное место за нарушение режима, возникает очень сложное и затяжное положение, в результате которого лидер актива вынужден противостоять авторитетному члену неформальной группы. События развиваются с нарастанием напряженности по всей цепочке принудительного перемещения. Спальное место начинает «блуждать», закрепляясь днем, согласно распоряжению администрации, и перемещаясь ночью на свою определенную статусом позицию. При неблагоприятно складывающихся обстоятельствах возможно неподчинение требованию администрации, обострение отношений актива с лидерами элитных групп и дальнейшее нарастание напряженности с применением все более жестких санкций. В результате таких действий статус того, кто в соответствии с неформальными правилами отстаивает свое спальное место, обычно не только не понижается, но и даже возрастает.

В колониях строгого вида режима администрация, как правило, учитывает статус осужденных, регулируя распределение спальных мест через старшего дневального и неформального лидера отряда, так называемого «смотрящего». Старший дневальный может использовать в корыстных целях свое положение в отряде и распределять спальные места за взятку (табак, чай, деньги), в то время как «смотрящий» должен руководствоваться только неформальными нормами, регулирующими эти отношения. Возможность бесконфликтного распределения спальных мест происходит в результате понижения в статусе лиц, которые, например, неспособны рассчитаться с долгами.

Второй тип — совершение насильственных действий в результате внезапно возникающих острых конфликтных ситуаций из-за защиты неформального статуса осужденными, входящими в элитные группы. Лицо, вынужденное отстаивать свой статус, готово на преступление, так как его утрата чревата притеснениями и оскорблениями со стороны практически всех других преступников. Такие острые конфликты обычно связаны с появлением в колонии информации, компрометирующей осужденного, занимающего высокий статус в неформальной среде. Эта информация становится козырем в руках противоборствующей группировки и, как правило, используется ею для понижения статуса не только данного лица, но и той группы, в которую он входит. Традиционно разрешение конфликта сводится к выяснению отношений между осужденным, распространяющим компрометирующую информацию, и подозреваемым в нарушении неформальных правил. «Разборы» в большинстве своем заканчиваются драками и нанесением телесных повреждений.

В ВТК и колониях общего вида режима разрешение подобных противоречий среди осужденных, статус которых не может претерпеть существенных изменений, как правило, ограничивается взаимными оскорблениями, а физические насильственные действия редко приводят к тяжким последствиям. После этого конфликт зачастую считается исчерпанным. Однако в колониях строгого вида режима действие неформальных санкций носит более жестокий характер, влечет за собой понижение статуса и нанесение телесных повреждений.

Острые конфликтные ситуации возникают не только в слое элиты, но и в основной массе преступников, например, по причине кражи личных вещей и продуктов питания. Виновный становится объектом грубой физической расправы и переходит в разряд отвергаемых. В дальнейшем эта категория лиц притесняется со стороны других осужденных и вынуждена обращаться за помощью к администрации или к наиболее авторитетным осужденным, становясь в целях самозащиты своеобразной прислугой лидеров неформальных формирований.

Подобные же ситуации могут возникать и на почве долговых отношений, которые являются наиболее чутким индикатором происходящих изменений в структуре взаимодействия осужденных.

Питательной средой долговых отношений чаще является недостаточный уровень материально-бытового обеспечения, а также личностные особенности некоторых осужденных, склонных попадать в долговую зависимость, их психологическое стремление к риску, игре, переживанию острых ситуаций. Отношения, связанные с игрой, создают в микросреде осужденных особенно напряженную эмоциональную обстановку, что само по себе является отличной почвой для конфликтов.

В ВТК и колониях общего вида режима наиболее опасно обострение этих отношений между лидерами актива и «авторитетами» преступной среды. Этот конфликт в сущности является борьбой за сферу влияния, порождает кражи и связанные с ним насильственные действия, в ряде случаев — расслоение по земляческому признаку в целях защиты от притеснений. Инициаторами краж, вымогательств и насилий являются те осужденные, в чьих руках сосредоточена грубая сила. Добытые таким путем материальные блага потребляются лидерами актива и «авторитетами» неформальных групп в той пропорции, в которой распределяется сфера их влияния.

В колониях строгого вида режима исключено обострение отношений между лидерами актива и авторитетами преступной среды, в силу закрепления за каждым из них статусных различий, предопределяющих правила поведения и санкции за их нарушения. В том случае, если член авторитетной группы не может отдать долг, то он переходит в разряд так называемых «боевиков-торпед», которые готовы идти на преступление по первому требованию неформальных лидеров колонии. Они становятся наиболее опасной категорией преступников, способных пойти на убийство активиста или даже представителя администрации.

Третий тип — возникновение насильственных действий в результате враждебной позиции к окружающим. Из основной массы осужденных могут быть выделены 6—8% постоянно «конфликтующих», которых администрация определяет как «трудновоспитуемых». Большинство из них субъективно воспринимает среду как враждебную, они очень тревожны, а поэтому, защищаясь, ведут себя агрессивно, особенно к администрации.

Исследования показывают, что к этим осужденным крайне редко применялись поощрения после того, как им был присвоен ярлык «трудновоспитуемого». В большинстве своем они имеют различные взыскания и относятся к личностям, стремящимся к самоутверждению, но неспособным завоевать авторитет и привлечь к себе внимание иначе, как путем нарушений и конфликтов. Неудовлетворенность своим положением и неумение адаптироваться как раз и предопределяет их высокую конфликтность. Она усиливается за счет того, что стремление к независимости такие люди реализуют путем нарушения формальных и неформальных норм поведения, т. е. все время ущемляют права других. Это влечет за собой санкции, изменяющие их ролевой статус.

и выталкивающие из авторитетной группы в основную массу осужденных.

В свою очередь «изгнанники» стремятся возродить утраченное положение путем нарушений и неподчинения администрации. Представление о том, что «мы — притесняемые», мощно стимулирует их поведение, толкает к противодействию любому давлению сверху. Они становятся рупором «справедливости» всех недовольных, но рупором искаженным и ущербным. Зачастую эгоистическое, болезненное представление о справедливости не только мотивирует их действия, но и «развязывает» руки в выборе средств при учинении насилия, объектом которого, как правило, становятся наиболее слабые и незащищенные осужденные.

Среди наиболее характерных психологических черт личности так называемых трудновоспитуемых, этих вечных бунтарей, можно выделить аффективную взрывчатость, склонность к возникновению злобно-тоскливого настроения с чувством внутренней раздраженности, недовольство окружающим, жестокость, неадекватная злобность, разрушительные тенденции. Присущая им высокая тревожность формирует такие черты, как мстительность, злопамятность, подозрительность и в то же время себялюбие, эгоцентризм, ожидание агрессии. Им свойственны и такие качества, как упрямство, негативизм, полное игнорирование социальных установок, отсутствие ориентации на положительные авторитеты, стремление к асоциальным формам поведения. Меры дисциплинарного воздействия почти не приводят к положительным результатам.

У них нередко выявлялись травмы головы, начальные явления органического психосиндрома с психопатизацией личности по эпилептоидно-возбудимому или паранояльному типу. Обнаруживалась утрата критики к совершенному преступлению, отсутствие адекватного осмысления случившегося и ситуации в целом. Эти лица чаще всего совершают убийства, грабежи, разбои, изнасилования, нанесение телесных повреждений.

Четвертый тип — насильственные действия в результате материальных притязаний. Это обычно не имеет широкого распространения в ВТК, что обусловлено высоким уровнем согласованности между членами элитных групп, хотя они составляют не более 15% от общего числа осужденных. Их авторитет и в то же время контроль со стороны администрации обеспечивает возможность избегать открытых нарушений режима, строить свои отношения с подростками из основной массы на принципах эксплуатации и посредничества, в большинстве своем скрытом перераспределении материальных и иных благ.

Распределение осужденных в связи с их притеснениями из-за материальных притязаний следующее. Около 5% подростков и осужденных в колониях общего вида режима защищены авторитетными земляками. В колониях строгого вида режима их удельный вес достигает 20% за счет неоднократного осуждения и повышения на этой основе уровня сплоченности. Примерно 10%

осужденных в колониях всех видов режима сами способны постоять за себя и не зависят от притеснения других. Большинство из них составляют «оппозицию» элитной группе и могут не только защитить себя, но и, в отдельных случаях, бороться с ней за сферу влияния в колонии. Оставшиеся 60—70% осужденных являются объектом давления и поборов со стороны элиты. Каждый из «авторитетов» самостоятельно договаривается о тех или иных материальных благах в отношении себя. Таким образом, члены элитной группы как бы закрепляют за собой большинство осужденных из основной массы, и те добровольно приносят им что-либо из посылки или передачи. Возникают случаи, когда так называемые трудновоспитуемые, используя тот же самый прием «добровольного принуждения», получают отказ и вынуждены применять физическую расправу. Большинство потерпевших не обращается к администрации, так как боятся попасть в разряд «стукачей», и тем самым формируется скрытый процесс насильственного отбирания продуктов питания и личных вещей. Естественно, что и противодействие такому насилию порождает защитную реакцию.

Однако подобного рода неорганизованные поборы, особенно в колониях строгого вида режима, носят достаточно избирательный характер и не распространяются на тех осужденных, которые уже выплатили свою долю элите. Здесь своеобразный залог на безопасность, когда добровольная выплата дани обеспечивает защиту от притязаний других. Как правило, материальные притязания на уровне людей одного и того же социального статуса отсутствуют. В то же время возникают случаи, когда ничем не выделяющийся осужденный проявляет агрессивность в отношении так называемого «обиженного». Резкое увеличение количества подобных «неорганизованных» насильственных действий сигнализирует о весьма неблагоприятных тенденциях, связанных с изменением структуры взаимодействия в отряде, ослаблении элитной группы и противодействии ей новой организованной оппозиции. В этот период в ВТК и особенно в колониях общего вида режима наступает «смутное время», когда все, кто способен заявить о себе, формируют группировки и претендуют на лидерство. Материальные притязания приобретают неуправляемый характер и в большинстве своем сопровождаются насильственными действиями.

Пятый тип — насильственные действия, связанные с соблюдением режима. Они являются теневой стороной формальных объединений осужденных; образно их можно сравнить с поведением боксеров на ринге, когда судьи как бы не замечают нарушения правил. Наиболее авторитетная группировка преступников выполняет двойственную роль в системе взаимодействия осужденных. С одной стороны, она стремится сохранить сложившуюся иерархию отношений, расширить сферу своего влияния, а с другой — вынуждена требовать от основной массы осужденных соблюдения режима отбывания наказания. В данном случае формальная и

неформальная дифференциация лиц, отбывающих наказание в колонии, выступает как основа стабилизации их отношений.

В колонии все осужденные разделены на два социальных слоя, которые условно можно определить как первый и второй уровни в структуре взаимодействия сообщества. Разделение преступников на «своих» и «чужих» влечет за собой проблемы распределения сфер влияния, стремление одних подчинить своей воле других. Необходимость такого разделения обусловлена объективными причинами, лежащими в принудительной природе лишения свободы и существования неформальной организации осужденных. Ее ликвидация посредством чисто административных мер не только невозможна, но и нежелательна.

Социологические исследования однозначно показывают, что в группировках асоциальной направленности (особенно молодежных) в местах лишения свободы, а также в армии, формируется специфический, как правило, жестокий социальный уклад, в котором противостоять действию неформальных норм очень трудно. При этом не имеются в виду общечеловеческие ценности, воплощенные в ряде норм. Физическая сила отдельного лица здесь не играет решающей роли. Тех, кто пытается противостоять системе, могут сломить, искалечить, убить.

Следовательно, действия администрации должны быть направлены не столько на ликвидацию неформальных норм, сколько на искоренение патологических форм их проявления, оказывающих разрушительное влияние на личность и поведение преступников в местах лишения свободы. Данные положения подтверждаются сложившейся практикой деятельности колоний вне зависимости от вида режима, которая показывает, что актив самодеятельных формирований, опираясь на формальные нормы и правила поведения далеко не всегда может противостоять остальной части осужденных. В условиях принудительной системы отношений сдерживать противоправные проявления основной массы осужденных возможно только при консолидации формальных и неформальных лидеров, сохранения между ними необходимого согласия, исключаящего проявление жестокости и насилия в борьбе за сферы влияния.

Способы консолидации этих отношений и уровень их управляемости определяют состояние оперативной обстановки и стиль взаимодействия между осужденными и администрацией. По мере ослабления контроля со стороны последней, действия актива приобретают элементы жестокости при реализации его членами управленческих функций. В так называемых запущенных отрядах физическое насилие становится самым доступным и обманчиво эффективным средством наведения порядка, а на самом деле — установления деструктивного типа взаимодействия. Внешний порядок, соблюдаемый в таких отрядах, это не более чем «потемкинские деревни», скрывающие за собой жестокость, которая в свою очередь формирует у осужденных еще большую склонность к асоциальному поведению.

Наличие подобных явлений подрывает авторитет администрации, так как осужденные не видят в ее лице своих защитников. Авторитет среди «своих» имеет для них большее значение, чем поддержка администрации, ибо авторитетный осужденный может защитить себя и других от притеснений, а защита со стороны сотрудников колонии не всегда эффективна. Преступники потому и идут на нарушения режима, не страшась дисциплинарного взыскания, что боятся потерять авторитет в своей среде, которая использует более жестокие санкции, чем администрация, за нарушение ее «законов».

Другая сторона насильственных действий, связанных с соблюдением режима, также напрямую зависит от стиля управления отрядом. Чем больше лидер актива осужденных должен подчиняться приказам администрации, которая не всегда вникает в суть возникающих противоречий, тем чаще он попадает в неразрешимую для него ситуацию, когда необходимо примирить требования формальных и неформальных норм поведения. Тем более сурово он обращается с поставленными от него в зависимость преступниками. Двойственный характер такого поведения лидеров актива делает их уязвимыми для агрессии со стороны организованной оппозиции. В этих условиях эффективность формальных норм существенно снижается из-за сильного противостояния элитной группы и оппозиции, соответственно расширяется сфера применения неформальных норм, среди которых начинают преобладать те, которые предписывают насильственные действия.

Изменение стиля управления и перераспределение его функций в структуре взаимодействия осужденных предполагает, с одной стороны, готовность основной массы освободиться от давления неформальных «авторитетов» и возникающего при этом произвола, а с другой — способность администрации контролировать формальные и неформальные отношения в колонии. Так, по данным нашего обследования, 60% несовершеннолетних преступников осуждают поведение лидеров элитарных формальных групп и высказывают пожелание об усилении контроля за деятельностью актива со стороны руководства ВТК. Характер их суждений о порядках в колонии и об активе затрагивает практически одну и ту же проблему отрицательного влияния неформальных норм и правил поведения, направленных на притеснение основной части осужденных. Отрицательные высказывания об отношении к администрации составили 8%, основную массу авторов таких ответов составляют лица с повышенной конфликтностью, так называемые трудновоспитуемые подростки. Они являются основной питательной средой при формировании организованной оппозиции активу.

В заключение еще раз отметим, что насильственное поведение осужденных во многом порождается конфликтом между неформальными нормами среды преступников и нормами права. В основе неформальных норм лежат, как известно, специфические ценности и представления, свойственные преступникам, в том числе

преступникам, лишенным свободы, т. е. тем, кто отчужден от общества и физически, и психологически, и нравственно. Специфика названных норм как раз и определяется этим обстоятельством.

С другой стороны, жизнь осужденных в местах лишения свободы регулируется нормами закона, в которых отражены иные ценности, требования и цели, выражен иной взгляд на жизнь. Несоответствие законов неформальным правилам, разумеется, неполное, но достаточно существенное, что само по себе порождает конфликты в среде осужденных, их непоследовательность из-за того, что они колеблются между двумя системами норм.

Существование особых принципов поведения лишенных свободы порождает специфические формы их самоорганизации, которая для своего поддержания и развития достаточно часто требует применения насильственных действий. Они имеют место, если кого-то нужно принудить к определенному поведению, отстоять права своей группы и свои собственные, расширить сферу влияния, незаконно приобрести материальные блага или привилегии и т. д.

Для понимания того, почему консолидация осужденных в особую субкультуру имеет столь сильное и негативное влияние на их личность и поведение, нужно учитывать, что эта субкультура становится одним из основных факторов, компенсирующих в той или иной степени тяжесть лишений, связанных с отбыванием наказания, когда только внутри нее осужденные находят возможности разрешения всех своих проблем бытового, производственного, личного, даже интимного характера. В таких случаях у значительной части осужденных формируется убеждение в том, что только в «своей» среде они могут найти понимание и поддержку, со стороны же администрации, а тем более иных государственных органов ожидать этого не приходится.

Глава III

ЗАХВАТ ЗАЛОЖНИКОВ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Вследствие резкого изменения характера общественных отношений и новых экономических процессов появления в средствах массовой информации сведений о нарушениях законности в ИТУ и других обстоятельствах в 1989—1991 годах активизировалась деятельность лиц, наиболее склонных к деструктивным формам поведения в местах лишения свободы. Они стали получать значимую моральную поддержку в своих выступлениях против администрации, а захват ими заложников становится средством достижения их корыстных целей, а также своеобразной формой социального протеста. Несогласие с решением суда, отказ в хода-

тайстве о помиловании, поиск «правды», острые конфликтные ситуации, связанные с долговыми отношениями, угрозой убийства, насильственных форм «отвергания» или потерей статуса и сферы влияния в колонии являются основными причинами захвата заложников. Действие алкоголя или наркотиков обостряет перечисленные выше причины и зачастую становится пусковым механизмом этих преступлений.

При этом необходимо отметить, что демократизация общественных отношений и возросшая информированность о том, что условия отбывания ими наказаний могут быть более человеческими, имеют двоякие последствия. С одной стороны, мы наблюдаем вспышку разрушительных преступных актов поведения и, с другой, — попытку использовать неформальные организованные структуры для отстаивания своих требований в рамках существующего законодательства, но, естественно, противоправным способом.

В самом общем виде системообразующим признаком, объединяющим большинство лиц, участвующих в захвате заложников, является ненависть к власти, к любым формам ее проявления, к любым ограничениям свободы. Этот фактор прямо связан с их субъективной неспособностью адаптироваться не только в условиях лишения свободы, но и в жизни вообще. Личностное восприятие безысходности, «загнанности в угол», порожденное перечисленными выше причинами, вызывает у такой категории лиц целый комплекс негативных переживаний, связанных с угрозой их собственной жизни или ощущаемой потерей ее смысла, хотя, возможно, никто на самом деле им и не угрожает.

Применительно к этим лицам сам факт их «попадания» в субъективно-воспринимаемые как опасные ситуации, указывает на существование личностных предпосылок к такому восприятию, определенных отношений между элементами ситуации и индивидуальными особенностями данной категории преступников. Существует некая степень предрасположенности осужденных, захватывающих заложников, к вхождению в ситуации повышенного риска. Сказанное обуславливает принципиальную возможность выявления комплекса детерминант указанных преступлений в ИТК и СИЗО, что может быть использовано в организации профилактических мероприятий по выявлению лиц, склонных к побегу, и предотвращению захвата ими заложников.

В основу наших выводов и предложений положены результаты изучения 35 уголовных дел в отношении 86 осужденных, совершивших захват заложников в СИЗО и ИТК всех видов режима. Их преступления квалифицировались ч. 1 ст. 77, ч. 2 ст. 95, ч. 3 ст. 218, ч. 2 ст. 218, ч. 1 ст. 188, ч. 2 ст. 126, ст. 207, ч. 1 и ч. 3 ст. 212 УК РСФСР. Исследование осуществлялось с помощью специально разработанной анкеты, обеспечивающей систематизацию криминологических, социальных, психологических, психиатрических и иных признаков. Особое внимание уделялось причи-

нам, целям и средствам совершения таких преступлений, характеристикам личности виновных.

Здесь мы хотим показать возможности предупреждения захвата заложников в местах лишения свободы, пути разрешения таких конфликтов и обезвреживания преступников.

1. Способы захвата заложников, место, время и другие обстоятельства

Захват заложников предшествует разработка плана действий, требований к администрации, подготовка необходимых технических средств, распределение обязанностей, выбор места и времени захвата.

Рассмотрим последовательно каждый из элементов плана с учетом особенностей СИЗО и ИТК. В СИЗО часты случаи, когда план составляется в присутствии 20 и более подследственных, которые не привлекаются к намеченной «операции». В колониях же круг посвященных уже. Требования к администрации для побега могут иметь варианты в зависимости от фантазии «захватчиков» и реальных возможностей. Обычно эти требования включают в себя автомашину (типа УАЗа, микроавтобуса, «скорой помощи»), автоматы и пистолеты по количеству членов группы, 2 рации и канистры с бензином, чистые бланки паспортов, гражданскую одежду, медикаменты, деньги в рублях или долларах. Сумма колеблется от 20 тысяч до 4 млн. долларов с требованием вылета чаще в ФРГ. В случае, если «захватчики» находятся в состоянии алкогольного опьянения, они требуют несколько бутылок коньяка или водки, наркоманы — наркотики.

В зависимости от расположения места лишения свободы преступникам может быть нужна карта местности, иногда они требуют свои личные дела, шерстяные спортивные костюмы, восьмиместные палатки, спальные мешки, шоколад, консервы, винтовки с оптическим прицелом, гранаты и т. п. Причем план захвата заложников с целью побега может содержать несколько этапов. Например, выход из СИЗО или ИТК, а далее захват детей из детского сада и требование вертолета МИ-8. В отдельных случаях «захватчики» запасаются серной и соляной кислотой для угроз и запугивания заложников. Кроме изготовления ножей и заточек, налаживают производство пироксилина. В одном из изученных уголовных дел имеется план захвата, в котором приведен подробный рецепт изготовления пироксилина.

Анализ уголовных дел свидетельствует о необходимости уделять особое внимание содержанию переписки осужденных, в которой может содержаться подробный план захвата заложников, а также сведения об изготовлении на производстве самодельных стволов к огнестрельному оружию. Преступники, захватывающие заложников в одиночку, используют иногда «фальшивую бомбу», за которую они выдают пакет, набитый бумагой. Известен случай, когда муляж самодельной бомбы был выполнен достаточно

убедительно с помощью консервной банки, начиненной цементом. Осужденный аккуратно обшил ее материей, приладил к ней чеку и с помощью петли надел на шею прапорщику, объявив его заложником.

В СИЗО «захватчики» обычно ограничиваются заточкой в виде шила или металлической пластины, веревкой, сплетеной из ниток, могут быть использованы куски арматуры или трубы при демонтаже раковины умывальника, черенки ложки и т. п. Заключенные, находящиеся в одиночных камерах, пробивают отверстие между камерами, а затем, объединившись, совершают нападение на контролера, который, не подозревая о наличии второго преступника, входит в камеру. Особое внимание следует обратить на возможность объединения осужденных из числа близких родственников, когда один из них захватывает заложника, а затем требует привести из другой камеры своего брата. Как правило, такое объединение способствует самым решительным действиям в отстаивании своих требований.

Выбор места и времени захвата заложников во многом зависит от особенностей организации работы колонии или СИЗО, но в то же время существуют определенные закономерности и предпочтения, на которые следует обратить внимание. В СИЗО это прежде всего момент захода или выхода из камеры или прогулочная камера, может быть использовано подсобное помещение в коридоре типа темной комнаты. Зарегистрирован случай, когда в темной комнате находился щит распределения электросети и «захватчики» получили возможность отключить свет в коридоре во время переговоров с администрацией. В ИТК местом захвата чаще бывают медсанчасть (43,7%), предприятие (25,0%), магазины (12,5%), школа (9,4%), реже — пожарная часть и помещение оперативного дежурного (9,4%).

Чаще всего захватывают вольнонаемных сотрудников, среди которых женщины составляют 70,9%. Согласно высказываниям «захватчиков», офицеры выполняют служебный долг, и они представляют меньшую ценность в качестве прикрытия по сравнению с женщиной. Поэтому при предложениях об обмене женщины на аттестованного сотрудника захватчики отвечают отказом. Естественно, что женщины менее опасны, меньше оказывают сопротивления преступникам.

Время захвата как в СИЗО, так и в колониях, в основном приходится на день (57,9%), на вечер значительно меньше (23,7%), еще меньше на утро (10,5%). В СИЗО не зарегистрированы случаи нападения ночью, а в ИТК они составили всего 11,1%.

Захват заложников в местах лишения свободы совершается в основном с целью: совершить побег из СИЗО (30,8% случаев) и колоний (39,7%), перевода в другую колонию (20,5%) и привлечения к себе внимания (9,0%). Среди «захватчиков» крайне редко встречаются лица, которые не ставят перед собой какой-то

конкретной цели, а действуют, лишь поддаваясь групповому влиянию.

Наибольшую опасность представляют случаи захвата заложников с целью побега. В момент таких действий преступники обычно находятся в крайней степени возбуждения, наиболее нагло предъявляют свои требования и угрожают убить попавших им в руки людей. Любая задержка или несогласие со стороны администрации приводит к избитию заложников, особенно женщин, чтобы их крики смогли ускорить исполнение требований. Спокойная и рассудительная позиция администрации, привлечение к переговорам «авторитетных» осужденных, родственников, священника и поэтапное выполнение требований позволяет мобилизовать силы для обезвреживания преступников. Согласно материалам уголовных дел, время переговоров от одного до 2 часов составило 54,3%, от 2 до 3 часов — 25,6% и более 3 часов — 20,1%. Одним из наиболее перспективных моментов обезвреживания преступников является переход захватчиков из помещения к автомашине.

Согласно показаниям обвиняемых, которые желали привлечь к себе внимание указанным способом захвата заложников, они убеждены в своем полном беспределе, невозможности добиться справедливости и получить необходимую помощь со стороны общества, государства и его представителей. Они полагают, что администрация мест лишения свободы коррумпирована и никак не ограничена в своем произволе, что их жалобы никто не станет добросовестно и своевременно рассматривать, что в колонии все конфликты решаются незаконно как администрацией, так и другими осужденными и т. д.

Так, в одной из ИТК Воронежской области с целью привлечения к себе внимания руководства областных правоохранительных организаций и желание заявить им о преступной деятельности некоторых лиц учреждения, группа осужденных захватила заложника.

Одной из основных причин данного преступления является потеря «захватчиками» сферы влияния в колонии и их систематическое притеснение со стороны других осужденных. Согласно высказываниям одного такого обвиняемого, конфликтные отношения развивались следующим образом. «Нас избили и поместили в штрафной изолятор. Администрация учреждения не приняла никаких мер для того, чтобы защитить меня от дальнейших притеснений и спустя несколько недель меня и еще двух осужденных повторно избивают с помощью железных прутьев. За участие в драке я был водворен в помещение камерного типа (ПКТ), а ее организатора направляют в межобластную больницу. После ПКТ и нахождения в санчасти 10 марта 1989 года меня направляют в отряд, а 17 марта этапировуют из межобластной больницы организатора враждебной группировки. Для того, чтобы избежать встречи с ним, я принимаю решение захватить заложника, несмотр-

рия на то, что из 10 лет лишения свободы, до конца срока наказания мне осталось 2 года».

«Захватчики» не выставили никаких требований, кроме возможности быть услышанными руководителями области, после разговора с которыми отпустили заложника. По материалам других уголовных дел, связанных с захватом заложников с целью привлечения к себе внимания схема развития событий примерно одна и та же и, в большинстве своем, основной причиной является борьба за сферу влияния, потеря статуса и систематические притеснения со стороны других осужденных. Участие в этих конфликтах земляческих группировок из лиц другой национальности еще более обостряют отношения.

Реакции администрации на подобные случаи, как правило, неадекватны природе отношений между осужденными и, тем самым, в значительной мере способствуют осложнению оперативной обстановки, хотя формально ее шаги могут быть и вполне правомерными. Большинство случаев захвата заложников с целью привлечения к себе внимания, а также для того, чтобы перейти в другую колонию во многом обусловлено именно этими обстоятельствами. Поэтому их профилактика и предотвращение невозможны без продуманных действий администрации с учетом всех элементов сложившейся конфликтной ситуации. Практика свидетельствует о том, что поведение администрации так или иначе «вплетено» в систему неформальных отношений осужденных и активно влияет на их развитие.

Передача управленческих функций формальным и неформальным структурам осужденным в колонии и отсутствие знания о характере сложившихся отношений относятся к числу основных причин, порождающих так называемый «беспредел» в среде осужденных и, как следствие, захват заложников как способ решений возникающих проблем в поисках «правды» и «справедливости». Рассмотренный выше пример — не единственный случай в этой колонии. Обострение конфликтных отношений между осужденными и администрацией вторично привело к захвату заложников с требованием перевода в другое ИТК и эта же колония в третий раз становится местом захвата заложника с целью побега из нее.

Лидеры отрицательных группировок, склонные к захвату заложников, хорошо известны администрации колонии и находятся под постоянным контролем. Опасность захвата заложников возникает при обострении их конфликтов с лидерами других группировок, в том числе организованных по земляческому признаку. Отношения между группами становятся особенно напряженными, когда борьба за сферу влияния приобретает длительный и затяжной характер и проигравшая сторона вынуждена все время стараться попасть в СИЗО или ПКТ, спасаясь таким путем от своих врагов.

В СИЗО эта категория лиц проявляет особое упорство и изобретательность в изготовлении ножей, веревок, проделывания от-

верстей в стене камеры с целью нападения на младших инспекторов безопасности. Большие сроки осуждения за особо тяжкие преступления против личности, вымогательства с использованием пыток выделяют их как наиболее опасных при захвате заложников. Поэтому часто администрация вынуждена использовать огнестрельное оружие и действовать на поражение преступников при освобождении заложников.

В зависимости от свойств личности, особенностей поведения и способа адаптации к среде подбираются члены преступной группы, лидер которой предопределяет цель захвата заложников. При этом необходимо иметь в виду, что такие заранее осмысленные цели захвата, как переход в другую колонию или привлечение к себе внимания, отнюдь не исключают стремление к побегу в зависимости от того, как будут развиваться события. Рассмотрим наиболее распространенные причины захвата заложников и особенности формирования преступных групп.

Первая: стремление избежать длительного срока наказания за особо опасные преступления против личности, такие как изнасилование и убийство несовершеннолетних, вооруженный грабеж, вымогательство с использованием физического насилия. Члены сформированной группы могли входить ранее в состав бандитских группировок или являться близкими родственниками (братьями).

Вторая: потери сферы влияния членами земляческой или иной группировки колонии с угрозой наиболее жестоких форм отвергания. Развитие межгруппового конфликта приобретает длительный и затяжной характер, из которого администрация не находит выхода. Согласно материалам уголовных дел, «захватчики» являлись злостными нарушителями режима отбывания наказания, для них сохранение или потеря статуса в колонии была равноценна жизни или смерти.

Третья: денежный долг другим осужденным и невозможность его уплаты, отсутствие конструктивного решения этой проблемы и угроза отвергания за неуплату в наиболее жестокой форме. Должник становится инициатором формирования группы, а ее члены, как правило, являются «отвергаемыми».

Четвертая: несогласие с приговором или получение отказа в ходатайстве о помиловании. В колонии лица, захватывающие заложников по названной причине, имеют скорее положительную, чем отрицательную направленность поведения и, как правило, занимают престижное положение в формальной структуре отношений учреждения. Они могут быть наделены функциями управления в производственной или бытовой сфере деятельности колонии (бригадир, заведующий столовой, председатель совета коллектива отряда или какой-либо секции в колонии). Их отличает склонность к «застреванию» на попытках пересмотра уголовного дела и написанию кассационных жалоб, внушению себе и окружающим, что их уголовное дело будет пересмотрено. Члены преступной группы в большинстве случаев имеют психические аномалии, отвергаемы и поддаются любому влиянию со стороны других.

Пятая: убийство сокамерника в СИЗО или другого осужденного в колонии в связи с чем формируется спонтанная установка на захват заложников с целью побега. В СИЗО членами преступной группы могут стать подследственные из одной камеры, а в колонии — лица, находящиеся под влиянием убийцы.

Шестая: желание отомстить кому-либо на свободе, что стимулирует организатора захвата заложников создать преступную группу для нападения. В этом случае лидер отличается особой жестокостью поведения. Совершенные им ранее преступления обычно носят ярко выраженный насильственный характер (изнасилование, убийство, разбой). Во время отбывания наказания в колонии он может убить другого осужденного. Свои действия не контролирует, очень раним и восприимчив, резко реагирует на несправедливость в отношении него, воспринимает окружающую среду как агрессивную и испытывает постоянное напряжение в отношении с окружающими. В индивидуальных беседах иногда высказывает намерение покончить жизнь самоубийством. В сообщники для захвата заложников им может быть выбран осужденный, страдающий олигофренией в степени дебильности.

Наиболее часто рядовые члены преступной группы в ответах на вопрос, почему они захватили заложников, дают ответы типа: «мне предложили и я согласился», «надоело сидеть», «соскучился по родным и близким» и т. п. Поэтому неслучайно, что большинство из них является орудием в руках организаторов; и в том случае, когда преступная группа сформирована под давлением и принуждением лидера, захвату заложников предшествует употребление алкоголя. В требованиях к администрации, наряду со стандартным перечнем оружия, автомашины и т. д., появляется дополнительный пункт, в который входит перечисление спиртных напитков.

Лицо, совершающие захват заложников в одиночку, в большинстве своем не способны налаживать отношения с другими. Они склонны к повышенной подозрительности и недоверчивости. Среди них наиболее часто встречаются преступники, имеющие психические аномалии и неоднократно находившиеся до осуждения и в период отбывания наказания на лечении в психиатрических больницах. В этой связи отметим, что, как свидетельствуют материалы изученных уголовных дел, в тех колониях, в которых происходили захваты заложников, отсутствовал психиатр. Можно обоснованно предположить, что, если в колонии и следственном изоляторе не выявляются и не ставятся на учет лица, имеющие психические расстройства, если им не оказывается необходимая медицинская, психокоррекционная помощь, захват заложников и другие насильственные действия становятся более чем возможными.

Наконец, подчеркнем еще одно исключительно важное обстоятельство: захват заложников обычно имеет место там, где между администрацией и осужденными (заключенными) отсутствуют доверительные отношения, нет партнерства и сотрудничества, а гос-

подстывает диктат, постоянное давление, грубый окрик, где лишенные свободы не видят в администрации своей естественной защитницы и помощницы.

2. Характеристика лиц, захватывающих заложников

Более 70% таких преступников впервые были привлечены к уголовной ответственности в возрасте до 18 лет, в то время как, по данным выборочных исследований, в колониях строгого режима этот показатель не превышает 40%. По количеству лет, проведенных в местах лишения свободы, «захватчики» не отличаются от общей массы осужденных в колониях названного режима, но возраст первых на 8 лет моложе, и среди них нет лиц старше 40 лет, а максимальный удельный вес приходится на возрастную группу 18—24 года (47,2%). Среди тех, кто захватил заложников с целью побега из СИЗО и кто был привлечен к уголовной ответственности впервые, средний возраст составил 20 лет, привлеченных к ответственности во второй раз — 22 года и третий раз — 23 года. Соответственно в числе тех, кто намеревался совершить побег из колонии, средний возраст — 25, 26 лет.

Одной из важных отличительных особенностей «захватчиков» является то, что они ранее уже совершали преступления в местах лишения свободы, т. е. преступное поведение в условиях изоляции от общества им знакомо. Среди тех, кто ставил своей целью побег из СИЗО, подобные преступники составили 29,1%, из колонии — 19,0%, а среди тех, кто требовал перевода в другую колонию, — 13%. Среди всех «захватчиков» лиц, которые ранее уже совершали преступления в местах лишения свободы, в два раза больше в отличие от всех других осужденных. Но нужно отметить, что среди осужденных, которые путем захвата заложников пытались обратить на себя внимание, нет таких, которые ранее совершали преступления в местах лишения свободы. Эти последние — тоже плохо адаптированные люди, причем не только в условиях изоляции от общества, но и в целом, а поэтому после освобождения 66% из них в течение года вновь совершают преступления.

Анализ контингента осужденных по квалификации всех совершенных ими преступления (до захвата заложников) практически мало чем отличается от основной массы осужденных по данным специальной переписи осужденных 1989 г. Удельный вес преступлений против личности среди первых даже несколько ниже данных переписи, в то время как процент преступлений против личной собственности граждан (ст. 144 УК РСФСР) больше в 1,3 раза. Следует отметить, что среди «захватчиков» значительно больше ранее судимых за сопротивление работнику милиции (ст. 191¹ — 5,5 раза), злостное нарушение правил административного надзора (ст. 198² — в 6,2 раза), а за угон транспортных средств (ст. 212¹ — в 7,3 раза). Вообще угон транспортных средств является одной из главных отличительных особенностей преступ-

ников, захватывающих заложников с целью побега. У каждого третьего, а в отдельных случаях у всех участников преступной группы уже были случаи угонов транспортных средств.

Думается, что последний показатель отнюдь не случаен, поскольку есть нечто существенно общее между практикой побега из мест лишения свободы, стремлением перейти в другое ИТК и угоном транспортных средств без цели их хищения. В том и в другом случаях появляется возможность увеличить степень своей личной свободы, раздвинуть психологические рамки своего существования, выйти за эти рамки. Можно обоснованно предположить, что даже когда такие люди на свободе, они бессознательно все время стремятся расширить свое жизненное пространство, используя для этого транспорт, когда своего нет, то угоняют. Поэтому мы считаем не случайным концентрацию этого признака у лиц, стремящихся совершить побег из СИЗО или колоний, и практического отсутствия в прошлом преступлений, связанных с угоном транспортных средств, у осужденных, стремящихся привлечь к себе внимание.

Распределение исследуемой категории лиц по квалификации последнего совершенного преступления (до захвата заложников) существенным образом изменяет картину соотношения между корыстными и насильственными преступниками. Удельный вес отбывающих наказание, за умышленные убийства при отягчающих обстоятельствах увеличивается в 1,3 раза, особенно среди тех, которые намеревались бежать.

Отсутствуют существенные различия между теми, кто захватывал заложников в местах лишения свободы, и основной массой осужденных по такому признаку, как количество лет, проведенных в местах лишения свободы. Однако можно наблюдать серьезную разницу в сроках назначенного наказания по последнему приговору, предшествующему захвату заложников. Наибольший удельный вес приходится на осужденных, приговоренных к лишению свободы на срок от 8 до 10 лет включительно — 23,7%, свыше 10 лет — 17,1%; в целом же чаще захватывают заложников те преступники, которые лишены свободы на долгие годы.

Чем длительнее срок наказания у членов преступной группы, тем чаще можно наблюдать организованность их действий в момент захвата заложников и более жестокое обращение с ними. Так, в одном СИЗО преступная группа из 9 уже осужденных, но не отправленных по месту наказания, по предварительномуговору захватила двух женщин-контролеров. Они были раздеты до трусов и в процессе ведения переговоров с администрацией преступники наносили им удары в лицо и ранения, затем были захвачены еще 4 человека — несовершеннолетние подследственные. Все члены группы были осуждены за преступления против личности на срок от 10 до 14 лет. Четыре человека из них совершили особо тяжкие преступления против личности, а также вооруженный грабёж, вымогательство с использованием физического

насилия и пыток огнем (паяльной лампой, утюгом и т. п.). Зачинщиками являлись лица, занимавшиеся до осуждения рэкетом.

Помимо уголовно-правовых, социально-демографических и пениitenciарных характеристик необходимо обратить внимание и на психологические особенности лиц, захватывающих заложников в местах лишения свободы. Кроме стремления к расширению психологических границ своего существования, о чем говорилось выше, указанные лица отличаются низкой толерантностью (устойчивостью) в сложных и даже экстремальных жизненных обстоятельствах. Они нередко попадают в критические ситуации, которые субъективно воспринимаются ими как непереносимые. На эти ситуации они реагируют агрессивными действиями. Нередко даже актами членовредительства, демонстративными попытками покончить жизнь самоубийством или угрозами самосожжения. Стремление противопоставить себя окружающим, ощущение собственной исключительности, в то же время неспособность реализовать свои цели ставит их в позицию постоянно конфликтующих. Причины этого различны, но все они, как можно полагать, связаны с ярко выраженными дефектами социализации. Изучение истории жизни «захватчиков» позволяет выделить такие отличительные особенности, как побеги из дома, бродяжничество, учеба в специальной воспитательной школе для трудновоспитуемых детей или правонарушителей, учеба во вспомогательной школе для умственно отсталых детей. Последние, став взрослыми, в преступных группах почти всегда занимают подчиненное положение.

3. Типы личности преступников, которые захватывают заложников

Среди виновных в захвате заложников можно выделить следующие психологические типы.

К **«упорному»** типу можно отнести тех весьма опасных лиц, которые любым путем стремятся занять лидирующее положение и поэтому либо входят в группы с отрицательной направленностью поведения, либо являются активными членами самодетельных организаций. И в том, и в другом случае их поведение носит вполне определенный характер, направленный на утверждение своего авторитета. Воспринимая окружающий мир по принципу «черного» и «белого», данная категория преступников придерживается раз выбранной линии поведения и, как правило, добивается успеха. Это обусловлено наличием у них такой личностной черты, как целеустремленность: любая жизненная цель приобретает для них характер сверхцели. Лидирующее положение становится для них основой психологической адаптации и удовлетворения честолюбия.

Возникновение критической ситуации, связанной с угрозой их авторитету, резко изменяет поведение этих осужденных. Действие окружающих они воспринимают как враждебные, ущемляющие их интересы и поэтому начинают выступать в роли «борцов за справедливость», так как их честолюбие не было реализовано.

Например, лидер «захватчиков» К., осужденный за убийство на 15 лет лишения свободы, являлся членом совета коллектива колонии, бригадиром, руководителем производственно-массовой секции. В своих объяснениях суду о причинах захвата заложников, на первое место он выдвинул неблагоприятную обстановку в учреждении, притеснение основной массы осужденных со стороны лиц отрицательной направленности. Обвинял администрацию в нежелании перестраиваться в соответствии с демократизацией в обществе. Но в действительности реальной причиной его поведения был отказ администрации в подготовке материалов о его помиловании. Однако он упорно, невзирая ни на какие препятствия, стремился к освобождению, а крушение надежд вызвало у него аффективный взрыв.

«Демонстративный» тип личности характеризуется сильным стремлением любым путем выделиться, добиться восхищения, удивления собой, почитания. Представители этого типа стремятся быть в центре внимания и самое страшное для них остаться незамеченным. Поэтому при обсуждении захвата заложников с целью побега лица демонстративного типа всячески стараются быть в центре событий и берут на себя роль организаторов при составлении плана совместных действий. Наиболее характерным высказыванием одного из таких организаторов является следующее: «...я написал план захвата заложников, переписав его из газет, и все члены нашей группы решили действовать согласно моим указаниям». Осужденные демонстративного типа вступают в серьезные конфликты со своим окружением, в том числе по причине неуплаты долга, что грозит им серьезными неприятностями, вплоть до перехода в группу «опущенных», отвергнутых всем сообществом. Согласно материалам уголовных дел, попытка найти защиту у администрации от притязаний других осужденных не снимала напряженности конфликта и приводила, в конечном счете, к захвату заложников.

Так, из материалов одного из уголовных дел видно, что срок уплаты долга был назначен на 15 декабря, а захват заложников совершен, днем раньше с предварительной подготовкой ножей, со спаиванием земляка и склонением его в состоянии алкогольного опьянения к захвату заложников с целью перейти в другую колонию. Достаточно яркий случай демонстративного характера поведения преступника был зафиксирован при нападении его на продавщицу магазина, когда он демонстративно угрожал администрации убийством заложницы, после чего якобы намеривался повеситься. Ранее этот осужденный 5 раз совершал членовредительство, 2 раза вводил гвозди в брюшную полость. С вызовом говорил, что при несправедливом отношении к нему он разобьет себе голову и вгонит в живот гвозди.

Среди «демонстрантов» немало таких, которые, стремясь к лидерству, побуждают других осужденных к конфликтам с администрацией по поводу оплаты труда, режима работы и других ма-

териально-бытовых условий. Умело манипулируя настроением осужденных, им удается организовать преступную группу недовольных приговором и отношением администрации. Как правило, объединяются преступники, приговоренные к восьми и более годам лишения свободы за особо опасные преступления против личности. Бывает так, что организатор группы, ранее уже осужденный за захват заложников. Поскольку они склонны застревать на каком-то определенном способе решения своих жизненных проблем.

Казалось бы, прошлый неудачный опыт и угроза дополнительного срока лишения свободы должны являться преградой на пути к повторному захвату заложников, однако в отношении лиц демонстративного типа это не так. К тому же сама возможность быть в центре внимания и подчинять себе других, отодвигает на второй план грядущую опасность кары за совершаемое преступление.

Как показывают наши исследования, в случаях, когда ситуация становится неустойчивой или даже опасной, такие осужденные готовы пожертвовать своими принципами и обязательствами перед членами группы. Например, во время переговоров по телефону и предъявления требований «захватчиками», администрация колонии в одном случае смогла договориться с организатором и склонить его на свою сторону. В тот момент, когда преступники стали выходить из помещения к автомашине, он отпустил заложницу и всех смогли обезвредить, два «захватчика» были убиты. Тем не менее в процессе следствия лидер группы демонстративно объявил о дне траура по своим убитым товарищам, с вызовом заявлял, что он является организатором захвата заложников и высказывал угрозы в адрес сотрудников колонии. В беседе с экспертами-врачами охотно рассказывал о себе, бравируя совершенными преступлениями и не испытывая при этом чувства вины. Все время старался подчеркнуть благоприятные оттенки своего поведения, умение играть на музыкальных инструментах, нравиться женщинам и т. п.

«**Возбудимый**» тип личности «захватчиков» характеризуется периодически возникающими настроениями злобы — тоскливой окраски, низким самоконтролем и отсутствием прогнозирования последствий своих поступков. Симпатиями и тем более авторитетом у осужденных такие личности не пользуются, так как жестоко обращаются с неподчиняющимися, угрожают им физической расправой и часто создают конфликтные ситуации. Это обусловлено такими их психологическими свойствами, как повышенная эмоциональная возбудимость и склонность к накоплению аффекта. Они вспыльчивы, долго помнят нанесенную действительную или мнимую обиду, агрессивны, вспышки ярости возникают легко и по незначительному поводу. Их преступления носят ярко выраженный насильственный характер и нередко отличаются крайней жестокостью. Такое поведение можно сравнить с разрывом парового котла, который прежде долго и постепенно закипает. Повод

для взрыва может быть случайным, сыграть роль последней капли.

Например, один из осужденных узнал от завхоза, что его переводят из лаборатории медсанчасти на непрестижную работу. Он принял таблетки и, по выражению других осужденных, «догнался пропаном». Далее, взяв нож в комнате для хранения и принятия пищи, нанес ранения в область живота начальнику медсанчасти, а в процедурном кабинете захватил в качестве заложников врача и медицинскую сестру, потребовал прибытия в колонию руководства УВД и прокуратуры, а также пистолет с двумя патронами для самоубийства. В ходе освобождения заложников преступник был убит. Изучение семьи и истории жизни этого «захватчика» показало, что его отец был помещен в психиатрическую больницу закрытого типа за убийство собутыльника. Старший брат, ранее 5 раз судимый, в настоящее время отбывает наказание в колонии особого режима. Второй брат демобилизован из армии по причине психического заболевания. Третий брат был убит в драке в девятнадцатилетнем возрасте. И наконец, младший брат тоже был убит при захвате заложников. Информация, полученная в беседе с матерью преступника, свидетельствует о том, что ее сын учился в спецшколе, выпивать начал с 13 лет, три раза в состоянии алкогольного опьянения покушался на самоубийство, но потом успокаивался. В возбужденном состоянии совершал членовредительство, порезал на пилораме левую руку и стал инвалидом III группы. В последний раз осужден за нанесение тяжких телесных повреждений на 6 лет лишения свободы. Во время свидания в колонии пытался изнасиловать мать, а однажды хотел ее зарезать, ударил ножом осужденного. Работу в колонии тем не менее выполнял добросовестно. До захвата заложников был какой-то рассеянный, говорил об одном, а через некоторое время начинал говорить совсем другое. Жаловался на головную боль. Выражал недовольство последним письмом от матери, так как она отказалась приехать на свидание. По заключению психиатров, страдает психопатией возбуждимого круга, отягощенной употреблением спиртных напитков.

«Безвольный» тип личности осужденных, захватывающих заложников, в самом названии уже содержит определение пассивно-зависимой позиции представителей этого типа в преступной группе. Данная категория осужденных может входить практически в любое из перечисленных выше преступных формирований, даже если их интересы не совпадают с лидером «захватчиков». Очень часто они становятся жертвой обстоятельств и неспособны противостоять чужому влиянию, особенно это касается захвата заложников в СИЗО, когда все находящиеся в камере лица становятся участниками преступления. Обладая повышенной подчиняемостью, «безвольные» осужденные в колонии склонны входить в группы отрицательной направленности поведения, в которых их используют для выполнения поручений или в качестве объекта

скрытой гомосексуальной связи. Их подчиненное положение проявляется уже в том, что преступления, за которые они отбывают наказание в колонии в большинстве случаев совершают в группе, но в ней никогда не бывают организаторами и лидерами. Эти люди целиком живут настоящим, желая извлечь из всего максимум развлечений и удовольствия, что, в частности, толкает их на употребление различных суррогатов (лаки, бензин, красители и т. п.). Возникает ощущение, что им просто лень думать. Интересы их скудны и примитивны. Процесс адаптации в колонии протекает тяжело и длительно, его результатом чаще всего бывает переход в категорию «отвергнутых». В этой связи в разной степени выраженности возникают невротические и депрессивно-невротические реакции, часты состояния декомпенсации. К членовредительству они прибегают как к выходу из конфликтной ситуации или способу защиты от притеснения.

Наряду с рассматриваемыми выше психологическими типами лиц, склонных к захвату заложников, целесообразно выделить осужденных, страдающих олигофренией в степени дебильности. Это наиболее распространенная категория «слепых» исполнителей, имеющих выраженные психические отклонения. Они в основном относятся к категории «отвергаемых» в силу нарушений мышления, неспособности ориентироваться в ситуации и нарушения гигиенических требований. В число «отвергаемых» попадают еще в следственном изоляторе, и по данным уголовных дел, все «захватчики» с диагнозом «олигофрения в степени дебильности» впервые были осуждены до 18 лет, а большинство даже в 15 или 16 лет.

Работникам ИТУ следует иметь в виду, что осужденные-олигофрены обладают повышенной социальной опасностью, как лица склонные к совершению насильственных действий в отношении других. В практике встречаются случаи, когда такого рода осужденные объединяются в группы. В их среде выдвигается лидер, и они начинают притеснять других осужденных, конфликтовать с лицами, пользующимися авторитетом у «отрицательных». Итогом такой дестабилизации отношений может быть преступление и даже массовые беспорядки в колонии. Олигофрены-«захватчики» обычно являются злостными нарушителями режима, совершают преступления в колонии. Многие из них неоднократно находились на лечении как в больнице колонии, так и на свободе. Так, один из обследуемых ранее 5 раз судимый за кражи, убийство, истязание, половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости, шесть раз лечился в Кировской психбольнице. Учился во вспомогательной школе, дрался, бродяжничал, ночевал в подвалах домов, целыми днями катался на городском транспорте. В связи с этим в 1970 г. направлен в детское отделение психбольницы. Диагноз «олигофрения в степени выраженной дебильности с аффективной неустойчивостью и явлениями дромомании (влечение к бродяжничеству)». В том же году появились судорожные припадки с потерей сознания до 6—8 раз в сутки. На

лечении находился также в 1972 и 1974 гг. В 1978 г. был призван в армию и через 3 месяца демобилизован в связи с органическим поражением головного мозга. В 1983 г. сожительствовавал с несовершеннолетней и осужден за ее истязание, а в 1989 г., находясь в состоянии алкогольного опьянения, на почве неприязненных отношений задушил женщину и совершил кражу ее личного имущества. В беседе с врачами жалуется на отсутствие сна, непонятные голоса, угрожающие убийством. Просит оставить его в больнице, так как в тюрьме боится «раскрутиться». Признан невменяемым.

Некоторые из рассмотренных нами криминологических и психологических признаков личности захватчиков можно наблюдать и у других осужденных за ненасильственные преступления, которые тем не менее не захватывают заложников. Однако в отношении «захватчиков» выделяются общие, системообразующие показатели, объединяющие практически всех осужденных исследуемой категории. **Это некая совокупная личность, своего рода модель, состоящая из следующих основных элементов:** осужденные до достижения совершеннолетия; возраст в пределах 19—30 лет; осужденные (до захвата заложников) на длительные сроки наказания за опасные насильственные преступления, в том числе в местах лишения свободы, а также за сопротивление работнику милиции или народному дружиннику, злостное нарушение правил административного надзора и угон транспортных средств; несогласие с приговором и активные попытки добиться его пересмотра; боязнь потери статуса в среде и боязнь притеснений; склонность к конфликтам и застревание на травмирующих переживаниях; наличие аномалий психики в пределах вменяемости; слабые прогностические способности; стремление к лидерству у одних и подчиняемость у других; садистские проявления и наряду с ними тенденция к аутоагрессивным действиям; высокий уровень эмоционального напряжения, снизить который пытаются с помощью захвата заложников и выхода за физические и психологические рамки своей жизни. Личностные характеристики «захватчиков» варьируются в зависимости от принадлежности к тому или иному психологическому типу.

Приведенные данные, как представляется, могут быть интересны для предупреждения захвата заложников в местах лишения свободы. Так, установление среди осужденных лиц с признаками предложенного портрета или многих из таких признаков, должно обуславливать повышенное внимание к подобным преступникам и принятие превентивных мер. Знание психологических особенностей «захватчиков», в том числе связанных с их типологической принадлежностью, поможет вести с ними переговоры и осуществлять иные действия по пресечению преступного поведения, а также расследовать соответствующие уголовные дела.

Считаем необходимым высказать и другие практические рекомендации.

В первую очередь необходимо перестроить отношения с осужденными. Эти отношения должны заключаться в сотрудничестве

и партнерстве, а не в постоянном давлении и грубой силе. Администрации должны верить и видеть в ней объективного и беспристрастного арбитра. Налаживанию таких связей очень помогли бы психолог и психиатр.

Во всех местах лишения свободы нужно наладить выявление, постановку на учет и организацию профилактического лечения осужденных, имеющих психические аномалии, что позволит существенным образом сократить участие этой категории лиц в захвате заложников, совершении правонарушений и других преступлений. На основе рекомендаций психиатра аномальным преступникам нужно оказывать помощь в адаптации, выборе сферы трудовой деятельности и бытового общения. Психолог и психиатр обязаны работать с лицами, склонными к самоубийству и членовредительству, привлекая для этого священнослужителей, родителей, авторитетно и положительно зарекомендовавших себя осужденных. Все это позволит снизить эмоциональную напряженность.

Необходимо осуществлять контроль за передвижением осужденных в медчасти колонии, используя для размещения лиц, прибывших на прием к врачу, специальные боксы. Проводить досмотр осужденных, относящихся к группе «повышенного риска», так как более $\frac{1}{3}$ всех заложников приходится на медицинский персонал. В помещениях, где работает вольнонаемный женский персонал, необходимо предусмотреть смотровые окна в дверях, а также решетки на окнах. Расстановка в медчасти мебели по возможности должна препятствовать укрытию преступников во время проникновения представителей администрации в помещение при освобождении заложников.

Важно обратить особое внимание дежурной смены ИТК на возможность укрытия «захватчиков» в подсобных помещениях магазина и нападения на продавщиц с целью захвата заложников, а также подбора в дежурную смену лиц, способных предотвратить преступные действия «захватчиков». Согласно материалам уголовных дел, преступники были уверены в том, что они не встретят серьезного сопротивления.

В целях предотвращения групповых случаев захвата заложников, необходимо уделять повышенное внимание содержанию переписки лиц, склонных к этому преступлению, характеру их отношений с другими осужденными на производстве и в быту. Материалы уголовных дел говорят о том, что тема побега так или иначе, появлялась в разговорах, переписке, преступники изготавливали на производстве ножи и приспособления для совершения данного преступления.

Мы считаем, что в СИЗО желательно организовать специальные группы сотрудников для проведения досмотра подследственных перед выходом из камеры. Было бы также полезно предусмотреть изоляцию и невозможность доступа преступников к силовым щитам и другим местам отключения электроэнергии в СИЗО или колонии. Отключение электроэнергии позволяет «за-

хватчикам» вести переговоры в темноте, что затрудняет организацию мероприятий по их обезвреживанию и освобождению заложников.

Нужно избегать содержания в одной колонии братьев или иных близких родственников, так как их совместные действия при захвате заложников отличаются высокой сплоченностью и представляют большую опасность для жизни заложников.

Глава IV.

НАСИЛИЕ ПРОТИВ САМОГО СЕБЯ

Одной из исключительных по важности проблем в деятельности исправительных учреждений остается проблема аутоагрессии среди осужденных — осознанного насилия человека над самим собой. В местах лишения свободы, как известно, это явление достаточно распространено и иногда принимает характер эпидемии. Случаи аутоагрессии являются одним из показателей неблагополучия в межличностных отношениях осужденных, организации производства, быта, лечения и др. важнейших видах деятельности исправительных учреждений. Однако несмотря на непреходящую значимость данной проблемы для пенитенциарных учреждений многие ее аспекты, например социальные, медицинские, нравственные, правовые и др., остаются все еще недостаточно изученными. Между тем аутоагрессия в названных учреждениях не только разрушает здоровье и выводит из трудоспособного состояния отбывающих наказание лиц, но и является криминогенным фактором.

1. Понятие аутоагрессии и ее классификация

Аутоагрессия как понятие, охватывающее саморазрушительное (аутодеструктивное) поведение, в отечественной специальной литературе трактуется неоднозначно. Так, к аутоагрессии относят не только суицидальные проявления и самоповреждения (рассматривая их в данном контексте вместе или исключительно раздельно), но и все другие различающиеся по смыслу действия, направленные во вред своему здоровью и даже жизни. Данное расхождение в понимании этого социально значимого феномена во многом препятствует целостному изучению всех известных на сегодня проявлений аутодеструкции. Поэтому представляется целесообразным рассмотрение этого аспекта проблемы в плане теоретического обоснования применения данного термина, имея в виду последующее использование его в научно-практических целях при обозначении различных саморазрушающих действий.

Диапазон аутоагрессивных проявлений, встречающихся в жизни, очень широк. Искусственное создание различных распростра-

ненных заболеваний, причинение себе самых разнообразных, вплоть до опасных для жизни, телесных повреждений, намеренное злоупотребление алкоголем, наркотическими и токсикоманическими веществами, осуществление попыток и самого акта самоубийства, — вот тот далеко не полный перечень проявлений саморазрушающего поведения, встречаемого, в частности, среди осужденных. И если одна его крайность представляется очевидной — самоубийство, то другая — нездоровый образ жизни с откровенными признаками риска и потенциальной опасности для собственного здоровья — совершенно не определяется, так как практически неразделима с проявлениями нормального и аддиктивного поведения.

Все известные аутоагрессивные проявления по признаку направленности можно представить в виде двух основных категорий, являющихся во многом взаимосвязанными и влияющими друг на друга:

суицидальные проявления (самоубийство, попытки к нему и т. п.), т. е. направленные на достижение смерти и представляющие реальную угрозу собственной жизни;

несуицидальные проявления (в первую очередь самоповреждения, а также намеренно обезображивающие татуировки и др.), т. е. ненаправленные на причинение самому себе смертельных телесных повреждений.

Первая категория охватывает наиболее опасную для собственной жизни группу поведенческих актов и достаточно полно представлена в нашей жизни. Например, в России ежегодно (данные за последние 5 лет) совершают самоубийства в среднем 36 тыс. человек. Для сравнения: в США — 29 000 человек¹.

Вторая категория, хотя и не характеризуется такими крайне отрицательными социальными последствиями, но, тем не менее, также достаточно распространена, особенно среди осужденных. Так, по оценкам отечественных специалистов и на основании собственных данных, на одно исправительное учреждение приходится до 100 и более случаев самоповреждений в год. Учитывая высокую латентность этого явления в данной среде (одному зафиксированному случаю соответствуют 5—10 нераскрытых), совершенно нетрудно представить себе те масштабы, в которых это аутоагрессивное действие распространено в реальности. По оценкам зарубежных специалистов, в частности, Н. Тош (1975)² самоповреждения среди заключенных встречаются в частоте 2,2—7,7% к соответствующей популяции отбывающих наказание лиц.

Под аутоагрессией следует понимать как действия, так и бездействия лица (или группы лиц), направленные на причинение вреда своему собственному здоровью (жизни). В качестве примера аутоагрессивного бездействия можно назвать голодовку в са-

¹ См.: Frierson R. L., Lippman S. B. Psychiatric consultation for patients with self-inflicted gunshot wounds//Psychosomatics. 1990. 31, N 1. P. 67.

² См.: Toch H. Men in Crisis Human Breakdowns in Prison//Chicago, Aldine. 1975. P. 10.

мых разнообразных ее проявлениях (отказ от пищи и воды, только от пищи и т. п.). Если для аутоагрессивных действий — активного саморазрушения — характерно адекватное повышение поисковой активности индивида в неблагоприятных для него жизненных ситуациях, то для аутодеструктивного бездействия — пассивной аутоагрессии — наоборот. В данной работе мы будем рассматривать только осознанные деяния, т. е. при которых лицо, их совершившее, находилось в психическом состоянии, позволявшем ему руководить ими и отдавать себе в них отчет. Случаи же аутоагрессии на почве выраженных психотических расстройств, препятствующих адекватной оценке своего психического состояния и происходящих с данной личностью явлений, хотя они и заслуживают самого серьезного внимания, мы оставляем в стороне.

Аутоагрессия по своим внешним проявлениям может быть также представлена в виде следующих поведенческих актов:

1) суицидальное поведение, включающее в себя заверченный суицид, попытки к нему, суицидальные высказывания и т. п.;

2) самоповреждения (тождественные понятия: членовредительство, искусственные болезни);

3) нездоровый образ жизни (занятия отдельными видами спорта и др. деятельность с повышенным, а нередко и совершенно неоправданным, риском для жизни; злоупотребления курением, алкоголем, наркотиками, токсикоманическими средствами; передание, не сопровождающееся и не обусловленное гедонистическими чувствами и т. п.);

4) комбинированное аутоагрессивное поведение.

В чистом виде каждый из перечисленных первых трех вариантов саморазрушающего поведения встречается несколько реже, чем комбинированное, охватывающее и другие варианты аутоагрессии. Поэтому выделение последнего (4) вида, которому соответствует сочетание ранее описанных вариантов аутодеструкции в любой из возможных комбинаций, представляется вполне обоснованным.

Суицидальное поведение из всех изучаемых саморазрушающих феноменов относится к наиболее социально опасным и включает в себя все виды аутоагрессии, характеризующиеся внутренней и (или) внешней направленностями в сторону достижения смерти.

Под самоповреждениями здесь следует понимать умышленное причинение самому себе телесных повреждений самостоятельно или с участием других лиц. Для них характерно, в отличие от суицидального поведения, достижение только той или иной степени расстройства здоровья. Самоповреждение, что кстати, нередко, может окончиться и смертью, т. е. перейти в заверщенный суицид. Однако в этом случае данный вариант следует рассматривать только как осложнение самоповреждения, не предусмотренное самим субъектом заранее.

Причинение самоповреждений может иметь место и при аутоэротических, а также мазохистских действиях. Однако в этих слу-

чаях членовредительство будет являться не аутоагрессивным феноменом (соответственно рассмотренному понятию), а своего рода дополнительным источником получения сексуального удовлетворения. Поэтому в данном случае о самоповреждении можно говорить лишь как о признаке другого (не аутоагрессивного) феномена.

Отнесение нездорового образа жизни, по терминологии Н. В. О. Агазде (1989 г.)³ — изоморфных проявлений аутоагрессивности как варианта саморазрушительного поведения, не бесспорно. Так, в частности, А. Г. Амбрумова (1990 г.) стоит на позиции категорического отрицания этого отнесения⁴, а Н. В. О. Агазде (1989 г.)⁵, А. Е. Личко и Ю. В. Попов (1990 г.) — наоборот, считают его вполне обоснованным⁶. Между тем составляющие данного поведенческого акта основаны на тех же аутоагрессивных намерениях субъекта, что и, например, суицидальные. Так, человек осознанно употребляет хорошо известные ему и вредные для его здоровья вещества (например, наркотик), чтобы достичь состояния с определенными психическими расстройствами (иллюзии, галлюцинации и т. п.).

Таким образом, несмотря на кажущуюся разнородность всех перечисленных аутоагрессивных проявлений общим для них в конечном счете является намеренное или неосознаваемое стремление к нанесению вреда самому себе.

Один и тот же аутоагрессивный акт с внешнеповеденческих позиций может быть представлен в нескольких вариантах — в виде самоубийства, самоповреждения, а также одного из саморазрушающих проявлений нездорового образа жизни. Например, отказ от употребления пищи может быть попыткой суицида, членовредительством, а также проявлением нездорового образа жизни. Только выяснение истинной мотивации того или иного аутоагрессивного поступка позволяет приблизиться к установлению конкретного вида саморазрушающего поведения. Тем более, что в отдельных случаях встречаются варианты сочетанного представительства перечисленных видов саморазрушения (например, причинение самоповреждений и попытка суицида у конкретного лица).

Таким образом, между отдельными разновидностями аутоагрессивного поведения существует причинно обусловленная взаимосвязь и определенные закономерности перехода их друг в друга. Однако этот аспект проблемы практически не изучен, что во многом обусловлено отсутствием общепринятой классификации аутоагрессивных проявлений.

³ См.: Агазде Н. В. О. Аутоагрессивные явления в клинике психиатрических болезней: Автореф. дис... докт. мед. наук. М., 1989. С. 12.

⁴ См.: Амбрумова А. Г. // Соц. психиатрия: фундам. и приклад. исследования. Л., 1990. С. 90.

⁵ См.: Агазде Н. В. О. Указ. работа. С. 12.

⁶ См.: Личко А. Е., Попов Ю. В. Саморазрушающее поведение у подростков // Соц. психиатрия: фундам. и приклад. исследования. Л., 1990. С. 75—82.

В зависимости от преобладающего воздействия аутоагрессии на ту или иную сферу жизнедеятельности человека, Н. В. О. Агазаде (1989 г.)⁷ условно выделяет следующие ее виды:

1) физическая, при которой основной ущерб наносится физическому, т. е. соматическому здоровью человека;

2) психическая, оказывающая вредное воздействие на психическое состояние и здоровье субъекта;

3) социальная, точкой приложения которой являются общественное положение и социальные ценности личности;

4) духовная или нравственная — основное пагубное влияние ее приходится на духовные сферы и ценностные ориентации индивида.

Наибольшее практическое значение, по вполне понятным причинам, имеют первые два вида аутоагрессии, направленные на жизненно важные потребности психофизического «Я». Однако для более полной оценки картины аутодеструктивного поведения конкретной личности целесообразно учитывать и такие ее виды, как социальная и духовная аутоагрессии.

Таким образом, саморазрушающее поведение следует рассматривать не только в аспекте физического и психического поражения личности, но и как поведение с неблагоприятными для нее в нравственном и в социальном планах последствиями.

Аутоагрессии могут предшествовать и (или) сопровождать самоукоры, самообвинения, самооскорбления, недовольство собой, а также их внешние проявления в виде самобичевания, самоистязания, самоунижения, стремления быть объектом психической или физической агрессии окружающих и т. п.

Близкими к аутоагрессивным относятся случаи псевдоагрессии — симулятивных действий, при которых внешние поведенческие акты имеют значительное сходство с аутоагрессией, но на самом деле таковыми не являются. Речь идет о шантаже, симуляции самоубийства, самоповреждений, о различных опасных и рискованных играх, например «в самоубийство», и т. п. Как правило, доминирующие мотивировки этих действий носят корыстный характер, поэтому в этом плане они рознятся с изучаемым явлением. Одними из характерных особенностей псевдоагрессивных действий является их многократная повторяемость и маскировка, обеспечиваемая той или иной соматической патологией, возникающей вследствие аутоагрессии.

2. Самоубийства и самоповреждения в местах лишения свободы

Среди всех аутоагрессивных проявлений, встречаемых у осужденных, наибольшее распространение получили самоповреждения. Связанные с ними проблемы не только неблагоприятно отражаются на физическом и психическом здоровье «самопострадавших» лиц, затрудняя нормальное функционирование медицин-

⁷ См.: Агазаде Н. В. О. Указ. работа. С. 10.

ских структур данных учреждений, но и активно, а в ряде случаев и очень значительно, влияют на оперативную обстановку в ИУ в целом.

На сегодняшний день проблема самоповреждений в пенитенциарных учреждениях все еще не нашла своего должного разрешения, прежде всего, в плане заметного сокращения случаев аутоагрессии, что обусловлено неэффективностью проводимых профилактических мероприятий. К сожалению, несмотря на актуальность и высокую социальную значимость изучаемого вопроса, точных статистических данных, отражающих реальное состояние этой проблемы в исправительных учреждениях все еще нет. Речь идет как о данных количественного (общие показатели, по отдельным регионам и учреждениям и т. д.), так и качественного (структурные особенности) характера.

Самоповреждения среди осужденных в местах лишения свободы характеризуются самым широким набором аутоагрессивных проявлений. По способам их создания они могут быть представлены в виде следующей классификации, охватывающей наиболее полно все известные на сегодня виды этого саморазрушительного акта среди отбывающих наказание лиц:

1. Самоповреждения с использованием физических факторов:
 - а) введение и вживление в организм и ткани различных иностранных предметов и веществ: через желудочно-кишечный тракт (варианты через рот и через прямую кишку); через мочевыделительные, половые и мочеполовые пути; через мягкие и твердые ткани тела (вне- и внутриволокнистое); через кровеносные сосуды (венозные);
 - б) механическая травма (острая, тупая, огнестрельная);
 - в) искусственно вызванное заболевание;
 - г) термическая травма (ожог, отморожение).
2. С использованием химических факторов:
 - а) искусственно вызванное заболевание;
 - б) ожог,
3. С использованием биологических факторов:
 - а) механическая травма;
 - б) искусственно вызванное заболевание,
4. Создание условий, способствующих причинению травм и возникновению заболеваний.
5. Создание условий, влияющих на усугубление имеющихся болезненных проявлений.
6. Самоповреждения у больных, страдающих каким-либо заболеванием.
7. Самоповреждения, сочетающиеся с другими симулятивными проявлениями:
 - а) с симуляцией;
 - б) с аггравацией;
 - в) с диссимуляцией.
8. Комбинированные самоповреждения в пределах перечисленных видов.

Самоповреждения первой группы наиболее часты и специфичны для пенитенциарных учреждений. Ведущее место в этой группе занимают введения в органы и ткани различных инородных предметов и веществ, что не всегда, однако, сопровождается появлением признаков телесного повреждения.

По нашим данным, заглатывание осужденными инородных предметов, с развитием в последующем функциональных и органических расстройств, составляет почти 60% всех случаев самоповреждений, потребовавших неотложного хирургического вмешательства. Осужденные, склонные к причинению самоповреждений и решившиеся на эти действия, преднамеренно глотают самые различные предметы (ножи, заточки, крючки от кровати, супинаторы от тапочек, термометры, черенки от ложек, лезвия, от безопасной бритвы и т. п.). Определенное распространение, особенно в последнее время, получили случаи преднамеренного глотания различных специально изготовленных для этих целей устройств и приспособлений (так называемых «якорей», «антенн», «крестов», «ежей», «раков» и т. п.). Например, «якорь» представляет собой металлическую проволоку длиной 20—60 см, внутренний конец которой снабжен 2—4 крючками; «еж» — фиксированное посредством кусочка резины соединение 3—4 швейных игл, расположенных в различных плоскостях по отношению друг к другу; «крест» — соединение по типу «еж» двух металлических (иногда выполненных из другого материала) фрагментов длиной 4—6 см. Эти предметы способны из-за особенностей своей конструкции задерживаться в пищевом тракте (желудке или двенадцатиперстной кишке), что неизбежно по жизненным показаниям потребует проведения хирургической операции в стационарных условиях.

В местах лишения свободы встречаются случаи введения различных инородных предметов и в мочевыделительные, половые у женщин и мочеполовые пути у мужчин. Например, иголок, булавок, градусников, тубиков от зубных паст и кремов, деревянных палочек и т. п.

Один из самых опасных по своим последствиям вид самоповреждений — умышленное введение в полости черепа, груди и живота инородных предметов путем их вбивания (вколачивания) либо вдавливания.

В качестве примера, иллюстрирующего данный вид самоповреждений, рассмотрим следующее наблюдение.

Осужденный Ф., 37 лет, осужден за разбойное нападение на 13 лет, на момент исследования отбыл 4 года, ранее судим за хулиганство (1984 г.) — 4 года лишения свободы, разбойное нападение (1970 г.) — условно осужден. В армии не служил. На учете в психоневрологическом диспансере не состоял. В связи с совершением последних преступлений проходил судебно-психиатрическую экспертизу, признан вменяемым. Из родственников никто психическим заболеванием не страдал. Работал токарем.

В областную больницу для осужденных попал в очередной (шестой в течение одного года) раз, со слов больного, «из-за пробивания живота стеклом». Ф. на почве конфликта с администрацией учреждения ввел в околопупочную область справа на глубину до 4 см остроконцевой фрагмент оконного стекла длиной около 15 см. В ходе проведенной внутриполостной операции выявлены два повреждения тонкого кишечника. В послеоперационном периоде несколько раз прибегал к повторным аналогичным самоповреждениям и в конце концов «добился» формирования тонкокишечного свища. В отделении демонстративно и с целью шантажа медицинских и других работников вставляет в сформировавшийся свищ осколки стекла. Всего Ф. перенес уже 7 операций по поводу проникающих ранений живота.

В беседе утверждает, что причиняет самоповреждения в знак протеста против «несправедливости, которая везде и всюду есть в этой жизни». Высказывает суждение о том, что он уже никогда не освободится. На вопрос, почему он выбрал для повреждения живот, Ф. отвечает, что «повреждение шеи — самоубийство, ноги — нет никакого смысла». Мысли об уходе из жизни и попытки совершения суицида отрицает. Согласно заключению психиатра, у Ф. отмечается психопатизация личности возбудимого круга.

Из другой (немедицинской) информации известно, что в исправительной колонии осужденный Ф. очень крупно проигрался в карты и с целью избежания ответа совершил описанное самоповреждение. В больнице прибегает к повторным самоповреждениям для продления своего пребывания в ней из-за вполне понятного нежелания возвращения в колонию.

В аутоагрессивных целях осужденные используют в ряде случаев даже нагнетание воздуха в подкожножировую клетчатку, например, щеки, шеи, груди, мошонки.

Определенное распространение получило и другое крайне опасное по своим последствиям самоповреждение — введение в периферические вены (в основном в предплечья) различных инородных веществ (например, водопроводной воды, молока, чернил, технических масел, взвесей различных веществ и даже — воздуха).

Среди осужденных довольно распространено умышленное введение инородных предметов в половой член. Этот вид самоповреждений выполняется с целью увеличения полового члена или имитации его эрекции.

Резаные раны обычно причиняются следующими предметами: обломками лезвий безопасной бритвы, осколками стекла, ножами, заточками и т. п. Чаще всего подобные самоповреждения совершаются в штрафном изоляторе (ШИЗО) и помещении камерного типа (ПКТ).

Обращаясь к данным самоповреждениям, следует иметь в виду их множественность, параллельное по отношению друг к другу расположение (особенно это представлено на передних поверхно-

стях предплечий), а также отсутствие характерных повреждений на одежде (рукава, воротник и т. п.).

Приведем следующие примеры.

1. Р., 30 лет, осужден за разбойное нападение, с целью направления в больницу нанес себе осколком стекла 8 резаных ран в области локтевой ямки левого предплечья с повреждением поверхностных вен. Возникшее кровотечение с большим трудом было остановлено наложением давящей повязки.

2. П., 17 лет, осуждена за грабеж, на почве вынужденного разрыва гомосексуальных отношений с одной из осужденных в данной колонии нанесла себе осколком стекла множественные (более 100) резаные раны по всей длине обеих нижних конечностей.

Несколько реже встречаются самоповреждения, причиняемые колющими предметами (шило, гвозди, заточенные штыри, электроды, палки, швейные иглы и др.). Основная их локализация — области груди и живота. Самоповреждения колющими предметами нередко причиняют и с целью имитации проникающего ранения (например, живота) — тяжкого телесного повреждения. Так, осужденные наносят себе колющим предметом повреждение в предварительно оттянутую кожу живота, т. е. в складку кожи. В практике ИУ встречается и такой вид самоповреждений, как прибивание кистей, стоп и даже мошонки гвоздями к полу, табуретке, нарам и т. п. Заслуживают внимания и встречающиеся случаи зашивания рта с помощью швейной иглы и ниток.

Из других самоповреждений, создаваемых с использованием колющих предметов (заостренной палочки, проволоки, спичек и т. п.), определенное распространение получили повреждения в носу, ротовой полости, мочеиспускательном канале, половых органах, прямой кишке и др. участках тела. Так, повреждая внутренние оболочки указанных органов, осужденные, тем самым, имитируют кровотечение из них.

Самоповреждения по типу колото-резаных ран в местах лишения свободы практически встречаются очень редко. Вместе с тем, на основании известных случаев установлено, что эти раны в основном, наносятся посторонней рукой, преимущественно в область груди или живота и представляют наибольшую опасность (по сравнению с описанными выше) для жизни.

Среди самоповреждений, причиняемых тупыми предметами, особого внимания заслуживают закрытые переломы костей (чаще всего — предплечья и кисти левой руки), обычно выдаваемые осужденными за бытовую или производственную травмы. В одном из изученных нами учреждений в 1992 г. было отмечено более 40 случаев «квалифицированных» переломов лучевой кости в типичном месте (на границе нижней и средней трети). Подобные повреждения производились с учетом анатомо-физиологических особенностей самоповреждаемой части тела с применением простейших, но эффективных методов обезболивания. Например, согласно полученному распространению среди осужденных методу

создания переломов костей предплечья, с целью обезболивания руку туго обматывают смоченным холодной водой полотенцем, а затем по выбранному на ней месту наносят удар каким-либо тяжелым тупым предметом (ломом, отрезком металлической трубы и т. п.). Как правило, создаваемое таким образом повреждение во многом соответствует по своим проявлениям типичному для падения на руку закрытому поперечному перелому костей предплечья.

Последнее время определенное распространение в ИУ получили и случаи умышленного создания переломов костей кисти путем подкладывания руки под штамп прессы, под колеса движущегося транспортного средства (например, автомобиль).

Искусственные заболевания кожи и подкожножировой клетчатки остаются также еще распространенным среди осужденных видом самоповреждений и обусловлены применением физических, химических и биологических (инфекционных) факторов. Данные самоповреждения соответствуют 2 и 3 группам описанной классификации. Искусственные флегмоны и абсцессы создают путем введения в подкожножировую клетчатку различных химических веществ (бензин, керосин, скипидар, солидол и др.), инфекционных материалов (слюна, особенно утренняя; налет с зубов; подногтевое содержимое; кал; отделяемое гнойных ран; грязь и т. п.), инородных предметов (мелко настриженные волосы, нитки, вата и т. п.). Для внесения этих болезнетворных факторов в организм используются медицинские или самодельные шприцы (например, изготовленные из авторучки), инъекционные и швейные иглы, шило и т. п. Чаще всего флегмоны и абсцессы локализуются на переднебоковых поверхностях верхних и нижних конечностей. Особую опасность для жизни представляют каловые и гнойные флегмоны, склонные к распространению и быстрой генерализации воспалительного процесса.

Искусственные отеки и опухоли осужденных вызывают путем наложения давящей повязки или жгута на конечность, а также длительным поколачивающим воздействием каким-либо тупым предметом по одному и тому же участку тела (например, по задней поверхности голени, тылу кисти).

Кроме того, опухоли создают и путем инъекционного введения под кожу вазелина, сернокислого бария, парафина, различных технических либо растительных масел. Исход их образования неоднозначен: чаще всего в месте введения встречаются реакции воспалительного характера с отторжением инородного вещества.

Свищи осужденные причиняют путем прокола швейной иглой, например, кожи бедра с последующим проведением нити или волоса, содержащих какой-либо инфекционный материал. Как правило, эти образования множественные и расположены на нижних конечностях.

Из намеренно вызываемых заболеваний легких наибольшее распространение среди осужденных получили бронхиты и пневмонии. Бронхит, например, создают курением табака с определен-

ными органическими добавками, вдыханием пыли, едких газов и т. п. Интересны в этом плане представляются случаи причинения бронхита с явлениями бронхоспазма путем высасывания пасты из шариковой ручки. Пневмонии, например, достигают путем вдыхания сахарной пудры, некоторых органических веществ. Как правило, в легких при этом отмечают изменения, свойственные воспалению средней доли правого легкого. Основным методом вызова туберкулеза легких является вдыхание высушенной мокроты больных данным заболеванием.

Среди условий, способствующих возникновению травм и заболеваний в местах лишения свободы (4 группа самоповреждений), следует отметить такие, как умышленное голодание, несоблюдение и игнорирование техники безопасности на производстве, своеобразные «игры» с холодом (раздевание на морозе, одевание мокрой одежды, купание в холодной воде и т. п.), пользование предметами личной гигиены и посуды больного кожным или инфекционным заболеванием.

Среди условий, вызывающих самоповреждения (5 группа) можно назвать наложение на раны загрязненных, инфицированных повязок и т. п.

При отнесении самоповреждений к 6 группе следует учитывать, что в данном случае в клинической картине какого-либо заболевания, имеющегося у членовредителя, полностью отсутствуют характерные для аггравации и диссимуляции проявления. Речь идет в первую очередь о соответствии жалоб и данных анамнеза объективной картине болезни. Эта особенность отличает 6 группу от 7 тем, что она включает самоповреждения, последствия которых сочетаются с каким-либо симулятивным проявлением (симуляцией, аггравацией, диссимуляцией). В местах лишения свободы подобный вариант самоповреждений встречается у лиц с каким-либо хроническим заболеванием (туберкулез, бронхит, пневмония, язва желудка, гепатит, цирроз печени и др.) или перенесших травму (ушибы, переломы костей), заболевания опорно-двигательного аппарата (артриты, артрозы).

Самоповреждения 8 группы в особых пояснениях не нуждаются.

Рассмотренные самоповреждения не исчерпывают всех видов данного аутоагрессивного поведения, встречаемого в местах лишения свободы. По вполне понятным причинам описать в данной работе все известные виды членовредительства не представляется возможным. Самоповреждения, как и естественным путем приобретенные болезни, помимо общих характеристик имеют и свои отличительные, свойственные только данному конкретному случаю особенности. Этому виду саморазрушения в местах лишения свободы присущи постоянный динамизм, импровизация в способах и методах причинения, высокая «заразительность». По сути, данные учреждения являются своего рода экспериментальными лабораториями, где «разрабатываются», «внедряются» и «доводятся» до совершенствования все новые и новые способы самокалечения.

При выборе того или иного вида самоповреждения лица, склонные к ним и решающиеся на эти действия, учитывают следующие обстоятельства:

относительную простоту исполнения;

обязательное и быстрое достижение желаемого результата (например, помещение в больницу, освобождение от работы и т. п.);

относительную безопасность для жизни избранного способа аутоагрессии;

сохранение возможности продолжения осуществления при этом той деятельности, которая определенным образом устраивает данную личность.

Самоповреждения в исправительных учреждениях, в основном причиняются собственноручно, т. е. самому себе. К помощи других лиц осужденные прибегают лишь в исключительных случаях. Этим обусловлены и признаки самих членовредительств, которые могут быть общими, присущими почти всем известным случаям, и частными, характерными только для конкретного вида и способа причинения самоповреждений.

К общим признакам относят:

неоднократное повторение среди осужденных в одном или различных исправительных учреждениях одних и тех же видов, способов и методов причинения самоповреждений;

относительная безопасность для жизни создаваемых осужденными телесных повреждений (например, нередко они располагаются поверхностно);

локализация на доступных собственной руке участках тела (у левшей, например, повреждения располагаются на передней стороне тела справа);

внешний вид телесных повреждений, в ряде случаев, имеет характерный рисунок (в виде «сетки», «решетки» и т. п.);

множественность телесных повреждений;

несоответствие телесных повреждений (по форме, размерам, локализации и др. признакам) повреждениям одежды (обуви);

отсутствие на теле и одежде следов, указывающих на возможную борьбу и самооборону (соответственно времени причинения телесных повреждений);

противоречивость, неудовлетворительность и неубедительность объяснений самого лица о происхождении и механизме образования возникших у него телесных повреждений);

обнаружение при осмотре места происшествия каких-либо предметов, приспособлений и устройств, указывающих на факт причинения телесных повреждений самому себе, а также вещественных доказательств со следами крови, выделений, волос и др. биологических объектов.

Способ членовредительства в местах лишения свободы во многом зависит от имеющихся у данного лица «самоповреждающих» возможностей и определяется той или иной предрасполагающей к этому ситуацией. Так, на производстве определенное распрост-

ранение получило использование в этих целях станков (штампов, циркулярных пил и т. п.), машин и др. техники. В ПКТ осужденные даже доходят до того, что причиняют самоповреждения, используя заточенные зубные щетки и даже дужки очков.

Анализ деятельности хирургического отделения (рассчитанного на 27 коек) одной из областных больниц для осужденных показал, что в последнее время (1990—1993 гг.) по неотложным показаниям ежегодно госпитализируются 70—100 осужденных, совершивших самоповреждения. Например, в 1991 г. случаи членовредительств составили 24% ко всем поступлениям в изучаемое отделение и 57,5% всех проведенных в нем операций. Случаи обращения за медицинской помощью и характер самоповреждений представлены в табл. 1.

Таблица 1

Случаи самоповреждений среди осужденных, потребовавшие проведения хирургической операции в изучаемом стационаре (за 1991 год)

Вид самоповреждения	Количество случаев
Введение инородных предметов в желудочно-кишечный тракт	24
Резаные раны (предплечий, шеи, брюшной стенки)	18
Введение инородных предметов в грудную стенку и органы груди	8
Пиленые раны (повреждения циркулярной пилой)	4
Переломы костей кисти (от штампов)	8
Гнойники различной локализации	8
Оеогранулемы ягодичной области	3
Итого	73

Самым «самопоражаемым» оказался наиболее социально полезный возраст — 20—29 лет (60—63% всех случаев). Лица 18—19 лет, как и группа более старших по возрасту осужденных (40—49 лет), представлена практически на одном уровне (6%). Средний койко-день как медико-экономический показатель оценки данных расстройств здоровья превышал показатель средней длительности пребывания больного в хирургическом отделении (18,6—19,0 дней) и соответствовал в этих случаях 20 дням.

Представленные результаты подтверждают данные, ранее полученные L. Garmada (1970 г.) при изучении 669 заключенных с самоповреждениями⁸. Так, наиболее часто членовредительства

⁸ См.: Garmada L. Samouszkodzenia ciała. Warszawa, 1970. S. 58—60.

встречались в группе лиц молодежного возраста 21—30 лет (68%), а среднее пребывание в больнице по поводу хирургического лечения в случаях самоповреждений составило почти 19 дней. При поступлении в хирургический стационар все заключенные по установленному диагнозу распределялись на следующие группы:

- инородное тело в желудочно-кишечном тракте (пищевод, желудок, кишечник) — 80,4% случаев;
- инородное тело в дыхательных путях (bronхах) — 7,6%;
- инородное тело в других органах и тканях (например, полость черепа, перикард и т. д.) — 3%;
- повреждения наружных и внутренних покровов тела — 3,1%;
- кровопотеря значительной степени — 1,8%;
- травма головы (сотрясение головного мозга) — 0,3%;
- симуляция самоповреждений — 3,8%.

Получение информации о распространенности самоповреждений в масштабах всего закрытого лечебного учреждения представляется затруднительным как в силу все еще продолжающей оставаться недостаточной профессиональной нацеленности врачей на выявление этих случаев, что можно, кстати, объяснить и отсутствием форм статистической отчетности по этому показателю, так и диагностической, в целом ряде случаев, неопределенностью самих фактов членовредительств. Изученная практика свидетельствует, что отдельным осужденным, крайне заинтересованным в поступлении в больницу, нередко удается добиться ожидаемого эффекта при этом виде обмана.

Проблема самоповреждений многогранна и совершенно не должна, особенно это положение касается исправительных учреждений, сводиться только к медицинской стороне этого вопроса. Данный аспект этой проблемы очень заметен и значителен, но не он, как видится, должен играть основную роль в вопросах распознавания и профилактики случаев членовредительств в ИУ. В этом плане целесообразно обратиться к смыслу термина «самоповреждение», который имеет медико-юридическое толкование. Поэтому правильнее говорить не о диагностике самоповреждений, а о их распознавании (причем совершенно не обязательно с применением сил и средств медицины). На установление фактов членовредительств в местах лишения свободы в первую очередь должны быть нацелены сотрудники режимно-оперативных служб, тогда как медицинский персонал обязан активно им в этом помогать. Сведение всей этой деятельности только к медицинскому установлению обмана в отношении состояния собственного здоровья, что получило достаточное распространение в пенитенциарных учреждениях, не достигает, как показывают проведенные исследования, должного эффекта, а отсюда случаи самотравмирования среди отбывающих наказание лиц не прекращаются и продолжают из года в год оставаться на определенном уровне. Например, в изученной воспитательной колонии этот уровень соответствовал 0,54—0,84% всех случаев обращения несовершенно-

летних осужденных женского пола за медицинской помощью (данные за 1990—1993 гг.).

Проведение анонимного анкетирования в данной ВТК позволило на выборке несовершеннолетних осужденных женского пола (230 человек — 80% всего контингента отбывающих наказание лиц в данном учреждении на момент исследования) установить, что, например, 54,3% осужденных имели татуировки и нарезки. Причем в основном они причинялись в СИЗО — 57,1% (для сравнения: в ВТК — 20,2%, и на свободе — 22,7%). Представленная информация подтверждается и медицинской документацией.

На вопрос «Как Вы переносили чувство боли при причинении себе самоповреждений?» 74% опрошенных дали ответы, свидетельствующие об игнорировании ими болезненных ощущений, 14% — наоборот, указали на сильное чувство боли, а 12% — сообщили о своем терпеливом к ней отношении. Заслуживает внимания, на наш взгляд, ответ одной осужденной в ВТК, в котором она указала на то, что любит, когда ей больно. Этот вариант интересен прежде всего тем, что обнаруживает у данной осужденной наличие своеобразного положительного субъективного комплекса болевых ощущений, который при определенных условиях может способствовать, например, развитию мазохизма.

В данном исследовании несовершеннолетние осужденные женского пола представлены: а) по возрасту — до 17 лет (14—16 лет) — 38,6%; 17 лет — 42,5%; старше 17 лет (18—19 лет) — 18,9%; б) по образованию — до 8 классов — 22,4%; 8 классов — 28,8%; неполное среднее — 22,7%; среднее — 26,1%; в) по происхождению — из рабочих — 76,1%; служащих — 14,8%; колхозников — 9,1%; г) по профессиональной подготовленности — имели профессию — 45,2%; нет — 52,6%; не указали — 2,2%; д) по проживанию на момент ареста — в городе — 80%; в сельской местности — 20%; е) по отбытию срока на момент опроса: первые 3 месяца пребывания в ВК — 29,4%; первые 0,5 года — 24,8%; свыше 0,5 года — 22,9%; свыше 1 года — 22,9%; ж) по количеству судимостей — первая — 58,3%; вторая — 40,4%; третья — 1,3%; з) на учете в милиции состояли — 71,3%; и) на учете у психиатра состояли — 16,7%.

По видам самоповреждений, причиненных в ВТК, данная выборка представлена:

вскрытие вен — 58,6%;

глотание инородных предметов — 8,6%;

нарезки — 10%;

глотание таблеток с целью вызова различных расстройств (диспепсических, аллергических и т. п.) — 22,8%.

43% воспитанниц в различное время (на свободе, в СИЗО, ВТК) имели желание причинить себе самоповреждение, а на момент проведения опроса их число составило — 5,7%.

Представляется заслуживающей внимания оценка отношения самих осужденных к лицам, совершившим самоповреждения. Так, согласно проведенным исследованиям, безразлично отреагировали

35% осужденных, отрицательно — 49,3%, с пониманием и сочувствием — 5,5%, «мне они нравятся» — 2%, тогда как другие варианты ответов составили 8,2%. Подобное распределение ответов свидетельствует, с одной стороны, о распространенных в местах лишения свободы отношениях отчужденности между отбывающими наказание лицами, а с другой — о высокой, более 50% не отрицательной оценке этого саморазрушительного акта. Показатель безразличного реагирования на уровне 35% признает за воспитанниками допустимость совершения самоповреждений, что свидетельствует о немалых потенциальных аутоагрессивных ресурсах в ВК.

Проблема самоубийств в местах лишения свободы, как впрочем и других аутоагрессивных проявлений, совершенно недостаточно представлена в отечественной специальной литературе. Основными факторами, объясняющими сложившееся положение являются: во-первых, все еще существующая относительная закрытость от общественности данной темы; во-вторых, незаинтересованность сотрудников исправительных учреждений вопросами выявления и профилактики аутоагрессии во всех ее проявлениях среди осужденных; в-третьих, природная сложность самого феномена аутоагрессии и др.

Случаи самоубийств среди осужденных в местах лишения свободы по вполне понятным причинам, связанным прежде всего со спецификой организации и деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, не получили большого распространения. Например, в изученных нами исправительных учреждениях за последние пять лет имелись лишь единичные случаи суицида. При этом следует отметить, что сбор и анализ данных фактов, отражающих полную картину всех случаев самоубийств среди осужденных в отдельно взятом регионе (например, область) чрезвычайно затруднителен и прежде всего в силу отсутствия сводной статистической отчетности по этому показателю аутоагрессивности.

Между тем обращение к этой проблеме среди населения, например, в Рязанской области, показывает, что в 1990—1992 гг. число самоубийств составило 337—387. Показатель самоубийств (на 100 тыс. населения) колебался от 25 до 29. Наиболее часто (81—85%) к самоубийству прибегали мужчины, и для них коэффициент суицидентов составил 1,5—1,6, тогда как для женщин — 0,4. Приведенные данные позволяют иметь представление о распространенности этого крайнего аутоагрессивного феномена в одном из центральных регионов страны.

Перенесение результатов исследования данной проблемы среди всего населения на популяцию осужденных представляется некорректным. Объяснением этому могут служить не только особенности формирования данного контингента отбывающих наказание лиц, но и специфика их пребывания в исправительных учреждениях. Игнорирование этого принципиально важного положения при проведении сравнительного анализа по данной пробле-

ме в пенитенциарных учреждениях и стране неизбежно приведет к методически неверным выводам.

Самоубийство в местах лишения свободы имеет свои характерные особенности, которые обязательно следует учитывать сотрудникам исправительных учреждений при выполнении своих профессиональных обязанностей. Во-первых, необычные (нетривиальные), совершенно неожиданные, а иногда и даже очень страшные по своей картине способы ухода из жизни. Например, нанесение самому себе множественных резаных ран, с повреждением сонной артерии, венозных сосудов и внутренних органов шеи. Подобный выбор, возможно, связан как с возникшими у данного лица на конкретный момент времени возможностями ухода из жизни, так и с острейшим (сильнейшим для него) желанием быстрее достижения смерти. Во-вторых, наступлению смерти, как показывает анализ известных случаев, обычно предшествуют негативные межличностные отношения между осужденными, складывающиеся как в период отбывания наказания, так и до него (на свободе, в следственном изоляторе и т. д.). Суицидогенное межличностное обострение обусловлено в целом ряде случаев азартными играми, алкоголем, наркотиками, гомосексуальными отношениями. В-третьих, нередки случаи, когда осамубийстве можно говорить только гипотетически, т. е. в данном случае не исключается и убийство, но установить это в силу ряда объективных и субъективных причин оказалось невозможным. Так, в качестве примера, иллюстрирующего последнее положение, приведем следующий случай, имевший место в одном из исправительных учреждений.

Осужденные играли в ПКТ в карты на «засыпание». Проигравшему сдавливали шею с обеих сторон пальцами в области прохождения сонных артерий, и он на определенное время «засыпал». Один из осужденных после очередного проигрыша «не проснулся» — умер. Тогда остальные игроки симитировали самоповешение проигравшего. Все последующие действия сотрудников учреждения и других должностных лиц (судебно-медицинского эксперта, прокурора и т. д.) так и не привели к установлению данного факта убийства. Об имевшем место преступлении стало известно лишь по прошествии нескольких лет, да и то в связи с расследованием другого преступления.

В-четвертых, в местах лишения свободы преобладает демонстративно-шантажное суицидальное поведение. Граница между ним и истинным суицидальным поведением весьма условна. Однако для демонстративно-шантажных попыток самоубийства характерно то, что они, как правило, совершаются в присутствии других лиц (осужденные, сотрудники учреждения) и в местах, где осуществляется постоянный надзор.

Суицидальный феномен в местах лишения свободы отличает высокая потенция среди отбывающих наказание лиц. Так, 49,1% осужденных, попавших в изучаемую выборку, имели на протяжении своей жизни желание из нее уйти. Среди них на возникно-

вление этого желания всего лишь один раз указали 31,5% опрошенных, 3 раза — 17,8% и много раз (более трех) — 50,7%. Относительно высокий процент несовершеннолетних осужденных с мыслями о самоубийстве, как и появление среди них значительного количества лиц с многократным желанием смерти должны настораживать всех, кто по роду своей профессиональной деятельности имеет отношение к этой проблеме.

По мнению А. Г. Амбрумовой и соавторов (1982 г.)⁹, наиболее суицидоопасной является группа осужденных в возрасте 30—50 лет (ей соответствуют 62% всех лиц, лишенных свободы и совершивших самоубийства).

Исследованиями М. Б. Метелкина (1984 г.)¹⁰ установлено, что в среднем самоубийства в исправительных учреждениях совершаются после 2—3 лет отбытия наказания.

В наших исследованиях самоубийства в основном совершались лицами, осужденными за насильственные преступления — убийство, причинение тяжких телесных повреждений, разбойное нападение и т. п., в которых обязательно присутствовали и активно проявлялись элементы агрессивного поведения. Отмеченная особенность прежде всего свидетельствует о наличии связи между агрессивными и аутоагрессивными проявлениями человека. Последнее положение подтверждается и общностью личностных особенностей осужденных с саморазрушающим и гетероагрессивным поведением. По данным М. Б. Метелкина (1984 г.), например, около $\frac{1}{3}$ суицидентов имели склонность к агрессивному поведению, а 38,3% по характеру были вспыльчивы¹¹.

Наиболее часто в качестве способа ухода из жизни осужденные практиковали такой, как самоповешение. Петлей в данном случае служили одежда (рубашка), веревка, постельное белье и т. п. Например, один осужденный в этих целях использовал даже нитки для вязки хозяйственных сеток. Другие известные способы — повреждение острыми предметами внутренних органов и крупных сосудов тела (артериальных и венозных), отравления — представлены значительно реже. В качестве иллюстрации рассмотрим следующие случаи.

1. С., 45 лет, находясь под следствием, с диагнозом белая горячка поступил в больницу для осужденных. Доставлен из СИЗО в наручниках, так как, согласно записи в амбулаторной карте, был возбужден, стремился куда-то уйти.

При поступлении: с врачом не контактирует, на вопросы не отвечает, бормочет невнятные слова, возбужден. Сознание спутано. Взгляд бессмысленный. Оглушен. Тремор рук, туловища.

⁹ См.: Амбрумова А. Г., Бородин С. В., Михлин А. С., Метелкин М. Б. Аутоагрессивные проявления: мотивы и профилактика//Исправительно-трудовые учреждения. 1982, № 18. С. 24—29.

¹⁰ См.: Метелкин М. Б. Характеристика личности суицидентов в исправительно-трудовых учреждениях//Проблемы психологии осужденных к лишению свободы//Научн. тр. Рязань: РВШ МВД СССР, 1984. С. 42—57.

¹¹ См.: Метелкин М. Б. Указ. работа. С. 54.

Через сутки после проведенного лечения: сознание ясное, на вопросы отвечает правильно, настроение снижено, от контактов уклоняется.

На следующий день в 7 ч. утра С. обнаружен дежурным помощником начальника больницы мертвым, висящим в петле из рубашки, о чем составлен соответствующий акт.

Согласно проведенному судебно-медицинскому исследованию трупа, смерть С. наступила от странгуляционной асфиксии вследствие сдавления органов шеи петлей при повешении.

2. А., 29 лет, находясь под следствием, поступил в больницу для осужденных с диагнозом: инородные тела желудочно-кишечного тракта.

При поступлении: жалобы на боль в области живота после еды. Из анамнеза известно, что около 6 месяцев назад А., протестуя против ареста, проглотил «крест» из двух гвоздей. Данная информация подтверждена рентгеноскопическим исследованием.

А. показана операция по удалению инородного тела. «Больной» на операцию дал согласие. Операция была назначена на определенный срок, но затем по чисто техническим причинам перенесена на несколько дней.

Вскоре А. был обнаружен мертвым в палате-изоляторе, куда он был помещен за подготовку нападения на сотрудников учреждения. А. повесился на рубашке, которую подвязал к решетке в потолке этой палаты.

Причиной суицида, как стало известно оперативным путем, послужил проигрыш в СИЗО в карты крупной суммы денег, осложнившийся раскрытым замыслом нового преступления — совершения группового побега с нападением на дежурную смену учреждения.

3. Ф., 47 лет, осужден за совершение кражи на 3 года лишения свободы, поступил из исправительного учреждения в больницу для осужденных по неотложным показаниям.

Известно, что Ф., находясь в ПКТ, в 5 ч. 45 мин, был вынут из петли вызванным медицинским работником данного учреждения. Объективно у него в этот момент времени определялись: странгуляционная борозда на шее, акроцианоз, небольшая отечность в области глаз, заторможенность.

В 10 ч. Ф. вновь в ПКТ вскрыл себе обломком лезвия безопасной бритвы вены в области обеих локтевых ямок. После оказания медицинской помощи доставлен в больницу. При поступлении: находится на носилках вследствие физической слабости, положение вынужденное. На обеих предплечьях окровавленные бинтовые повязки. На шее — красного цвета опоясывающая борозда. Сознание сохранено. Ф. ориентирован во времени и пространстве. Однако контакт с ним из-за его физической слабости затруднен. Ф. устает от беседы, заторможен. Указывает на головокружение, слабость. Причину совершения суицидальных попыток назвать отказался. Острых психотических явлений выявить не удалось.

В 16 ч. 20 мин. обнаружен лежащим в коридоре у своей палаты. На шею спереди—справа — зияющая резаная рана размером 12×15 см, профузное артериальное кровотечение. По образному выражению, обнаружившего его в этом состоянии врача, «Ф. почти отрезал себе голову». Все проводимые реанимационные мероприятия эффекта оживления не дали. До освобождения Ф. оставалось менее 2 месяцев.

Во всех изученных (21) случаях самоубийств среди осужденных, кроме одного, мы не встречали так называемых предсмертных записок. Возможно это связано с распространенными и выраженными в данной среде отношениями отчужденности, а также с отсутствием возможностей для обращения к окружающим с напоминанием о себе.

Приведем полностью текст записки, которую оставил после себя Д., 24 лет, находившийся под следствием и совершивший суицид вследствие гнетущего морально-психологического состояния, вызванного арестом, помещением в СИЗО и нежеланием в будущем отбывать наказание за разбойное нападение: «Прошу в моей смерти никого не обвинять. Я отдал свою жизнь за Любовь, Дсбро и Бога!!! Люди любите Бога!!!»

Ознакомление с медицинской документацией на осужденных, совершивших акт суицида, показывает, что среди них преобладает процент лиц, имеющих различные непсихотического уровня психические расстройства (в основном здесь представлена психопатия). Данный аспект проблемы обращает на себя внимание еще и тем, что со стороны медицинских работников ИУ нередко случаи просмотра психических заболеваний и расстройств, а также несвоевременного принятия должных мер по отношению к тем осужденным, которые в этом крайне нуждаются.

3. Причины и условия аутоагрессивных действий в местах лишения свободы

Осужденные, совершившие самоповреждения в исправительных учреждениях, как правило, объясняют свои аутоагрессивные действия существующим в этих учреждениях «беспределом» со стороны администрации, несправедливостью назначенного им «ни за что» наказания. СИЗО они отмечают как место своего рода наивысшей аутоагрессивной активности, т. е. именно в этом учреждении осужденные более часто создают себе травмы и искусственные болезни.

Анализ мотивировок совершения самоповреждений показал, что несовершеннолетние преступницы изучаемой выборки всегда дают объяснение случившемуся с ними аутоагрессивному акту, причем в таком довольно неоднородном диапазоне, когда в ответах очень сложно выделить какую-то одну основную причину данного действия. Наиболее часто (26%) они называли конфликты (превалировали — 18,2% — с родителями, тогда как в отношении

других лиц — в ВТК и СИЗО — этот процент был менее выражен). Далее, ответы распределились следующим образом:

«разочарование в жизни», «злость на жизнь», «не хотела жить» — 20,7%;

«просто так», «по глупости», «от нечего делать», «по пьянке» — 14,3%;

«любовь» — 13%;

«нервы», «чтобы успокоиться» — 7,8%;

«плохо на душе», «от страха, одиночества» — 6,5%;

«попала в тюрьму» — 5,2%;

«протест за незаконное осуждение» — 2,6%;

«не хотела идти работать» — 2,6%;

«при изнасиловании» — 1 человек.

Представленное множество ответов позволяет считать наиболее «самопоражаемо» опасными обычные бытовые проблемы детей со своими родителями. В условиях семейного неблагополучия, плохого воспитания, алкоголизации (наркотизации) одной или обеих конфликтующих сторон и т. п. эти проблемы, трансформируясь в социальных связях и отношениях подростка с окружающими, неизбежно будут способствовать возникновению у него разочарования в жизни, своеобразной «злости» на нее и даже появлению мыслей о смерти с последующим желанием ее достичь.

На адаптационный характер и силу примера причинения самоповреждений как своего рода атрибутов осужденного указали 5,2% опрошенных.

«Любовь» как оценка своего отношения с лицами противоположного пола для данной категории видимо имеет немаловажное значение, так как процент ответов относительно высок — 13%.

Определенную настороженность должна вызывать и группа ответов, отражающих возможную нервно-психическую патологию («нервы», «чтобы успокоиться», «плохо на душе» — 14,3%).

Причине, связанной с нежеланием трудиться, которой придается большое значение практически во всех ранее опубликованных по этой теме работах, осужденные отвели последнее место, указав ее лишь в 2,6% случаев.

Типичными для подростков являются ответы, по сути своей не проливающие свет на истинные побудительные силы, — «просто так» и т. п. Здесь не следует исключать возможного воздействия чьего-либо примера, какой-либо силы и, естественно, алкогольно-токсикоманического фона.

Интересным представляется ответ одной осужденной, в котором указано, что причиной совершенного ею самоповреждения послужило изнасилование. В процессе проведенного исследования установлено, что у большинства из анонимно опрошенных осужденных (82%) первый половой контакт был не чем иным, как изнасилованием. Однако лишь одна из них назвала этот факт в связи с причинением самоповреждений.

На момент проведения анкетирования, как своего рода стоп-кадр исследования, все мотивировки, представленные несовершенно-

нолетними осужденными женского пола, которые могли бы привести к самоповреждениям, были связаны исключительно с условиями отбывания наказания. Данное обстоятельство свидетельствует не только о зависимости самоповреждений и условий отбывания наказания в изученном воспитательном учреждении, но и о неблагоприятном влиянии последних на выбор данного саморазрушающего действия как своего рода средства протеста или, что нами не исключается, самовыражения личности.

Проведенными в ряде исправительных учреждений исследованиями установлено, что основными мотивами причинения осужденными самоповреждений являются:

несогласие с законными действиями администрации;

уклонение от работы, неуплаты денежных исков и т. п.;

стремление добиться перевода в больницу, преследуя при этом самые различные цели (например, совершение побега; уход от преследователей в «зоне»; передача сведений, относящихся к совершенному преступлению; добиться встречи с авторитетными в уголовном мире осужденными для выработки мер противодействия администрации учреждения и т. д.);

стремление уйти от уголовной ответственности и освободиться от дальнейшего отбывания наказания за совершенное преступление;

стремление добиться послаблений и выгодных для себя уступок от администрации учреждения;

стремление выиграть спор и др.

Из условий, способствующих реализации мыслей о самоповреждении, можно назвать:

специфическая среда существования личности (изоляция от семьи, друзей, близких и т. п.; специфический контингент отбывающих наказание лиц; неоднородность его состава — по возрасту, социальному происхождению, положению в прошлом, степени общественной опасности, характеру совершенного преступления, количеству судимостей, степени социальной деградации и т. п.; традиции, условности, «законы», режим и т. п.);

особенности личности самого осужденного (неполное среднее образование, низкая культура, слабый уровень общемедицинских знаний, нередко имеющее место неблагоприятное в отношении психического и соматического здоровья, склонность ко лжи, отсутствие интереса к своему здоровью и др.);

слабая лечебно-диагностическая деятельность медицинских частей исправительных учреждений;

недостаточная совместная работа со стороны медицинских и других служб ИУ по выявлению и профилактике случаев членовредительства среди осужденных.

Причину совершения самоубийств обычно очень сложно установить, так как при расследовании всех этих случаев приходится работать в ретроспективном варианте, а осужденные при жизни не всегда сообщают о своих намерениях в отношении предстоящего суицида. Поэтому в ряде случаев самоубийства в исправи-

тельных учреждениях выглядят как «гром среди ясного неба». Однако это не означает, что принятие решения об уходе из жизни у осужденных не связано с какими-то имевшими ранее место и важными для них событиями. Факт суицида всегда связан с конкретными, реальными и чрезвычайно значимыми для личности явлениями. Однако выявить, особенно последние, проследить их связь удастся далеко не всегда. Данная особенность в отношении этого вида аутоагрессии довольно типична для исправительных учреждений.

Непосредственным мотивом суицидального поведения осужденных может быть сложная экстремальная ситуация (семейный конфликт, развод, тяжелая болезнь, смерть близкого человека и т. д.) в сочетании со специфическими условиями мест лишения свободы.

В исследованиях А. Г. Амбрумовой и соавт. (1982 г.)¹² представлены и другие мотивы самоубийств среди осужденных:

соматические заболевания (19,1%);

взаимоотношения с другими осужденными и администрацией исправительного учреждения (17,5%);

условия и длительность срока отбывания наказания (14,3%);

распад семьи и др. (10,1%).

Одним из условий, способствующих совершению самоубийств, следует назвать несоблюдение и невыполнение сотрудниками пенитенциарных учреждений всех тех обязательных для данного конкретного случая требований, которые практически не оставляют осужденному никаких шансов на совершение самоубийства в данный момент времени.

Например, при проведении служебного расследования по факту смерти Г., 22 лет, находившегося в СИЗО в связи с арестом и обнаруженного в камере повешенным на петле из простыни, фиксированной к решетке окна, установлено, что в данном случае самоубийству способствовали:

наличие в камере постельного белья;

оставление Г. одного в камере;

отсутствие надзора за ним на период прогулки других заключенных.

Феномен самоубийства по наследству никоим образом не передается. Однако не может не настораживать и такая полученная нами информация, что 14,5% несовершеннолетних осужденных женского пола, попавших в выборку, сообщили о совершении самоубийств среди своих близких родственников (чаще всего при этом упоминался брат одного из родителей). Указанная цифра, по-видимому, не полностью отражает истинное распространение этого явления, так как многие из осужденных, как показало проведенное исследование, не владеют всей этой «родственной» информацией в полной мере. Поэтому, представляется, что этот по-

¹² См.: Амбрумова А. Г., Бородин С. В., Михлин А. С., Метелкин М. Б. Указ. работа. С. 27.

казатель должен быть несколько выше, хотя и без этого его уровень вполне заслуживает самого серьезного внимания.

Проблема аутоагрессии напрямую затрагивает и вопросы психического и физического здоровья осужденных. Так, согласно проведенным исследованиям, лица, склонные к самоубийству и самоповреждениям, составили 14% всех осужденных, отбывающих наказание в данной колонии для несовершеннолетних преступниц. 75% из них, как представлено в медицинской документации, имеют различные психические аномалии (психопатия, олигофрения, эпилепсия и т. д.). Данные факты свидетельствуют о неблагоприятном патологическом фоне, который имеет место в исправительных учреждениях и с которым следует считаться как с фактором, способствующим в ряде случаев совершению аутоагрессивных актов. Изучение среди осужденных прямых родственников, имеющих психические заболевания, показало, что лишь 9,4% осужденных дали об этом положительную информацию, 87,5% — уверены, что у них в роду никогда этого не было, а 3,1% — затруднились с ответом.

Снижение заинтересованности в отношении своего здоровья, получившее определенное распространение в нашем обществе особенно последнее время в силу ряда объективных и субъективных причин, достигает своей крайней выраженности в исправительных учреждениях, где достаточно широко представлены все известные способы аутодеструкции.

Изучение отношения осужденных к своему здоровью показало, что 75,2% изученных лиц задумываются о нем, 9,1% — делают это не всегда, а 15,7% — вообще этого никогда не делали. Связывать какие-либо из полученных результатов напрямую с аутоагрессивными актами в данной воспитательной колонии нельзя, так как здоровье и мысли о нем определяются многими факторами, в первую очередь физическим и психическим состоянием самого лица. Наличие же каких-то болезненных расстройств врожденного или приобретенного характера вполне может способствовать изменению его настроения, мироощущения, отношения к окружающим и, в том числе, к самому себе. Данная связь определенным образом прослеживается и в беседах с осужденными, совершившими попытки суицида и самоповреждения.

Отношения к врачам медчасти воспитательно-трудовой колонии у осужденных было следующим: уважительное — 61% (ко всем — 39%; к отдельным — 22%), неуважительное — 33,5%, отрицательное — 3,2%, безразличное — 2,3%. Полученные результаты свидетельствуют о вообщем-то большой (39%) группе осужденных так или иначе, но проявляющих определенный «медицинский» негативизм. Данная особенность реагирования, несомненно, имеет свой выход и на проблему аутоагрессии, так как неуважительное и отрицательное отношение осужденных к врачам и другим медицинским работникам как бы снимает то защитное и сдерживающее от саморазрушения воздействие, которое они создают своей профессиональной деятельностью.

Таким образом, проблема насилия человека над самим собой, рассмотренная на уровне самоповреждений и самоубийств в местах лишения свободы, характеризуется не только распространенностью, значительной вариабильностью и высокой социальной значимостью, связанной с отрицательными для жизни и здоровья последствиями, но и крайне неблагоприятным влиянием на межличностные отношения осужденных, что не может не отразиться на состоянии оперативной обстановки в учреждениях, исполняющих наказания.

Представленные материалы позволяют считать сохранение физического и психического здоровья, а также трудоспособного состояния осужденных в период отбывания ими наказания одной из важнейших задач деятельности пенитенциарных учреждений.

Глава V

ПРОФИЛАКТИКА НАСИЛИЯ СРЕДИ ОСУЖДЕННЫХ

1. Основополагающие послыки

Профилактика насилия в местах лишения свободы представляет собой часть профилактических усилий в масштабах всего общества по борьбе с насильственными проявлениями и прежде всего с агрессивной преступностью. Чем выше уровень насилия в стране, чем больше жестокости присутствует в конфликтах между отдельными людьми и социальными группами, тем выше и опаснее этот уровень в исправительных учреждениях. Поэтому можно сказать, что решение острых социальных проблем и противоречий, в том числе межнациональных, повышение эффективности воспитания и внедрение идеологии ненасилия наравне с повышением материального благосостояния людей является той основой, на которую должна опираться работа по предупреждению насилия, где бы оно не имело место. Излишне доказывать, что успешная профилактика насилия среди осужденных самым благоприятным образом скажется на рецидиве соответствующего вида преступлений.

Большинство авторов, изучающих проблему борьбы с насильственными действиями в колониях, акцентируют свое внимание прежде всего на организации профилактических мероприятий по устранению причин, оказывающих влияние на состояние, структуру и динамику данного явления в целом и конкретные обстоятельства, предшествующие правонарушениям и преступлениям в местах лишения свободы. В специальной литературе по этому вопросу особое место уделено изучению так называемых «отказных» материалов, когда виновные по тем или иным причинам не привлекаются к уголовной ответственности за преступления против

личности. Происходит это нередко из-за недостаточно высокой активности оперативных работников, не принимающих действенных мер для выявления правонарушений¹.

В литературе выделяются проблемы социально-психологической адаптации и общей профилактики преступлений, совершаемых осужденными в период отбывания наказания. Определяются задачи администрации исправительных учреждений по выявлению и нейтрализации криминогенных факторов, оказывающих влияние на совершение преступлений во время адаптации. Одним из основных моментов борьбы с насильственными действиями в колониях, по мнению исследователей, является наличие достоверной информации о расстановке сил в отрядах и возможных тенденциях их изменения. Существующие в литературе публикации по этим вопросам сосредотачивают свое внимание на организации количественного учета конфликтов среди осужденных и выявления причин их возникновения².

Предложения о нормативном закреплении в колониях общего вида режима отдельных зон содержания осужденных разной степени общественной опасности и определения порядка их перевода из одной зоны в другую делаются авторами, поднимающими организационно-правовые вопросы, связанные с предотвращением преступлений в колонии. По их мнению, основным аргументом данного средства борьбы с правонарушениями в исправительных учреждениях является высокий удельный вес лиц молодежного возраста. Эти лица составляют от 52 до 60% от общего числа осужденных, совершивших правонарушения. В колониях общего вида режима доля указанных лиц еще больше и составляет 88,9% от общего числа правонарушителей. При этом предлагается провести разукрупнение этих колоний и установить лимит наполнения не более 600—700 человек³.

Искоренить насилие среди осужденных принципиально невыполнимая задача так же, как и ликвидация преступности. Однако вполне реально снизить его уровень, уменьшить количество наиболее тяжких преступлений против личности. Сделать это можно в ходе реорганизации исправительной системы в стране, а также проведения специальных мероприятий, нацеленных именно на

¹ См.: Марков А. Я. Некоторые вопросы профилактики совершаемых правонарушений в ИТУ//Актуальные проблемы укрепления режима в ИТУ. Рязань, 1979. С. 137; Каретников И. В., Марков А. Я., Гаврилов Л. Н. Возбуждение уголовных дел и вопросы квалификации деяний, связанных с посягательством на жизнь и здоровье осужденных в ИТУ. М., 1984.

² См.: Сафронов А. Д. Криминогенное значение и учет конфликтов среди осужденных//Социально-психологические и правовые проблемы профилактики правонарушений в исправительных учреждениях. Рязань, 1982. С. 24; Шмаров И. В., Галкин Е. Б., Поздняков В. И. и др. Конфликты среди осужденных и профилактика правонарушений в местах лишения свободы. М., 1981.

³ См.: Лыгалов Н. И. Организационно-правовые вопросы деятельности исправительно-трудовых колоний усиленного режима по профилактике правонарушений//Социально-психологические проблемы профилактики и правонарушений в исправительных учреждениях. Рязань, 1982. С. 56.

блокирование причин, порождающих агрессию среди лишенных свободы.

Успешное предупреждение насилия среди осужденных возможно при условии целенаправленного обучения сотрудников исправительных учреждений способам и приемам выявления, изучения и разрешения конфликтов среди преступников. Для этого в учебных заведениях МВД РФ, готовящих специалистов для работы в местах лишения свободы, необходимо разработать теорию пенитенциарной конфликтологии с тем, чтобы преподавать соответствующую дисциплину слушателям. Возможно, что названная дисциплина будет создана в рамках курса социальной психологии для исправительных учреждений.

Поскольку среди осужденных 20—25% страдает различными психическими аномалиями, столь же необходимым представляется обучение сотрудников ИУ основам пенитенциарной психиатрии.

Преступность в местах лишения свободы, в том числе насильственная, ее причины и механизмы, личность виновных, формы и методы борьбы с ней в целом должна изучаться пенитенциарной криминологией. Не исключено, что конфликтология и психиатрия могут стать составной частью этой криминологии.

Среди профилактических мероприятий, которые осуществляют непосредственно в исправительных колониях, прежде всего рассмотрим те, которые связаны со стилем управления отрядами.

Начальники отрядов должны избегать произвольности при принятии решений, вырабатывать четкие критерии оценки индивидуального и группового поведения и реагирования на проступки, не делать акцент на применение наказания и не допускать компромисса путем делегирования преимуществ членам одних групп в противовес осужденным из других.

Профилактика насильственных действий должна быть направлена на снижение межгрупповой напряженности с учетом следующих основных положений:

при проведении мероприятий по защите притесняемых среди осужденных основной массы целесообразно избегать ситуаций публичного обсуждения членов неформальных групп, занимающих полярные статусы в преступной субкультуре, для того, чтобы предотвратить конфликты между такими группами, а также внутри них;

создавать по мере возможности одинаковые условия для разностатусных осужденных во всех сферах жизнедеятельности. В справедливость администрации осужденные должны верить и именно это снизит силу влияния неформальных «авторитетов», утверждающих свою власть путем насилия, иными словами, администрация должна взять на себя исполнение функции справедливости, столь ценимую в местах лишения свободы;

выявлять высокостатусные группы и «элитный слой» осужденных, которые являются потенциальными источниками негативного влияния и агрессивных действий. Держать подобные группы под постоянным контролем, в том числе так называемых «исполните-

лей», которые выполняют карательные функции и являются своеобразной «исполнительной властью», с помощью которой осуществляется большинство насильственных действий в колонии;

своевременно устанавливать участников конфликтов, анализировать их психологические особенности и искать способы разрешения конфликтных ситуаций без применения насильственных действий; гласно информировать осужденных о последствиях и применяемых санкциях в отношении нарушителей;

пресекать различного рода дезинформацию, слухи, которыми умело манипулирует асоциальная часть осужденных для восстановления «справедливости» или оправдания своих действий. Для этого, конечно, нужно вовремя выявлять такие слухи;

оказывать психологическую поддержку лицам, прибывающим в пенитенциарное учреждение, особенно в период нахождения на карантине, ориентировать их на сознательный выбор положительного круга общения и своевременно блокировать неформальные связи с отрицательно ориентированными осужденными. Необходимо помнить, что первые дни пребывания под стражей являются наиболее травматичными. В целях защиты только что лишенный свободы человек может прибегнуть к насилию. В таком же положении другой может стать его жертвой;

понимать доминирующие психические состояния осужденных, анализировать причины, их вызывающие, и принимать меры для их своевременного предупреждения и правильного разрешения. В ряде случаев для этого бывает необходима помощь родных и близких.

В доверительных беседах желательно снимать негативные эмоциональные состояния особенно среди лиц молодежного возраста, поскольку именно они для разрядки агрессивности или поднятия своего статуса нередко используют так называемые компенсирующие формы взаимодействия, в основе которых лежит употребление наркотиков, алкоголя, совершение гомосексуальных актов и других насильственных действий.

Существует комплекс индикаторов, которые могут заблаговременно сигнализировать о вероятности возникновения опасных конфликтных отношений, могущих повлечь за собой насилие. В этот комплекс входят:

1) кражи у членов «элиты» в ВТК. В колониях общего и строгого вида режима показателями опасных противоречий могут служить конфликты между членами «элиты» при распределении и личном потреблении средств «общака». Все это может сигнализировать о рассогласовании отношений между земляческими или иными группировками, и, как следствие, ослаблении «элиты»;

2) увеличение времени построения осужденных при проведении различных мероприятий. Подобные факты могут многое сказать о негативных процессах в отношениях между членами «элиты»;

3) резкий рост и систематичность неповиновений и оскорблений администрации. Эти правонарушения существенно отличаются

ся от других аналогичных случаев, прежде всего тем, что они связаны с зарождением новых группировок, члены которых стремятся расширить сферу своего влияния;

4) рост конфликтов, приводящих к применению насилия к другим осужденным, в связи с взиманием долга, кражами и т. п.;

5) рассогласование отношений между «элитой» и администрацией. Это имеет место в случаях, когда «элита» перестает выполнять свои функции по стабилизации отношений, а администрация усиливает к ней требования. Появляется угроза целостности «элиты» и окончательной потери ею сфер влияния;

6) предъявление со стороны «элиты» коллективных требований, а также претензий к отдельным представителям администрации. С этого момента отношения между лидерами элитных групп и администрацией приобретают враждебный характер и развитие событий часто становится неуправляемым. Могут быть совершены действия, связанные с захватом заложников, массовыми беспорядками, групповыми побегами.

Существенной спецификой отличается профилактика насилия среди несовершеннолетних в ВТК. В работе с этой категорией преступников следует учитывать динамические, связанные с возрастом особенности душевного склада многих таких осужденных. Важная задача — выявление конфликтов, которые создавали невротическое предрасположение в состоянии осужденного. Серьезную роль в разрешении подобных конфликтов может сыграть психотерапия как метод лечебного воздействия на психику осужденного или одновременно группы осужденных с помощью слова в целях изменения отношения к себе, к своему состоянию и окружающей среде. Задачей психотерапии является реконструкция грубо нарушенной личности. В психотерапии в каждом индивидуальном случае необходимо обратить внимание на положительные ценности в личности подростка и на этой основе строить работу с ним.

Конечно, применение психотерапии как способа профилактики агрессивных действий возможно по отношению к людям самых разных возрастов. Мы же здесь обращаем внимание на ее возможности в ВТК в связи с тем, что несовершеннолетние в силу своих возрастных особенностей наиболее восприимчивы к психотерапевтическому воздействию. Не случайно наиболее интересный опыт психотерапии накоплен именно в воспитательно-трудовых колониях.

Рассмотрим вопросы профилактики насилия со стороны наиболее агрессивных личностей — осужденных с психическими аномалиями.

Выявление таких лиц должно проводиться с учетом следующих моментов. Прежде всего необходим отбор всех сведений на лиц, состоящих ранее на учете в психоневрологическом диспансере и прошедших или направляемых на судебно-психиатрическую экспертизу (по материалам личного дела и медицинской документации). При отсутствии полных сведений на осужденных, необхо-

димо делать запросы о выписках из амбулаторных карт психоневрологических диспансеров и копий актов судебно-психиатрической экспертизы по месту ее проведения.

Клинико-психиатрическому и психологическому обследованию должны подвергаться осужденные с нарушенными формами поведения (внешне немотивированные поступки, неадекватные реакции, конфликтность, нарушение режима содержания и т. п.); лица, обращающиеся в медчасть с различными жалобами невротического, астенического и ипохондрического характера; лица с расстройствами настроения, психотическими расстройствами, перенесшие черепно-мозговую травму, больные алкоголизмом и наркоманией. Психиатр должен не просто регистрировать лиц с психическими расстройствами в соответствии с поступающей на них медицинской документацией, как это делается по большей части в настоящее время, но и активно выявлять таких людей, участвовать в решении их бытовых и трудовых проблем, вопросов применения санкций, досрочного освобождения, контактов с родными и близкими и т. д. Психиатр должен также давать заключения по поводу устранения факторов, травмирующих психику, в том числе связанных с условиями содержания осужденных.

Необходимо принять срочные меры по психофармакологическому обеспечению осужденных. Отсутствие сейчас необходимых для купирования психических расстройств психотропных средств приводит к хронификации патологических состояний, делает малореальным наступление стойких ремиссий, усложняет медицинскую и криминологическую ситуацию в исправительных учреждениях. Вынужденное использование психотропов широкого спектра действия на различных категориях больных приводит к образованию «побочных эффектов» терапии, подрывает авторитет врачей.

Давно существует проблема должного взаимодействия в части тактики обращения с осужденными с психическими аномалиями со стороны различных служб колонии. Рекомендации врачей-психиатров в отношении трудового использования психотропов широкого спектра действия на различных категориях больных приводит к образованию «побочных эффектов» терапии, подрывает авторитет врачей.

Давно существует проблема должного взаимодействия в части тактики обращения с осужденными с психическими аномалиями со стороны различных служб колонии. Рекомендации врачей-психиатров в отношении трудового использования этих лиц и многих других вопросов часто не учитываются, оперативно-режимные соображения преобладают над заключениями психиатрического плана.

Необходимо отметить, что в настоящее время деятельность психиатрической службы исправительных учреждений регламентируется более чем 12 нормативными актами, многие из которых устарели, требуют систематизации, пересмотра, унификации и совершенствования, адаптации к изменившимся социально-экономическим условиям. В этой связи одной из перспективных задач яв-

ляется регламентация работы психиатров в исправительных учреждениях, их взаимодействия с другими службами, разработка и внедрение системы реабилитации осужденных с аномалиями психики по нескольким направлениям: медицинской, психолого-психиатрической, трудовой и социальной реабилитации; на этой основе должен быть выработан единый нормативный документ.

Говоря о предупреждении насилия среди осужденных, насилия как характерной черте их образа жизни нельзя не остановиться на профилактической роли религии. Действительно, церковь и религия с их постулатами ненасилия, милосердия, сострадания и прощения способны сделать многое, чтобы смягчить тюремные нравы, сформировать принципиально иное отношение к агрессии как способу разрешения жизненных конфликтов, показать пути их снятия, помочь преступникам относиться друг к другу с большей добротой и пониманием. Священнослужители могут делать это в своих проповедях, в беседах с отдельными осужденными, использовать для этого такую весьма эффективную форму, как исповедь, которая должна приводить к покаянию как средству очищения души. Священнослужители могли бы принимать участие в разрешении конкретных конфликтов как между преступниками, так и между ними и администрацией, например при массовых беспорядках и захватах заложников.

Сейчас в жизни общества в целом и мест лишения свободы в частности наблюдается тот период, когда старые духовные и нравственные ориентиры и ценности потеряли былую силу, а новые еще не набрали ее. Поэтому образовался своеобразный вакуум, который выступает одним из самых серьезных факторов, порождающих насилие в стране. Религия может заполнить этот вакуум, но лишь частично, поскольку мы знаем, сколько кровавых преступлений было совершено во имя религии и бога (религии — любой, бога — любого). Нужно помнить и о том, что в прошлые века практически все население было верующим, хотя немалая часть его лишь соблюдала церковные ритуалы и внешние предписания, конформно подчиняясь традициям и обычаям, следуя в русле полученного воспитания. Тем не менее факт остается фактом, что совершали преступления главным образом верующие и вера в бога удерживала от проступка только часть людей. Церковь же пыталась спасти души преступников в тюрьме и на каторге, иногда на эшафоте.

Однако насилие продолжает оставаться типичной чертой пенитенциарных (исправительных) учреждений. Поэтому не следует возлагать на религию и церковь чрезмерные надежды ни в борьбе с преступностью вообще, ни в профилактике насилия в местах лишения свободы. Религия — очень важное средство формирования, укрепления и развития нравственности, важное, но не единственное. Порядочным человеком может быть и неверующий.

В деле профилактики насилия в тюремных заведениях особое значение имеет индивидуальная работа с конкретным лицом, которая может быть даже более успешной, чем в условиях свободы.

Дело в том, что осужденный в силу условий его изоляции, так сказать, больше находится в поле зрения воспитателя или другого представителя администрации.

Основой индивидуальной профилактики насилия является криминологическое учение о личности преступника, причинах и механизмах насильственного поведения. При этом нужно учитывать ряд важных положений.

1. Личности насильственного преступника свойственен ряд отличительных психологических и нравственных черт, им присуще иное, чем у законопослушных граждан и даже корыстных преступников отношение к общественным ценностям и особенно к личности, они решают возникающие перед ними жизненные задачи иными способами, в первую очередь с помощью грубой силы. Понятно, что агрессивными могут быть те, которые осуждены за ненасильственные преступления.

2. Образно говоря, причиной любого поведения всегда выступает личность, точнее — ее отличительные особенности. Причиной такого поведения не могут быть благоприятные или провоцирующие конкретные ситуации, которые способны выполнять лишь роль условий. Даже в неволе, когда давление ситуации очень велико, источником поступка остается личность. Криминогенную роль ситуации невозможно вскрыть вне психологической связи между нею и человеком, восприятия ее.

3. Насильственное поведение, как и любое другое, определяется ведущим мотивом (ведущими мотивами), которые формируются с ранних этапов развития индивида, и в них заключается личностный смысл поведений; мотивы многих правонарушений и преступлений, особенно насильственных, носят бессознательный характер. Без познания мотивов понять личность и ее поступки невозможно. Следует учитывать также, что в мотивационный комплекс активно включены характерологические особенности субъекта.

4. Необходимо четко различать личностные и поведенческие характеристики преступников и строить работу с ними нужно с учетом этого важного обстоятельства. Как представляется, в основу профилактической деятельности должно быть положено знание субъективных причин возможных насильственных действий.

5. На преступное поведение и его мотивацию значительное влияние оказывают психические аномалии, которые, с одной стороны, существенно затрудняют усвоение субъектом воспитательного воздействия в исправительных учреждениях, нравственных и правовых норм, а с другой — препятствуют адекватному восприятию и оценке складывающихся жизненных ситуаций, отражаясь на способах их разрешения. Необходимо отметить, что сами по себе психические аномалии не выступают в качестве мотивов преступлений.

Поскольку личности преступников свойственен ряд отличительных психологических и нравственных черт, определяющих их по-

ведение, реакции на возникающие жизненные проблемы, эти черты должны постоянно выявляться в ходе индивидуально-профилактической деятельности. При этом нужно учитывать изменения как самих особенностей личности, так и то, как корректируется в связи с этим поведение. Однако сейчас администрация исправительных учреждений практически лишена достоверной информации и об этих чертах, и о мотивах совершенных преступлений, а также мотивах, которые могут детерминировать преступное поведение в будущем. Это вызывается недостаточной изученностью проблем мотивации в науке и отсутствием специалистов соответствующих профилей в органах внутренних дел, прокуратуры и суде, что неизменно отражается в приговорах, материалы которых активно используют в индивидуальной работе. На практике часто приходится наблюдать попытки определения мотивов поступков осужденного путем анализа лишь конкретных действий, а не изучения личности, что обычно приводит к ошибочным выводам.

Индивидуальная профилактика насилия должна быть ориентирована на те субъективные факторы, которые порождают преступное поведение и именно эти факторы — мотивы, характерологические особенности, нравственные ориентации, способы решения жизненных задач — должны всесторонне учитываться в соответствующей работе. В настоящее время, к сожалению, в исправительных учреждениях (и в милиции тоже) дело обстоит далеко не так. Можно с уверенностью утверждать, что до тех пор, пока указанные вопросы не будут решаться с помощью квалифицированных психологов, эффективность индивидуальной профилактики насилия останется на прежнем уровне.

О том, насколько трудно выявлять подлинные мотивы насильственных действий, свидетельствует следующий пример.

Х., 36 лет (на момент обследования), ранее привлекающийся к уголовной ответственности за нанесение умышленного легкого телесного повреждения, дважды за побег из мест лишения свободы, отбывал наказание в колонии строгого режима за нанесение тяжких телесных повреждений. В связи с появившимися у администрации сомнениями в его психической полноценности был направлен в специальную психиатрическую больницу. Находясь там, убил путем удушения полотенцем больного Г., который в силу болезни был почти полностью обездвижен и не мог оказать ему сопротивления. Его кормили медицинские сестры, либо другие осужденные из той же палаты. Они же ухаживали за ним, когда ему нужно было оправиться. Х. пояснил, что непосредственным поводом к убийству было то, что Г., которого он посадил на ведро между их кроватями, после этого переполз на его, Х., постель, и стал мочиться на нее. Казалось бы, все ясно: преступник совершил убийство в состоянии сильного раздражения и обиды на потерпевшего. Однако при более глубоком анализе выясняется, что это не так, поскольку нельзя подменять причину поводом. А для того, чтобы понять причину, необходимо обстоятельно проанализировать личность Х. и прожитую им жизнь.

Предоставим сначала слово ему самому.

«Я родился в деревне под Белгородом самым младшим в семье, старше меня две сестры. Маму не помню, она умерла, когда мне было полтора года. Отец вскоре женился второй раз, мы ее звали матерью, но она не то что родная, тепла материнского все равно не хватало; она мне ни разу в зону не писала. В школу я пошел с семи лет, учился с трудом, закончил 8 классов. После учился на столяра и плотника, потом на шофера, был в армии. Друзей у меня никогда не было».

В первый раз Х. вступил с женщиной в интимный контакт, когда ему было 20 лет («до этого мне не хотелось»), потом женился на другой, Наде, родился ребенок, но вскоре они разошлись, потом вновь начали жить вместе. Оба сильно пили и однажды он ножом порезал жену («потому, что она гуляла, то приходила, то уходила») и был за это в первый раз осужден, отбывал наказание на стройке, откуда сбежал, так как, по его словам, «не мог без Нади». У них вначале кое-как наладились отношения, но вскоре она от него ушла, правда, недалеко, к их общему знакомому, почти соседу. Отношения они полностью не порвали и иногда даже втроем выпивали. Во время одной такой пьянки Надя заявила ему, что ребенок у нее не от него, после чего он и ударил ее ножом.

Мы приводим все эти сведения для констатации следующих фактов: жизнь Х. с самого начала сложилась весьма драматично, поскольку он потерял мать в том возрасте, когда особенно нуждался в ее помощи и попечении. Это обстоятельство положило начало формированию у него повышенной тревожности, доходящей до вполне осознанного страха смерти. Он рос отчужденным, аутичным человеком без особых привязанностей и дружбы, исключением была его жена, которую вполне можно оценить в качестве главного канала связи между ним и жизнью. Именно поэтому он не порывает с ней, а ударяет ее ножом, затем бежит к ней из спецкомендатуры, сходитя с ней вторично, несмотря на все ее измены, но наносит ей опасное для жизни телесное повреждение, когда она тяжко унижает его, сказав, что ребенок не его. Конечно, он знал, что она постоянно «гуляла», но сын «не от него» — это уже наглядное свидетельство его полной несостоятельности как мужчины.

В колонии Х. влачил самое жалкое существование, его сделали там пассивным гомосексуалистом и низвели в группу «опущенных». «Меня очень обижали в колонии, да и в армии и еще в школе, часто били, им не нравилось, что я все время молчал, но я ведь никого не трогал. Они мне советовали наложить на себя руки. Я не знаю, что делать, может и наложить. Я всего боюсь, боюсь, что меня побьют. Голоса были в голове, мужские и женские, они говорили, чтобы я пошел на могилу матери, чтобы сунул голову в пилу, с крыши прыгнул, веревку свил и другую ерунду».

В беседах Х. постоянно повторяет: «Я всех боюсь, неужели, я человек пропащий. Голова шумит постоянно, много думаю, ни с кем не могу общаться. Боюсь, что во сне на меня нападут, даже здесь, в больнице (в Государственном научном центре социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского, где он находился на экспертизе), хотя знаю, что здесь безопасно. Наверное, страшно на месте этого человека, которого я задушил».

Эта последняя фраза представляется ключевой для понимания глубинного смысла совершенного им убийства. Убитый Г. своей беспомощностью ярко продемонстрировал Х., что он, при его постоянных страхах за свою жизнь, может быть очень легкой добычей для любого насилия. Х. убил его потому, что эта демонстрация была для него непереносима, она являла ему как бы его собственную смерть. Напомним в этой связи, что Х. ударил ножом Надю после того, как она показала ему его несостоятельность в качестве мужчины. Образно говоря, этому убийце слишком травматично смотреть в психологическое зеркало. Таким образом, мотивация данного преступления носит глубинный характер и может быть вскрыта с помощью специального психологического анализа. Чтобы предупредить это убийство, надо было вовремя обратить внимание на страхи, которые буквально сотрясали Х., и снять их.

Сказанное отнюдь не означает игнорирования внешних ситуаций, которые могут способствовать преступному поведению или провоцировать его. Однако для того, чтобы успешно предупредить насильственные действия, недостаточно просто знать, что такие ситуации уже существуют или могут возникнуть. Предупредительная работа на основе индивидуального прогноза обязательно должна учитывать то, как данный человек воспримет те или иные обстоятельства, а это опять-таки предполагает знание его личности. В целом же ситуации являются самостоятельным объектом профилактического воздействия.

Вместе с тем признание личности источником насильственных действий определяет необходимость сосредоточения воспитательно-предупредительных усилий именно на ней. Практически это означает, что в ходе индивидуальной работы с конкретным осужденным, в беседах с ним нужно все время обращать внимание на его личную виновность в уже совершенных агрессивных действиях, на недопустимость переноса вины на других людей или обстоятельства. Однако многочисленные беседы с осужденными показали, что они почти всегда, как уже говорилось выше, склонны винить в собственных аморальных действиях кого угодно, но не себя. Это самым существенным образом затрудняет их действительное исправление, поскольку они не овладевают субъективными механизмами своей ненадлежащей активности и поэтому далеко не всегда способны управлять своим поведением.

Индивидуально-профилактическое воздействие должно осуществляться с учетом типологической принадлежности данного индивида. Типологический подход во многом облегчает такое воз-

действие: если в ходе работы с конкретным осужденным, который может встать на преступный путь, будет выяснена его принадлежность к определенному типу личности, это позволит сравнительно быстро составить представление об его индивидуальных особенностях и в зависимости от этого построить предупредительную работу с ним. Типологии могут быть заимствованы из работ по психологии насильственных преступников.

2. Психологические методики исследования агрессивности преступников

Одним из перспективных направлений в изучении агрессивного поведения человека является разработка и внедрение психологических методик, специально ориентированных на диагностику потенциальной агрессии. Данное положение имеет особое значение для пенитенциарных учреждений МВД России, где в настоящее время создается профессиональная психологическая служба.

Сегодня агрессивное преступное поведение не может быть изучено и понято, если объектом исследования не станет агрессивность как личностная черта⁴. Однако одним из самых серьезных препятствий, влияющих на изучение данного феномена, является чрезвычайно слабая разработанность четких экспериментальных процедур, позволяющих диагностировать агрессивность как черту личности преступника.

Применяемые в этих целях различные зарубежные стандартизованные опросниковые и проектные методики (тест-опросник Басса-Дарки, тесты Розенцвейга, Вагнера и др.) пока, как свидетельствует анализ отечественной специальной литературы, еще не достаточно обеспечены необходимым для широкого практического применения в наших условиях психометрическим обоснованием. Особенно это положение касается использования указанных диагностических процедур в отношении различных категорий осужденных, отбывающих наказания в исправительно-трудовых учреждениях. Данное обстоятельство и предопределило настоящее исследование, целью которого явилось изучение возможностей сочетанного применения стандартизованного личностного опросника Басса-Дарки и проективных методик Розенцвейга и Вагнера Hand Test (тест руки) в качестве диагностического инструментария для оценки потенциальной агрессии у осужденных. Выбор и использование данных тестов на осужденных не случаен. Во-первых, применение указанных разнотипных методик позволяет не только соединить достоинства стандартизованной опросниковой и проективных процедур, но и сравнить получаемые с их помощью результаты исследований. Подобная взаимоперекрестная проверка результатов соответствует современным требованиям психодиагностики. Во-вторых, стандартизованный опросник Басса-Дар-

⁴ См.: Антонян Ю. М., Гульдан В. В. Криминальная патопсихология. М.: Наука, 1991. С. 124—129.

ки и тесты Вагнера и Розенцвейга, являясь одними из наиболее популярных за рубежом психодиагностических методик для исследования агрессии, необходимой психометрической адаптации в наших условиях все еще не прошли. В-третьих, подобные исследования в отношении такой представительной и вместе с тем интересной в социальном, криминогенном и психологическом отношении популяции, как осужденные подростки женского пола, в нашей стране вообще не проводились. Поэтому настоящая работа с данной категорией лиц представляется актуальной.

Психодиагностические исследования, связанные с применением указанных методик, осуществлялись в отношении выборки осужденных и одного с ними возраста (16—18 лет) школьников (взятых в качестве контроля) в групповом и индивидуальном вариантах с соблюдением всех необходимых требований, предъявляемых к подобным диагностическим процедурам.

В процессе работы все изученные лица подвергались ретестированию через две-три недели. Полученные данные прошли статистическую обработку на компьютере типа IBM PC/AT по программе «STADIA».

В работе с указанными диагностическими методиками установлены все необходимые психометрические характеристики, являющиеся обязательными для применения данных тестов в отношении несовершеннолетних осужденных девушек. Так, согласно полученным и статистически обработанным данным, изученная выборка осужденных (240 чел.) оказалась репрезентативной. Об этом свидетельствуют, в частности, и доверительные границы, которые с вероятностью 0,9 были установлены в отношении основных показателей опросника Басса-Дарки. Например, индекс общей агрессивности популяции имел следующие доверительные границы: $20,3 - 0,43 < I_{0a} < 20,3 + 0,43$. Ретестовая надежность изучаемого опросника по показателю общей агрессивности составила в группе делинквентных подростков 0,82, а по показателю враждебности — 0,63. Для основных оценочных показателей теста Вагнера ее уровень соответствовал 0,61—0,74, а для теста Розенцвейга — 0,72—0,81 (по параметрам экстрапунитивности и импунитивности). Установленные результаты свидетельствуют о вполне достаточной согласованности полученных показателей при повторном тестировании для применения данных тестов в отношении указанной категории лиц.

Валидность, установленная методом экспертной оценки⁵, для основных субшкал опросника составила 0,31—0,52, для показателей теста руки — 0,53—0,62, а для отдельных параметров теста Розенцвейга (GCR, E) — 0,47 и 0,54. Основные показатели агрессивности опросникового теста Басса-Дарки (индекс общей агрессивности I_{0a} , параметры субшкал агрессии — физической, коственной и вербальной) положительно коррелировали с индексом

⁵ См.: Бойко И. Б., Калашникова Т. В. Применение стандартизированного личностного опросника А. Басса-А. Дарки в практике ВТК. Рязань: НИИРИО РВШ МВД России, 1993. С. 16—17.

GCR и отмеченной у этих же осужденных величиной экстрапунитивности на уровне 0,29—0,42 ($p < 0,01$). Определяющие оценочные показатели Hand Test Вагнера (суммарный показатель агрессивности EA и индекс удельного веса агрессивных ответов A/EA) имели положительную корреляционную связь с уровнем экстрапунитивности ($r = 0,31$, $p < 0,01$).

Таким образом, сопоставление основных показателей, полученных от применения рассматриваемых психодиагностических методик, позволяет сделать вывод о достаточно приемлемой для подобных исследований критериальной валидности изучаемых тестов в отношении несовершеннолетних осужденных женского пола. Тем самым представленные результаты по основным психометрическим характеристикам указанных методик, полученные на несовершеннолетних осужденных женского пола, позволяют считать, что эти тесты вполне могут быть применимы для диагностики агрессивности как черты личности и использованы в местах лишения свободы в отношении указанной категории осужденных.

Стандартные показатели интегративных параметров опросника (Иа и Ивр), полученные путем линейного преобразования установленных в процессе исследования первичных баллов, представлены на шкале «стэнайнов» ($M = 5,0$; $O = 2$). Так, в частности, для Иа:

первичные аллы	9—13	14—15	16—17	18—19	20—21	22	23	24	25—28
стенайн	1	2	3	4	5	6	7	8	9
для Ивр:									
первичные баллы	6—8	9	10	11	12	13	14	15	16—17
стенайн	1	2	3	4	5	6	7	8	9

Из представленных распределений видно, что полученные при исследовании конкретной осужденной баллы по индексу агрессивности меньше 20, а по индексу враждебности меньше 12 означают, что оценка изучаемого качества у обследуемого лица ниже среднего значения и наоборот.

Полученные данные по выбранной нами шкале позволяют представить границы условной нормы для Иа в отношении изучаемой категории осужденных в рамках 3—7 стэнайнов, что соответствует разбросу от 16 до 23 первичных баллов. Таким образом, последнее положение позволяет всех осужденных с показателями по Иа > 23 отнести к условно агрессивным лицам, имеющим данное личностное качество выше установленной в психодиагностическом исследовании нормы, а всех с Иа < 16 , соответственно, к условно неагрессивным, характеризующимся относительно низким уровнем выраженности этого свойства. Согласно проведенным исследованиям, по опроснику агрессивная группа имела следующие показатели: Иа = $24,8 \pm 0,2$; Ивр = $13,5 \pm 0,3$; ФА = $7,4 \pm 0,1$; КА = $6,1 \pm 0,1$; Р = $8,5 \pm 0,2$; Н = $4,4 \pm 0,1$; О = $6,5 \pm$

+0,1; $P=6,9+0,2$; $BA=11,3+0,1$; $CB=7,6+0,2$. Для данной группы наибольшая корреляция ($r=0,5$) установлена между Иоа и Р. Основные показатели теста руки имели следующие значения: $EA=-0,06+0,46$; $A/EA=0,39+0,03$. Коэффициент корреляции был наиболее высок между EA и Иоа ($r=0,40$) при $p<0,05$. Показатель экстрапунитивности (тест Розенцвейга) достиг уровня $66,8+3,6\%$ ($p<0,001$), а интропунитивности — $10,6+2,2\%$ ($p<0,001$) при отмеченных средних уровнях популяции $53,2+1,5\%$ и $14,9+0,7\%$, соответственно.

Неагрессивные осужденные по опроснику имели следующие показатели: Иоа= $13,2+0,3$; Ивр= $11,4+0,4$; ФА= $3,8+0,2$; КА= $=3,1+0,2$; Р= $5,3+0,4$; Н= $2,5+0,2$; О= $5,8+0,2$; П= $5,6+0,3$; ВА= $6,2+0,3$; ЧВ= $7,8+0,2$. Сравнение показателей опросника данной группы с подобными показателями агрессивной позволило выявить по всем, кроме ЧВ, достоверные различия ($p<0,001$). Тестом руки установлено: $EA=-1,84+0,51$ ($p<0,01$) и $A/EA=-0,29+0,03$ ($p<0,05$).

Аналогично все изученные осужденные подразделяются на группы и по другим показателям тест-опросника (враждебность, раздражительность, негативизм и т. д.).

Группа агрессивных лиц (в процессе исследования их выявлено 48 человек) представлена осужденными, характеризующимися не только наибольшими трудностями в воспитательном процессе, но и потенциально высокой социальной опасностью. Этим лицам отличает повышенная конфликтность, неуравновешенность, взрывчатость, грубость, жестокость и издевательства в отношениях с другими осужденными, мстительность, хитрость, склонность, в ряде случаев, к половым извращениям и другие подобные асоциальные проявления. В данной группе, в частности, показатель групповой конформности был заметно снижен по сравнению со средним значением популяции ($41,5+3,1\%$ против $44,1+0,9\%$). На свободе большинство из них последние недели и месяцы перед арестом не проживали с родителями (родственниками), были в «бегах», злоупотребляли алкоголем, наркотиками, токсикоманическими средствами, вели беспорядочную половую жизнь. Как правило, совершенные ими преступления обязательно содержали элементы откровенного и в ряде случаев грубого насилия (избиения с причинением телесных повреждений различной степени тяжести, насильственные раздевания, удержания при изнасиловании, угрозы с применением холодного и даже огнестрельного оружия и т. п.). В личных делах у всех 48 осужденных имелись записи о многочисленных нарушениях режима содержания, полученных взысканиях как в СИЗО, так и в колонии. Сотрудниками ВТК (особенно воспитателями) осужденные данной группы характеризуются только отрицательно.

Для иллюстрации рассмотрим следующие примеры из практики.

1. Осужденная А., 18 лет, ч. 3 ст. 145 УК РСФСР (вторичная судимость), срок — 2 года лишения свободы, образование — не-

полное среднее, по профессии — помощник воспитателя в яслях, первая судимость (1988 г.) — ч. 2 ст. 144, ч. 2 ст. 89 УК РСФСР 2 года с отсрочкой приговора.

Данные по опроснику: Иоа=24; Ивр=10; ФА=7; КА=6; Р=9; Н=О; П=5; ВА=11; ЧВ=9.

Данные по тесту руки: ЕА=4; А/ЕА=0,67; % агрессивных ответов — 40; 10 карточка — «активная безличность».

Данные по тесту Розенцвейга: GCR=71%; Е=45,8%; I=18,7%; М=35,4%; OD=31,2%; ED=54,1%; NP=14,6%.

Обстоятельства преступления: вместе с соучастницей В. (1976 г. р.), угрожая применением физического насилия, зашла в квартиру незнакомой гражданки З. и открыто похитила, преодолев ее физическое сопротивление, различные предметы быта.

В период отсрочки наказания проявила себя с отрицательной стороны.

В СИЗО: неоднократно нарушала дисциплину, не реагировала на замечания в свой адрес сотрудников учреждения, характеризовалась как скрытная, неуравновешенная личность, в содеянном преступлении не раскаивалась.

В ВТК: с сотрудниками может допускать грубость, по характеру упрямая, самоуверенная, неуравновешенная, скрытная, вспыльчивая, в выражениях часто употребляет нецензурную брань, отрицательно влияет на других осужденных. Воспитательная работа положительных результатов не дала. Имеет массу замечаний, поддерживает нарушителей режима содержания, все замечания сотрудников в свой адрес принимает в «штыки».

2. Осужденная Г., 17 лет, ч. 3 ст. 89 УК РСФСР срок — 3 года лишения свободы, ранее судима (1990 г.) с отсрочкой на 2 года, образование 7 классов.

Данные по опроснику: Иоа=27; Ивр=13; ФА=8; КА=7; Р=10; Н=4; О=7; П=6; ВА=12; ЧВ=7.

Данные по тесту руки: ЕА=3; А/ЕА=0,56, % агрессивных ответов — 50; 10 карточка — «эмоциональность».

По тесту Розенцвейга: GCR=36%; Е=83,3%; I=4,2%; М=8,3%; OD=16,6%; ED=70,8%; NP=8,3%.

На свободе: неоднократно избивала несовершеннолетних, пьянствовала, дома отсутствовала по несколько дней, работу прогуливала.

В СИЗО: пользовалась авторитетом среди сокамерниц, стремилась к лидерству; по характеру энергична, общительна, контактна, вместе с тем неуравновешенна.

В ВТК: 2.07.91 г. Г. в туалете предложила осужденной К. вступить в половую связь в извращенной форме, но получила отказ, стала угрожать последней физической расправой. На почве этого между ними возник серьезный конфликт, в ходе которого Г. восстановила против себя значительную часть воспитанниц отряда. Осужденная Г. была изолирована в ДИЗО на 7 суток.

Из педагогической характеристики: ведет себя дерзко, развязно, всеми правдами и неправдами пытается добиться лидер-

ства, имеет многочисленные конфликты с другими осужденными. Поведение непостоянное, то ровное, то дерзкое, высокомерное, самонадеянное, грубое, несамокритичное. Замечания в свой адрес нередко воспринимает как личные оскорбления и придирки.

Неагрессивные осужденные в ходе проведенного исследования составили несколько меньшую группу (30 человек). Ознакомление с данной категорией лиц показало, что это осужденные, старающиеся избегать конфликтных ситуаций, пытающиеся строить свои взаимоотношения с другими осужденными с позиций приспособленчества, а не силы. Многие из них по характеру замкнутые, малообщительные, скрытные, не откровенные. Совершенные ими преступления (в основном по ч. 2—3 ст. 144 УК РСФСР), не содержали, как правило, признаков физического насилия и угроз. Отдельные осужденные этой группы проявили склонность к аутоагрессии; совершали (в том числе и на свободе) неоднократные попытки суицида (чаще — употребляли различные таблетки), самоповреждения (наиболее часто — нарезки и татуировки). В СИЗО и ВТК характеризовались редкими и малозначимыми в плане социально неблагоприятных последствий нарушениями режима содержания. Показатель групповой конформности лишь незначительно отличался от среднего значения популяции (43,9 + 1,6% против 44,1 + 0,9%).

Для иллюстрации приведем следующие примеры.

1. Осужденная П., 17 лет, ч. 2 ст. 144, ч. 3 ст. 145, ч. 3 ст. 147, ч. 1 ст. 208 УК РСФСР, срок 3 года лишения свободы, ранее не судима, на учете в ИДН не состояла, на свободе в возрасте 16 лет пыталась с целью суицида отравиться таблетками (пипольфен).

Данные по опроснику: Иоа=Ивр=14; ФА=4; КА=1; Р=6; Н=4; О=8; П=6; ВА=9; ЧВ=8.

По тесту руки: ЕА=—5; А/ЕА=0; % агрессивных ответов — 10; 10 карточка — «эмоциональность».

Данные: по тесту Розенцвейга: GCR=39%; E=39,6%; I=—33,3%; M=27,0%; OG=25,0%; ED=56,2%; NP=18,7%.

Обстоятельства преступления: неоднократно похищала вещи из раздевалки детского комбината; вместе с несовершеннолетней Ф. с целью ограбления обманым путем завели несовершеннолетних Г. и Ш. в подъезд дома, где сняла с Г. золотые серьги, повредив ей при этом лицо и правое ухо, а с Ш. — золотое кольцо; в декабре 1991 года на улице сорвала с головы незнакомой женщины норковую шапку и скрылась.

В СИЗО: замечаний не имела.

В ВТК: характеризуется как неоткровенная, скрытная, малообщительная, замкнутая, несвоевременно реагирующая на замечания.

2. Осужденная Г., 17 лет, ч. 3 ст. 144 УК РСФСР, срок 2,5 года лишения свободы, ранее судимая ч. 3 ст. 144 УК РСФСР, (срок 2 года с отсрочкой), в ИДН не состояла, на свободе злоупотребляла алкогольными напитками.

Данные по опроснику: Иоа=Ивр=13; ФА=КА=4; Р=6; Н=2; О=6; П=7; ВА=5; ЧВ=8.

По тесту руки: ЕА=-2; А/ЕА=0,33; % агрессивных ответов — 20; 10-я карточка — «пассивная безличность».

Показатели теста Розенцвейга: GCR=46%; Е=60,4%; I=10,4%; М=29,1%; OD=45,8%; ED=37,5%; NP=16,6%.

Обстоятельства преступления: взломала топором входную дверь квартиры гражданки С. и украла пальто, сапоги и другие личные вещи.

В СИЗО: взысканий не имела, отношения с сокамерницами строила с позиций приспособленчества, старалась избегать конфликтных ситуаций. По характеру замкнутая, скрытная, несколько лжива, неоткровенная, немного конфликтна. В содеянном раскаявалась, но это носило ситуативный, формальный характер.

В ВТК: дисциплину не нарушает, взысканий не имеет.

Таким образом, проведенное исследование позволило выделить крайние по проявлениям агрессивности группы осужденных и тем самым представить своего рода попытку классифицирования по данному признаку несовершеннолетних осужденных женского пола, отбывающих наказание в ВТК. Однако ознакомление с материалами личных дел и другой информацией на изучаемых в колонии девушек-подростков показывает, что по своим психологическим проявлениям границы этих вариантов могут и не быть такими строгими как, например, параметры установленных опросником Басса-Дарки рамок Иоа (до 16; 16—23; свыше 23).

Поэтому изучение агрессивности данной категории осужденных требует проведения дальнейших психологических исследований, подтверждающих и дополняющих полученные данные.

Таблица 1

Показатели опросника у несовершеннолетних осужденных женского пола и подростков-школьниц

Наименования субшкал	Баллы субшк.	Ср. балл осужд. (n—240)	Ср. балл школьн. (n—221)	Достоверность результатов
Физическая агрессия (ФА)	0—10	6,2+0,1	4,1+0,2	P<0,001
Косвенная агрессия (КА)	0—9	4,9+0,1	4,4+0,1	P<0,001
Склонность к раздраж. (Р)	0—11	7,3+0,1	5,2+0,2	P<0,001
Негативизм (Н)	0—5	3,7+0,1	3,0+0,1	P<0,001
Обида (О)	0—8	6,1+0,1	5,2+0,1	P<0,001
Подозрительность (П)	0—10	6,3+0,1	4,9+0,2	P<0,001
Вербальная агрессия (ВА)	0—13	9,3+0,1	7,8+0,2	P<0,001
Чувство вины (ЧВ)	0—9	7,5+0,1	6,6+0,1	P<0,001

Примечание: P — достоверность результатов исследований, сопоставляемых по одноименным субшкалам; n — количество обследованных лиц.

Проведенное исследование показало (табл. 1), что несовершеннолетние осужденные женского пола, по данным всех субшкал опросника, достоверно отличаются от изученной группы подростков-школьниц ($p < 0,001$). Подобное отличие обнаружено и при сравнении основных интегративных показателей данного опросника. Так, в частности, у осужденных Иоа составил $20,3 + 0,3$, а Ивр — $12,4 + 0,1$, тогда как у школьниц Иоа оказался равным $16,2 + 0,4$, а Ивр — $10,0 + 0,2$. Изучение согласованности полученных в процессе исследования в ВТК показателей опросника позволило установить наибольшую связь ($r = 0,56$) между Иоа и Р, с одной стороны, и между Иоа с Н, с другой. У осужденных Иоа с Ивр коррелировали незначительно ($r = 0,28$), в отличие от контрольной группы, где подобная связь была более выражена ($r = 0,53$). Между составляющими индекс общей агрессивности показателями субшкал опросника установлены не очень выраженные корреляции как среди осужденных, так и в контрольной группе ($r = 0,30 - 0,44$).

Повышенный фон агрессивности у несовершеннолетних осужденных женского пола, выявленный опросниковым тестом, подтверждается и результатами, полученными от применения проективных методик. В частности, в табл. 2 представлены основные показатели Hand Test Вагнера, иллюстрирующие отмеченный факт.

Таблица 2

Основные показатели теста Вагнера (Hand Test) у несовершеннолетних осужденных женского пола и подростков-школьниц

Категория обследованных	IA	A/EA	A
Осужденные n = 189	$-0,63 + 0,18$	$0,35 + 0,01$	$2,20 + 0,08$
Школьницы n = 169	$-1,93 + 0,20$ $p < 0,001$	$0,24 + 0,01$ $p < 0,001$	$1,60 + 0,08$ $p < 0,001$

Примечание: n — число обследованных лиц; IA — показатель общей агрессивности; A/EA — отношение A к сумме всех определяющих IA ответов; A — число ответов по категории «агрессивность»; p — достоверность сравниваемых результатов.

Объяснением данного явления могут служить следующие факторы, которые были установлены в процессе исследования на основе изучения личных дел, автобиографий, бесед, собственных наблюдений, анализа получаемых и отправляемых писем, ознакомления с характеристиками на осужденных сотрудников ВТК:

общее социальное неблагополучие, включающее в себя семейные взаимоотношения, неурядицы, отсутствие одного или двух родителей, алкоголизм, конфликтность в семье, ярко выраженные авторитарные методы воспитания с элементами насилия, откоро-

венных сексуальных притязаний, постоянного унижения достоинства ребенка, достигаемого в том числе и другими способами;

определяющее влияние малых отрицательных групп улицы, приводящее к увлечению наркоманией, токсикоманией, алкоголизмом; раннему вступлению в половую связь, нередко характеризующуюся насильственным принуждением; не получив признания в семье, подростки-девушки переносят отрицательный опыт семейных взаимоотношений на систему общения в малые группы улицы, что конкретно реализуется в элементах скрытой и явной агрессии.

Кроме того, не следует исключать и влияний на повышенный фон агрессивности таких специфических факторов, как сам факт осуждения, опыт пребывания в СИЗО, процесс этапирования, пребывание в карантине ВТК и т. п.

Состояние агрессии определяют еще и другие важные факторы, к числу которых, в первую очередь, следует отнести особенности психического и соматического здоровья осужденных. Однако, в силу указанной цели исследования, этот вопрос в настоящей работе не представлен.

Повышенное состояние агрессивности у несовершеннолетних осужденных женского пола проявляется в следующих формах:

открытой, определяющей поведение осужденных с высокой конфликтностью, частыми оскорблениями, драками и другими открытыми и грубыми внешними физическими проявлениями агрессии (осужденные с подобными особенностями поведения наиболее часто и в большем объеме создают проблемы сотрудникам ВТК);

скрытой, проявляющейся в «тихом», завуалированном варианте (распространение грубых и злых сплетен, слухов, унижающих достоинство конкретной личности и т. п.);

ситуативной, как адаптивной, индивидуально выбранной для данного учреждения манерой поведения;

патологической, обусловленной каким-либо имеющимся психическим или физическим недугом.

Отмеченные варианты агрессивного поведения у несовершеннолетних осужденных женского пола были установлены в процессе проведения исследований указанными выше дополнительными методами, так как использование только изучаемых диагностических методик оказалось совершенно недостаточным.

В этих целях представляется необходимым проведение дальнейших исследований с применением уже апробированных личностных многофакторных опросников, требующих своей адаптации на данном контингенте лиц.

В процессе исследования тестом руки установлено, что у осужденных агрессивные тенденции превалировали над таковыми у школьниц, тогда как тенденции, сдерживающие агрессивное поведение, были более выражены у последних. Установленные особенности свидетельствуют, что у осужденных более выражены установки на агрессию и менее, чем у сравниваемых с ними

школьников, на социальное сотрудничество. Отсюда вполне справедлив вывод: агрессивное поведение определяют не только наличие сильно развитых агрессивных установок, но и незначительная выраженность установок на социальную кооперацию.

При оценке тенденций к социальному сотрудничеству установлено, что у осужденных категории «страх» ($p > 0,05$) и «коммуникация» ($p < 0,001$) снижены по сравнению с таковыми у школьников. Полученные достоверные результаты по категории «коммуникация» можно толковать, например, как то, что осужденные, в отличие от школьников, меньше нуждаются в дружественных контактах друг с другом. Вместе с тем для них характерны эмоциональные проявления (привязанность, положительное отношение, благожелательность и т. п.).

Таким образом, оценивая внутренние детерминанты поведения, установлено, что у осужденных, в отличие от контрольной группы, к социальной кооперации в большей степени побуждают эмоциональные и коммуникативные тенденции. Данное положение является принципиальным и с ним следует считаться при изучении агрессивного поведения в данной популяции.

Относительно низкий уровень показателя групповой конформности (GCR), отражающего, по мнению Розенцвейга, определенную степень толерантности к фрустрации, среди изучаемой выборки осужденных (44,1+0,9%) и сравниваемых с ними школьников (46,0+0,9%), по-видимому, объясняется психологическими особенностями подросткового возраста. Этому периоду, как известно, соответствуют и частые конфликты (самого различного типа) с окружающими, и недостаточная адаптированность к своему социальному окружению, и др. особенности, в частности, конституциональные — становление женского организма.

Изучение агрессивности у несовершеннолетних осужденных женского пола за различные виды преступлений (табл. 3) показало, что по всем показателям опросника, как впрочем и по основным результатам проективных тестов, отсутствуют достоверные отличия между осужденными, совершившими кражи, грабежи, разбои, хулиганские действия, тяжкие преступления против личности. В процессе исследования не выявлено также достоверного отличия между показателями опросника у осужденных, совершивших преступления без явных элементов агрессии (ст. 144, 89 УК РСФСР) и по другим статьям с откровенными признаками физического насилия (ст. 102, 103, 108, 117, 145, 146, 206 УК РСФСР). Совпадение смысла результатов, полученных указанными методами, дает уверенность в правильности сделанного заключения.

Вместе с тем наиболее высокие уровни GCR (47,0—49,9%) отмечены среди лиц, совершивших тяжкие преступления против личности (ст. 102, 103, 108 УК РСФСР), а также половые (ч. 3 ст. 117 УК РСФСР) и хулиганские действия, что свидетельствует за большую их социальную адаптированность по сравнению, например, с лицами, совершившими кражи. Рассматриваемая категория осужденных, как следует из материалов личных дел, бесед

и наблюдений, более приспособлена к условиям отбывания наказания в ВТК, имеет четкое ситуационно ориентированное на выгоду поведение, отличающееся заметным конформизмом и изворотливостью, менее конфликтна во взаимоотношениях с окружающими, с сотрудниками учреждения.

Отсюда следует вывод, который помимо теоретического значения вполне применим в практике судебно-психологической экспертизы: агрессивность данной категории несовершеннолетних преступников не зависит от вида совершенного ими деяния, т. е. квалифицируемая статья не предопределяет агрессивность лица, совершившего данное преступление.

Таблица 3

Показатели опросника у несовершеннолетних осужденных женского пола, отбывающих наказание в ВТК за различные виды преступлений

Статья УК РСФСР	Июа (баллы)	Ивр (баллы)	Достоверность данных	Кол-во осужд., %
144	20,3+0,3	12,5+0,2	P>0,05	51
145	20,8+0,7	12,7+0,5	P>0,05	9
146	21,1+0,4	12,0+0,7	P>0,05	5
89	22,7+0,9	11,6+0,7	P>0,05	3
102, 103, 108	18,6+1,3	12,0+0,6	P>0,05	3
117	18,4+1,3	11,3+0,7	P>0,05	6
206	21,0+0,7	12,5+0,4	P>0,05	15
144+др. ст. с агресс.	19,9+0,8	12,6+0,4	P>0,05	8
Ср. показатели выборки	20,3+0,3	12,4+0,1		100

Примечание: P — достоверность по отношению к соответствующему среднему показателю выборки.

Проведенное исследование позволяет считать ошибочными взгляды, встречающиеся среди сотрудников исправительно-трудовых учреждений о зависимости состава преступления и агрессивности несовершеннолетнего преступника как психологической особенности его личности.

Проведенное исследование позволило впервые на несовершеннолетних осужденных женского пола, отбывающих наказание в ВТК, установить все необходимые для дальнейшего применения опросника Басса-Дарки, Hand Test Вагнера и теста фрустрации Розенцвейга психометрические параметры и показать их пригодность и возможности для оценки агрессивности в отношении указанной категории лиц.

Применение названных методик в сочетании позволило не только установить более высокие значения по основным изучаемым ими параметрам у осужденных, но и классифицировать последних на условно агрессивную, неагрессивную и среднюю по выраженности данного свойства группы. Этим самым предпринята первая попытка обоснования диагностического подхода к выявлению среди несовершеннолетних преступниц лиц с более высокими проявлениями агрессивности.

Сложность и многогранность агрессивного поведения, высокая вариативность которого широко представлена среди осужденных различных категорий, требуют дальнейшего психологического изучения с применением в том числе и других личностных методик (ММРІ, 16-факторный тест Кеттелла и др.).

Полученные в исследовании данные в отношении осужденных и сравниваемых с ними школьниц следует использовать в своей профессиональной деятельности психологам и другим специалистам пенитенциарных учреждений.

3. Профилактика самоповреждений и самоубийств

Одним из важнейших условий снижения уровня самоповреждений в местах лишения свободы является их своевременное и основанное на фактических данных распознавание. Решение этой проблемы в основном связано с деятельностью работников медицинской части и оперативно-режимных подразделений, от профессиональных и личностных качеств которых во многом зависят правильная диагностика и эффективная профилактика этих случаев.

Для исправительных учреждений проблема распознавания самоповреждений имеет особое значение еще и потому, что осужденные, страдающие какими-либо тяжелыми заболеваниями (например, туберкулезом, раком), могут быть освобождены от дальнейшего отбывания наказания. Однако, если служебной проверкой будет установлено, что болезнь вызвана искусственно и наступила в результате умышленного нанесения самому себе телесных повреждений во время отбывания наказания, то данный осужденный не будет представляться к освобождению по болезни. Это положение, по вполне понятным причинам, не распространяется на все те случаи, когда в момент причинения самоповреждений лицо находилось в состоянии острого психического расстройства, подтвержденного комиссией врачей психиатров.

В настоящее время проблема распознавания самоповреждений в пенитенциарных учреждениях остается все еще трудноразрешимой. Это обусловлено следующими обстоятельствами:

незнанием сотрудниками названных учреждений многих способов и методов причинения самоповреждений, в том числе вариантов создания признаков болезней или самих заболеваний;

несовершенством диагностики этих аутоагрессивных проявлений, что требует современных научно обоснованных разработок методического характера;

низким уровнем профессионализма у некоторой части медицинских работников ИУ;

слабой материально-технической базой медицинских частей исправительных учреждений;

сокрытием, а в ряде случаев и весьма успешным, способов и методов аутоагрессии самими членовредителями;

недостатком информации о случаях самоповреждений, получаемой работниками медицинских частей от представителей дру-

гих служб ИУ (например, от оперативно-режимных подразделений).

На установление фактов самоповреждений в исправительных учреждениях в ряде случаев влияет и боязнь врачей совершить ошибку в диагностике данных аутоагрессивных проявлений, что может быть чревато как незаслуженным наказанием действительно заболевшего или пострадавшего человека, так и ухудшением у него проявлений имеющегося заболевания (травмы). Во всех перечисленных случаях подобный подход грозит врачу потерей доверия больных, что, конечно, крайне нежелательно для любого медицинского работника.

Для профилактики самоповреждений в ИУ важно не только установить сам факт аутоагрессии, но и выявить причины, побудившие осужденного к его совершению. На этом важнейшем принципе должна быть основана вся деятельность по борьбе с аутоагрессивными проявлениями среди осужденных.

Одной из существенных мер профилактики самоповреждений, среди осужденных в ИУ является, на наш взгляд, назначение психиатрического освидетельствования всем лицам, совершившим акты аутоагрессии, причем желательно в условиях стационара.

Профилактическим целям должна служить и пропаганда здорового образа жизни в исправительных учреждениях (личный пример, чтение лекций, проведение бесед, просмотр кинофильмов и т. п.). Эта работа должна проводиться всеми сотрудниками ИУ, без исключения, а не только одними медицинскими работниками, как это у нас получило определенное распространение в исправительных учреждениях. В этом плане представляется весьма важной и активизация физкультурно-массовой работы среди осужденных, проведение с ними различных спортивных мероприятий.

На наш взгляд, профилактике самоповреждений в ИУ способствовала бы воплощение в жизнь следующего положения: осужденный умышленно совершивший аутоагрессивные действия, обязан компенсировать материальные затраты медицинской службе данного учреждения, затраченные на диагностику и лечение «травмы» или «заболевания». Безусловно, что данное положение не может быть распространено в отношении всех подобных случаев аутоагрессии. Однако представляется, что разработка конкретных рекомендаций и внедрение его в существующую практику определенным образом повлияло бы на сокращение частоты этого аутоагрессивного акта среди осужденных.

Кроме того, предупреждению аутоагрессивных проявлений среди осужденных, а также снижению их уровня в ИУ, могли бы способствовать:

достаточно точная статистика случаев аутоагрессии в исправительных учреждениях, отражающая реальное положение с самоповреждениями среди осужденных;

прекращение сокрытия сотрудниками названных учреждений

фактов членовредительства, имевших место среди отбывающих наказание лиц;

в сложных, неясных и сомнительных случаях представляется целесообразным обращение за помощью в судебно-медицинские учреждения;

привлечение к расследованию случаев самоповреждений наиболее опытных и квалифицированных сотрудников названных учреждений;

включение вопросов распознавания и профилактики самоповреждений в специальную профессиональную подготовку сотрудников ИУ для приобретения ими необходимых в работе в указанных учреждениях знаний и опыта по этой важной проблеме;

постоянное взаимодействие в указанных выше целях всех сотрудников ИУ по роду своей деятельности заинтересованных в этой проблеме;

обязательный учет и медико-психологическое исследование осужденных, проявивших себя аутоагрессивными особенностями поведения;

проведение с осужденными воспитательной работы, ориентированной на вопросы профилактики всех видов аутоагрессии, пропаганду здорового образа жизни в местах лишения свободы и др.

Несмотря на получившее определенное распространение среди специалистов скептическое мнение по поводу эффективности предупреждения самоубийств среди осужденных, представляется, что данная проблема все не утратила своего социально значимого и позитивного смысла и претендует не только на существование, но и даже развитие.

Рассмотрим основные положения этой проблемы, которые в свете проведенных исследований представляются наиболее значимыми и имеют, на наш взгляд, определенное влияние на действенность предупредительных мер, а именно, на сокращение случаев самоубийств в местах лишения свободы.

Во-первых. Предупреждение любого неблагоприятного явления совершенно немыслимо без изучения его встречаемости в той или иной среде. Это важнейшее положение полностью распространяемо на исправительные учреждения, где до настоящего времени должным образом не ведется регистрация всех суицидальных актов и отсутствуют статистические формы отчетности по этому серьезнейшему социальному показателю. Поэтому в этих целях представляется необходимым уже сейчас приступить к исправлению сложившегося положения. Речь идет о создании малообъемной, но четко структурированной отчетности по этому крайне социально опасному показателю аутоагрессивности по всем без исключения учреждениям и органам, исполняющим наказания в виде лишения свободы.

Во-вторых. Представляется важным в этом профилактическом направлении деятельности исправительных учреждений разработать и внедрить различные (опросниковые и проективные) психодиагностические методики, ориентированные на выявление среди

осужденных лиц со склонностью к суицидальным проявлениям. Данный аспект проблемы имеет особое значение для мест лишения свободы, так как основывается на изучении личностных особенностей отбывающих наказание лиц. Своевременное выявление уровня сформированности суицидальных намерений позволит, на наш взгляд, предупредить в ряде случаев попытки самоубийства среди осужденных.

В-третьих. Своевременная (имеется в виду ранняя) постановка на учет всех лиц, склонных к аутоагрессии и особенно к суициду. Данный аспект проблемы должен носить активный характер и предусматривать создание в исправительных учреждениях своего рода рабочих (антисуицидальных) групп, нацеленных на профилактику самоубийств, в которые помимо оперативного работника (на него должны быть возложены основные и координирующие функции) обязательно должны входить врач (следует отдать предпочтение психиатру) и психолог-практик. Только целенаправленная и скоординированная деятельность всех перечисленных нами специалистов позволит надеяться на эффективность этой работы. Вместе с тем, как свидетельствует анализ изученных случаев, ошибки и отдельные недоработки, которые могут иметь место на различных этапах этой групповой деятельности, неизбежно перечеркнут все то позитивное, что может быть создано в процессе этой предупредительной работы.

В-четвертых. Учитывая связь аутоагрессии с психической напряженностью, повышенной агрессивностью и тревожностью у осужденных, по-видимому, имеет смысл в этом направлении деятельности обратиться к помощи кабинетов психологической поддержки. Данный психотерапевтический подход, соответствующий современным требованиям коррекции отклоняющегося поведения, потребует определенных материальных затрат, вполне решаемых на уровне исправительного учреждения, особенно когда заходит речь о человеческой жизни.

В-пятых. Представляется целесообразным перенесение опыта применения так называемого телефона доверия, получившего определенное распространение в крупных городах страны, в условия мест лишения свободы. Размещение этого телефона непосредственно в исправительном учреждении позволит каждому осужденному, остро нуждающемуся в психологической и (или) психиатрической помощи, обратиться свободно, без каких-либо препятствий, в любое время дня и ночи, к дежурящему на нем специалисту.

В-шестых. Проведение дальнейших научных исследований в этом важном и интересном направлении с привлечением к активному участию специалистов различных отраслей знания — медиков, психиатров, психологов, социологов, педагогов, юристов и др. Данный многопрофильный подход способствует более полному охвату этого сложного по своей природе и проявлениям феномену.

В-седьмых. В профилактической деятельности в местах лишения свободы никоим образом нельзя отбрасывать и такую воз-

возможность предотвращения самоубийств как обращение за помощью к участию важного антисуицидального фактора — религии. Деятельность священнослужителей, получившая определенное распространение в местах лишения свободы, особенно в последнее время, является стабилизирующей в плане сдерживания суицидальных проявлений со стороны отдельных осужденных, особенно верующих.

Рассмотренные принципиальные положения хотя и отражают современное состояние и подходы к решению актуальнейшей для мест лишения свободы проблемы — профилактика аутоагрессивных проявлений среди осужденных, но, тем не менее, не исчерпывают всего того, что может быть использовано в этих целях в исправительных учреждениях. Однако, представляется, что следование им при проведении профилактических мероприятий в ИУ позволит снизить частоту встречаемости аутоагрессивных проявлений среди осужденных.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
Глава I. Проблема насилия среди осужденных	5
1. Общая характеристика	—
2. Специфическое тюремное преступление — насильственное мужеложство	17
Глава II. Причины насилия среди осужденных	29
1. Основные факторы, порождающие насилие	—
2. Типология причин насильственных действий	41
Глава III. Захват заложников в местах лишения свободы	49
1. Способы захвата заложников, место, время и другие обстоятельства	51
2. Характеристика лиц, захватывающих заложников	57
3. Типы личности преступников, которые захватывают заложников	59
Глава IV. Насилие против самого себя	66
1. Понятие аутоагрессии и ее классификация	—
2. Самоубийства и самоповреждения в местах лишения свободы	70
3. Причины и условия аутоагрессивных действий в местах лишения свободы	85
Глава V. Профилактика насилия среди осужденных	90
1. Основополагающие посылки	—
2. Психологические методики исследования агрессивности преступников	101
3. Профилактика самоповреждений и самоубийств	112

Юрий Миранович Антонян
Игорь Борисович Бойко
Владимир Александрович Верещагин

**НАСИЛИЕ
СРЕДИ ОСУЖДЕННЫХ**

Под ред. Ю. М. АНТОНЯНА

Учебное пособие

Редактор *Е. А. Кохова*
Технический редактор *Е. Г. Александрова*
Корректор *С. М. Задворычева*

Сдано в набор 25.11.94 Подписано в печать 05.07.95 Печ. л. 7,5 Уч.-изд. л. 7
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типограф. № 2 Т.-300 экз.
Заказ 1327. Цена договорная

Щербинская типография. 113623, Москва. ул. Типографская, 10

ДЛЯ ЗАМЕТОК